

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2023

Том 23

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW

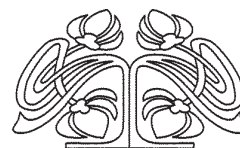
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Фенин К. В. Зарождение и развитие экономической герменевтики
в недрах советского марксизма и неоклассического синтеза

4

Управление

Васина А. В., Сысоева О. В., Киселева О. Н. К вопросу о формировании
университетского хаба в концепции открытых инноваций

10

Синиченко О. А. Миссинг как современный инструмент
недобросовестных продаж банковских продуктов и услуг
в коммерческих банках

20

Цыпин А. П., Кабанова Е. Е., Гаджимирзоев Г. И. Статистический анализ
обеспеченности жильем населения регионов России

27

Балаш В. А., Балаш О. С., Файзлиев А. Р. Использование
марковских моделей со множеством состояний для прогнозирования
вероятности дефолта заемщиков

35

Рындина А. О., Свищева В. А. Финансовые аспекты развития
Саратовской агломерации

42

Право

Романовский Г. Б., Романовский В. Г. Ограничения цифровых прав человека
в целях противодействия терроризму

48

Заметина Т. В., Куликова С. А., Каменская Е. В. Парламентский контроль
в субъектах Российской Федерации: проблемы правового регулирования
и практики реализации

60

Бердникова Е. В., Соловых С. Н. Проблемные аспекты судебной защиты
прав собственников жилых помещений при переселении из аварийного жилья
в Российской Федерации

72

Тогузаева Е. Н. Роль правовой пропаганды в укреплении идеологических
основ общества

79

Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Правовая природа судебного примирения

85

Рукавишников С. М. Управленческие правоотношения в структуре механизма
административно-правового регулирования в сфере высшего образования

96

Татарников Д. Г. Прецедент в римском праве: основные термины и их содержание

106

Храмушин В. В. Электронная коммерция с использованием блокчейн-технологий

112

Кондукторова Н. А. К вопросу о свободном выборе в пользу духовной, культурной
и правовой связи с Российской Федерацией соотечественников за рубежом

118

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.02.23.

Подписано в свет 01.03.23.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 12-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@ Rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

- Fenin C. V.** The origin and development of economic hermeneutics inside Soviet Marxism and neoclassical synthesis 4

Management

- Vasina A. V., Sysoeva O. V., Kiseleva O. N.** On the issue of forming a university hub in the concept of open innovation 10

- Sinichenko O. A.** Misseling as a modern tool of unfair sales of banking products and services in commercial banks 20

- Tsybin A. P., Kabanova E. E., Gadzhimirzoev G. I.** Statistical analysis of housing availability in Russian regions 27

- Balash V. A., Balash O. S., Faizliev A. R.** Using Multi-state Markov models to predict the probability of borrowers' default 35

- Ryndina A. O., Svishcheva V. A.** Financial aspects of the Saratov agglomeration development 42

Law

- Romanovsky G. B., Romanovsky V. G.** Restrictions on digital human rights to counter terrorism 48

- Zametina T. V., Kulikova S. A., Kamenskaya E. V.** Parliamentary control in the subjects of the Russian Federation: Problems of legal regulation and implementation practice 60

- Berdnikova E. V., Solovykh S. N.** The problematic aspects of judicial protection of the rights of owners of residential premises during relocation from unsafe housing in the Russian Federation 72

- Toguzaeva E. N.** The role of legal propaganda in strengthening the ideological foundations of society 79

- Duraev T. A., Tyumeneva N. V.** The legal nature of judicial reconciliation 85

- Rukavishnikov S. M.** Governing relations in the structure of the mechanism of administrative legal regulation in the sphere of higher education 96

- Tatarnikov D. G.** Precedent in Roman law: Basic terms and their semantic content 106

- Khrumushin V. V.** E-commerce using blockchain technologies 112

- Konduktorova N. A.** The issue of free choice in favor of spiritual, cultural and legal ties of compatriots abroad with the Russian Federation 118

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхавгадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

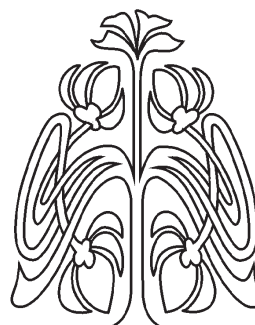
Vitali N. Khrustaluv (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–9
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–9
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>
EDN: DZPMDC

Научная статья
УДК 330.8

Зарождение и развитие экономической герменевтики в недрах советского марксизма и неоклассического синтеза

К. В. Фенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

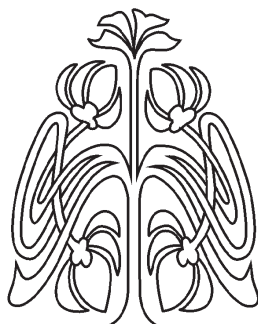
Фенин Кирилл Вячеславович, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, fenin.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Аннотация. Введение. В статье анализируются факторы возникновения и развития экономической герменевтики. Критическому переосмыслению подвергаются стереотипные представления о тотальной идеологической унификации политической экономики в СССР в период доминирования советского марксизма и идеологической нейтральности неоклассического синтеза – мейнстрима западной экономической науки. **Теоретический анализ.** Показано, что советская политическая экономия представляет собой очень интересный сложный частный случай развития экономического научного знания, к которому предъявлялись специфические требования от государственного аппарата (властных структур). Кратко рассмотрены условия генезиса экономической герменевтики на Западе в рамках неоавстрийской экономической школы как возможной реакции на догматизм неоклассического мейнстрима. Исследуются общие причины консерватизма научной среды. Сделано предположение о наличии ряда сходных черт между марксизмом и неоклассической теорией. **Результаты.** Установлено, что доминирование марксизма в СССР и формального неоклассического синтеза в США позволило сформировать среду, которая в последующем привела к жизни новое научное направление – экономическую герменевтику. Причем процесс зарождения нового научного направления в недрах данных консервативных экономических парадигм был вполне естественным, поскольку экономическая теория по своей природе герменевтична – стремится истолковывать смысл внешне простых и повседневных, но жизненно важных для человека явлений. Материалы статьи могут быть использованы для преподавания истории экономической мысли.

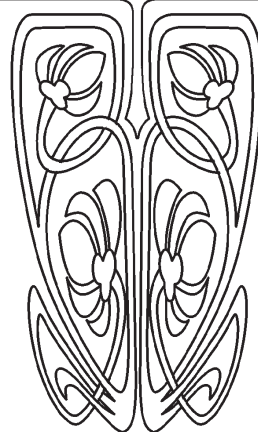
Ключевые слова: российская экономическая школа, советский марксизм, экономическая герменевтика, мейнстрим, научный потенциал

Для цитирования: Фенин К. В. Зарождение и развитие экономической герменевтики в недрах советского марксизма и неоклассического синтеза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The origin and development of economic hermeneutics inside Soviet Marxism and neoclassical synthesis

C. V. Fenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Cyril V. Fenin, fenin.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Abstract. Introduction. This article is an analysis of the factors of the emergence and development of economic hermeneutics. The stereotypical ideas about the total ideological unification of political economy in the USSR during the period of Soviet Marxism dominance and the ideological neutrality of neoclassical synthesis, the mainstream of Western economic science, are being critically rethought. **Theoretical analysis.** It is shown that Soviet political economy is a very interesting complex special case of the economic knowledge development, which was subject to specific requirements from the state apparatus (power structures). The conditions for the genesis of economic hermeneutics in the West within the framework of the neo-Austrian school of economics as a possible reaction to the dogmatism of the neoclassical mainstream are briefly considered. The general reasons for the conservatism of the scientific environment are investigated. An assumption is made about the presence of a number of similar features between Marxism and the neoclassical theory. **Results.** It has been established that the dominance of Marxism in the USSR and the formal neoclassical synthesis in the USA made it possible to form an environment that subsequently led to a new scientific direction – economic hermeneutics. Moreover, the process of the emergence of a new scientific direction in the depths of this conservative economic paradigm was quite natural, since economic theory is hermeneutic in nature – it seeks to interpret the meaning of outwardly simple, but vital phenomena. The materials of the article can be used to teach the history of economic thought.

Keywords: Russian economic school, Soviet Marxism, economic hermeneutics, mainstream, scientific potential

For citation: Fenin C. V. The origin and development of economic hermeneutics inside Soviet Marxism and neoclassical synthesis. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–9 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Постижение истории экономической мысли, которая входит в область научных интересов автора, предполагает кропотливый анализ большого объема академических экономических текстов, подчас отличающихся архаичным стилем изложения и сложным содержанием. В связи с этим особое значение приобретают проблемы понимания и интерпретации трудов выдающихся мыслителей и экономистов прошлого. Инкорпорирование в современную экономическую науку достижений предыдущих поколений исследователей может быть осуществлено посредством герменевтики – изначально искусства толкования древних текстов, разных языков, смысла изречений мудрецов. В Средневековье объектами толкования были преимущественно религиозные сочинения, но затем к ним прибавились и светские трактаты. Сам термин «герменевтика» происходит от имени персонажа древнегреческой мифологии Гермеса (Меркурия), который исполнял обязанности посредника между богами и людьми, истолковывал смертным повеления богов, а олимпийцам пересказывал человеческие просьбы. Дальнейшее развитие расширило сферу интересов герменевтики и оформило ее в XIX в. в самостоятельное философское учение [1, с. 6]. Вполне удовлетворяющим требованиям данного исследования можно признать определение экономической герменевтики как «теории и практики толкования, интерпретации,

искусства понимания текстов, гипертекстов, экономических понятий и явлений с целью постижения их смысла сквозь призму культуры, эмоциональной и компетентностной сферы, личного и исторического опыта субъекта понимания и преобразования их в информацию в определенном контексте, используемую для принятия решений в бизнес-процессах», предложенное российскими учеными-экономистами С. В. Бегичевой и Д. М. Назаровым [2, с. 24].

Теоретический анализ

Генезис экономической герменевтики как «побочного продукта» развития советского марксизма весьма примечателен. Впрочем, сама отечественная экономическая школа, которая, по мнению Л. И. Абалкина, сложилась в конце (в последней трети) XIX в., являла собой интереснейший культурный феномен. Первый этап развития российской экономической науки, пришедшийся на 1870–1890 гг., выражался в переосмыслении и преломлении ценностей немецкой исторической школы и марксизма. При этом данное культурное «переваривание» идей иностранных экономистов было столь успешным, что позволило в начале XX в. российской экономической науке выйти на европейский уровень: можно вспомнить хотя бы работы М. И. Туган-Барановского, которые переведились на иностранные языки. Второй этап развития аутентичной российской («предсоветской») экономической школы, приходящийся на

первую треть XX в., строился как критическое восприятие инноваций теоретических школ марксизма и маржиналистских постулатов раннего (ортодоксального) неоклассицизма. Тогда же, в 1920–1930 гг., начался этап политизации российской экономической школы. По мнению Л. Д. Широкограда и В. В. Леонтьева, никогда еще до этого времени государственная идеология не внедрялась в науку столь бесцеремонно и со столь разрушительными последствиями. В период нэпа еще существовала объективная возможность для дискуссий по вопросам марксистской теории, а также по актуальным вопросам экономического развития страны, хотя идеологические границы для проведения такого рода дискуссий были довольно узкими. Затем, с конца 1920-х и до 1950-х гг., советская экономическая наука оставалась неподвижной и, по существу, бесплодной – «громоздким, бесстрастным и непоколебимым памятником К. Марксу, который поддерживался множеством хранителей и у подножия которого время от времени проходили вереницы людей, преисполненных чувством долга» [3, с. 86; 4, с. 78, 79, 80; 5, с. 216].

Однако стоит признать, что описанные выше взгляды выдающихся деятелей науки на развитие советской политэкономии категоричны и несколько одномерны. Несмотря на стереотипное мнение о том, что в СССР экономическая наука была «раздавлена» политикой, можно выделить, по крайней мере, одно очень успешное научное направление, пережившее «идеологическую унификацию». Данное направление – математическая экономика, которая по понятным причинам сравнительно мало пострадала от гнета идеологии, что подтверждается Нобелевской премией по экономике 1975 г., врученной математику Л. В. Конторовичу за «вклад в теорию оптимального распределения ресурсов», т. е. за работы в области линейного программирования, написанные им еще в 1939 г. Воистину, сложно себе вообразить еще более релевантный и однозначный пример признания достижений советской экономической науки со стороны мирового сообщества, точнее, той его части, которая была идеологически антагонистичной Советскому Союзу [6].

Кроме того, по мнению П. А. Ореховского, во времена господства марксизма в России экономический дискурс допускал вариативность как в терминологии, так и в способах высказывания. Советская научная школа, по крайней мере, некоторые ее представители давали себе отчет в том, что факты интерпретируются исходя из парадигмы, которой придерживаются

исследователи. Интеллектуальный багаж советских экономистов был обширным. И очень часто советские ученые отдавали должное даже «буржуазным экономистам». Ярким примером этого может быть оценка А. В. Аникиным идей А. Смита. В своем замечательном произведении по истории экономической мысли «Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса» он писал, что «хотя А. Смит требовал свободы действий для капиталистов, надо помнить об эпохе, когда он творил – в то время британский рабочий класс страдал еще не столько от капитализма, сколько от его недоразвитости, поэтому требования шотландского философа были прогрессивными и гуманными». Да и тот же великий скептик В. В. Леонтьев признавал, что «советские экономисты вовсе не были утопистами, они активно занимались толкованием трудов К. Маркса и В. И. Ленина» [5, с. 217; 7, с. 99; 8, с. 25, 201].

Как раз таки в условиях доминирования марксизма в СССР сформировалась среда, приведшая в последующем к жизни новое научное направление – экономическую герменевтику. Запрос на интерпретацию трудов К. Маркса для их функционального использования, в первую очередь, шел от властных структур, которым нужно было объяснить отход реальной экономической политики от канонического учения. Причем иногда интерпретацией занимались сами представители властной элиты. Так, по меткому замечанию Г. А. Черемисинова, В. И. Ульянов-Ленин в сентябре 1913 г. (до Октябрьской революции) провозгласил, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно, полно и стройно, и дает людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием». А уже после революции, в период нэпа (27 марта 1922 г.), вождь несколько изменил риторику, отмечая, что «...К. Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с XV в. На протяжении шестисот лет это было правильно, а для России теперешней неверно» [9, с. 149, 153]. Сюда же относятся и размышления И. В. Сталина о необходимости устранения товарного производства после национализации средств производства, т. е. о формуле Ф. Энгельса. Советский руководитель в своей монографии «Экономические проблемы социализма в СССР» отмечал, что «формулу Энгельса нельзя считать вполне ясной и точной, так как в ней нет указания, идет ли речь о взятии во владение обществом всех средств производства или только их части...». Значит, формула Ф. Энгельса вариативна – «ее можно понять и так, и этак» [10, с. 10–11].

Разумеется, приведенные выше пассажи относительно К. Маркса и Ф. Энгельса могли позволить себе преимущественно власть имущие. В академической среде поддерживался статус непогрешимости теории марксизма, что на самом деле изначально противоречит природе и духу научного знания. Однако интерпретация текстов все-таки допускала возможность развития науки. По мнению В. Т. Рязанова, «советская герменевтическая практика» трактовала марксистское наследие по аналогии со Священным Писанием, которое не подлежит ревизии и только может истолковываться в целях обнаружения невыявленного ранее какого-либо значения или интерпретироваться с учетом возникших новых обстоятельств. Как раз таки подобная практика истолкования трудов К. Маркса и Ф. Энгельса позволила развиваться экономической герменевтике, предполагающей использование различных техник и процедур глубокой философской и лингвистической интерпретации экономических текстов, которые сложились в теологии и были успешно транслированы в область рационального знания. В качестве интерпретируемых проблем выдвигались соотношение марксизма с ленинизмом, троцкизмом, маоизмом и т.п. или соотношение «раннего» и «позднего» К. Маркса, а также противоречия между первым и третьим томами «Капитала» и т.д. [11, с. 59, 60; 12, с. 11].

Результатом вышеописанных институциональных условий и стал генезис экономической герменевтики в советской научной среде. Хотя до распада СССР, пожалуй, не было публикаций, которые бы стилистически отразили рождение новой научной дисциплины: вероятно, первая такая работа, «О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика», была издана Г. А. Черемисиновым только в 1994 г. [9].

На этом можно было бы завершить статью, однако полноценный анализ генезиса экономической герменевтики невозможно осуществить только лишь посредством описания специфики советского марксизма. Удивительно, но в 1980-х гг. в западной или, как бы выразились советские ученые, в «буржуазной экономической теории» также сложились условия, которые привели к жизни экономическую герменевтику. Данное научное направление на Западе зародилось в недрах неоавстрийской экономической школы в то время, когда, согласно М. Ротбарду и Л. Лахманну, мейнстрим (неоклассический синтез) – воплощение иссушенного формализма – уже более 10 лет находился в состоянии методологической неразберихи. В подобной кризисной ситуации интеллектуальные мень-

шинства экономических мыслителей и прочих обществоведов начали предлагать свои идеи, и уже в 1990 г. был опубликован сборник «Экономическая теория и герменевтика», в который вошли научные статьи представителей неоавстрийской школы, институционализма, «критического» марксизма и «риторического» подхода, разрабатываемого Д. Макклоски [13, с. 53; 14, с. 133; 15].

Далеко не все представители неоавстрийской школы с радостью восприняли зарождение экономической герменевтики. Если Л. Лахманн с надеждой смотрел на данное научное направление, то М. Ротбард считал тех экономистов неоавстрийской школы, которые заинтересовались герменевтикой, ренегатами, отступившими от славных идей самого Л. фон Мизеса. Неприязнь М. Ротбарда к герменевтике – «претенциозной болтовне», базирующейся на постмодернистском релятивистском походе в плане оценки экономических идей, – может быть объяснена тем, что он считал данное научное направление производным от марксизма. Более того, по всей видимости, М. Ротбард вообще был критически настроен ко всей немецкой философии, наследующей Г. В. Ф. Гегелю – «прадедушке» герменевтики. Для М. Ротбарда были равнозначны такие понятия, как «нацизм» или «социализм», а К. Маркс для него был «великим герменевтиком», т. е. «релятивистом» или даже софистом. М. Ротбард опасался, что экономисты–герменевтики, утверждая, что нет ничего объективно истинного, могут воплотить в жизнь свои личные эстетические предпочтения, обосновав даже привлекательность социализма. Помимо вышесказанного, возможно, неприязнь М. Ротбарда к герменевтике также подстегивалась его этнической принадлежностью, наиболее ярко проявившейся, когда «духовный лидер» экономистов-герменевтиков Д. Лавуа в конце 1980-х гг. предпринял попытку объединить австрийскую экономическую теорию с философской герменевтикой Г.-Г. Гадамера, который вместе с М. Хайдеггером сильно испортили себе репутацию и биографию добровольным членством в сомнительных организациях, возникших в 1920–1930-х гг. в Германии [13, с. 48, 49, 52, 53, 56, 57].

Настороженное и даже неприязненное отношение к экономической герменевтике не есть только результат сугубо личностных предубеждений отдельного представителя неоавстрийской экономической теории. Отказ принять и признать новое научное направление объясняется общими системными характеристиками функционирования практически

любой научной среды. Именитые ученые, чей авторитет общепризнан, обладают исключительными знаниями и репутацией, ценность которых может уменьшиться или вовсе сойти на нет за счет морального устаревания, вызванного принятием новой прогрессивной парадигмы, нивелирующей значимость накопленного опыта. Поэтому «научный истеблишмент» в своих собственных интересах вынужден атаковать все новые теории как потенциальные угрозы своего монопольного привилегированного положения. К этому можно прибавить то, что достопочтенные гранды экономической науки и ведомое ими академическое сообщество отличаются консерватизмом в своих взглядах, поскольку не приемлют рисков, связанных с разработкой новых теорий, многие из которых могут быть (и скорее всего, точно будут) провальными. Последствия неудач от бесплодных работ с новыми идеями могут быть очень существенными, а выигрыш для тех, у кого уже все есть, не столь значимым, чтобы подвергать себя риску. В этом смысле догматизм «западной буржуазной» экономической науки ничем не уступал, а, возможно, даже превосходил догматизм советского марксизма [16, с. 538].

Таким образом, практически одновременный генезис экономической герменевтики в двух разных социально-экономических системах был реакцией на догматизм доминирующих научных школ – неоклассики и марксизма. В научной среде есть мнение о том, что между данными учениями на самом деле много общего. Так, Н. Калдор считал, что марксистская теория – это своего рода адаптация «теории прибавочного продукта» Д. Рикардо. Вместе с тем неоклассические теории стоимости и распределения были выведены из теории ренты Д. Рикардо, поэтому и К. Маркс, и А. Маршалл могут считать Д. Рикардо своим предшественником [17, с. 87, 89]. Такого же мнения придерживается и норвежский экономист Э. С. Райнерт, отмечая, что коммунизм и либерализм – «это ... двоюродные братья, два абстрактных теоретических учения, витающих над тривиальными фактами реального мира» [18, с. 72].

Результаты

Экономическая наука по своей сути герменевтична, поскольку, согласно меткому замечанию А. В. Аникина, «она позволяет понять или, по крайней мере, стремится истолковывать смысл внешне простых и повседневных, но жизненно важных для человека явлений» [8, с. 184]. Догматичным советскому марксизму и неоклассическому синтезу нужно отдать долж-

ное хотя бы за то, что они создали условия, в которых в очередной раз был продемонстрирован творческий потенциал научного сообщества экономистов. Экономическая герменевтика, бесспорно, является достойным дополнением ко всем существующим направлениям экономической науки, сохранение и приумножение разнообразия которых позволит постичь многие ключевые научные проблемы современности.

Список литературы

1. Черемисинов Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. Ч. 2. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 460 с.
2. Бегичева С. В., Назаров Д. М. Экономическая герменевтика // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 2 (52). С. 18–27.
3. Ядгаров Я. С. Политико-экономический феномен российской школы экономической мысли // Вестник финансового университета. 2017. Т. 21, №3. С. 84–93.
4. Широкоград Л. Д. Влияние идеологии на развитие политической экономики в СССР в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2010. Вып. 1. С. 77–81.
5. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
6. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1975 // Nobel Prize : [site]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1975/summary/> (дата обращения: 10.06.2022).
7. Ореховский П. А. Авторитетный дискурс российского экономиста // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 97–115.
8. Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М. : Политиздат, 1975. 384 с.
9. Черемисинов Г. А. О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика. Саратов : [Б. и.], 1994. 200 с.
10. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Госполитиздат, 1952. 94 с.
11. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб. : Алетейя, 2020. 436 с.
12. Рязанов В. Т. Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2008. Вып. 4. С. 3–21.
13. Rothbard M. N. The Hermeneutical Invasion of Philosophy and Economics // Review of Austrian Economics. 1989. Vol. 3, № 1. P. 45–59.
14. Lachmann L. M. Austrian economics: A hermeneutic approach // Economics and hermeneutics / ed. by D. Lavoie. London ; New York : Routledge, 1991. P. 132–143.

15. Economics and Hermeneutics / ed. by D. Lavoie. London ; New York : Routledge, 1991. 323 p.
16. Stigler G. J. Nobel Lecture: The Process and Progress of Economics // Journal of Political Economy. 1983. Vol. 91, № 4. P. 529–545.
17. Kaldor N. Alternative Theories of Distribution // The Review of Economic Studies. 1955–1956. Vol. 23, № 2. P. 83–100.
18. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2016. 384 с.
7. Orekhovsky P. Authoritative Discourse of Russian Economist. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, vol. 6, pp. 97–115 (in Russian).
8. Anikin A. V. *Yunost' nauki. Zhizn' i idei mysliteley-ekonomistov do Marksa* [The Youth of Science. Life and Ideas of Thinkers-Economists before Marx]. Moscow, Politizdat, 1975. 384 p. (in Russian).
9. Cheremisinov G. A. *O tolkovanii trudovoi teorii stoimosti: ekonomicheskaya germenevtika* [On Interpreting the Labor Theory of Value: Economic Hermeneutics]. Saratov, 1994. 200 p. (in Russian).

References

1. Cheremisinov G.A. *Paradigma direktivno-planovoi ekonomiki: rossiiskii opyt khoziaistvennykh preobrazovaniy* [The Paradigm of a Directive-Planned Economy: The Russian Experience of Economic Transformations. Pt. 2]. Saratov, Saratov State University Publ., 2013. 460 p. (in Russian).
2. Begicheva S. V., Nazarov D. M. Economic Hermeneutics. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economic], 2014, no. 2 (52), pp. 18–27 (in Russian).
3. Yadgarov Y. S. Politico-economic Phenomenon of the Russian School of Economic Thought. *Bulletin of the Financial University*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 84–93 (in Russian).
4. Shirokorad L. D. Influence of ideology on the development of political economy in the USSR in 1920–1930s. *Vestnik of the St. Petersburg University. Series 5. Economics*, 2010, iss. 1, pp. 77–81 (in Russian).
5. Leontief W. *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniia, fakty i politika* [Essays in Economics: Theories, Theorizing, Facts, and Policies]. Moscow, Politizdat, 1990. 415 p. (in Russian).
6. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1975. *Nobel Prize*. Site. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1975/summary/> (accessed 10 June 2022).
10. Stalin I. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 94 p. (in Russian).
11. Ryazanov V. T. *Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza* [Modern Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist Synthesis]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 436 p. (in Russian).
12. Ryazanov V. T. The understanding and interpretation in the economic science: The role of language. *Vestnik of the St. Petersburg University. Series 5. Economics*, 2008, iss. 4, pp. 3–21 (in Russian).
13. Rothbard M. N. The Hermeneutical Invasion of Philosophy and Economics. *Review of Austrian Economics*, 1989, vol. 3, no. 1, pp. 45–59.
14. Lachmann L. M. Austrian economics: A hermeneutic approach. In: Lavoie D. (ed.) *Economics and Hermeneutics*. London, New York, Routledge, 1991, pp. 132–143.
15. Lavoie D. (ed.) *Economics and Hermeneutics*. London, New York, Routledge, 1991. 323 p.
16. Stigler G. J. Nobel Lecture: The Process and Progress of Economics. *Journal of Political Economy*, 1983, vol. 91, no. 4, pp. 529–545.
17. Kaldor N. Alternative Theories of Distribution. *The Review of Economic Studies*, 1955–1956, vol. 23, no. 2, pp. 83–100.
18. Raynert E. S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich ... And Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, Publishing House Higher School of Economics, 2016. 384 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 10.11.2022

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 10–19

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 10–19

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-10-19>

EDN: ECNYWN

Научная статья
УДК 001.895+378.4

К вопросу о формировании университетского хаба в концепции открытых инноваций

А. В. Васина, О. В. Сысоева, О. Н. Киселева ✉

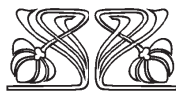
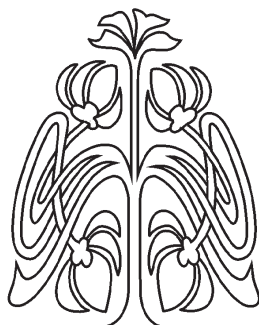
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Васина Анастасия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевого управления и экономической безопасности, nasty530@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3340-2554>

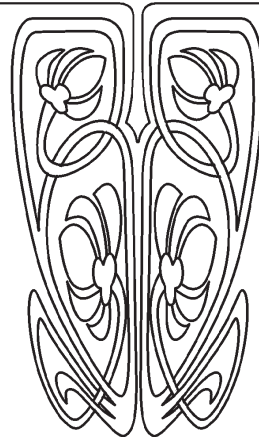
Сысоева Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевого управления и экономической безопасности, ovzaytseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2181-3241>

Киселева Оксана Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевого управления и экономической безопасности, oksana@briik.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2741-2753>

Аннотация. Введение. Особенностью развития инновационной экономики России является необходимость решения множества задач в ограниченные сроки, которые включают ускоренное развитие внутреннего производства и рынка посредством введения в оборот инновационных решений в условиях минимизации внешних экономических угроз, связанных с антироссийскими санкциями со стороны недружественных стран. Рассмотрены модели инновационной активности и выделены их ключевые субъекты. Выявлено, что одним из эффективных механизмов для достижения поставленных задач является ускорение темпов внедрения в промышленность объектов интеллектуальной собственности через трансфер результатов научных исследований в производство. **Теоретический анализ.** В статье рассматривается место и роль университетов в усилении инновационного потенциала в сфере интеллектуальной собственности. Проведен анализ существующих государственных мер, направленных на стимулирование развития инновационного потенциала университетов. Рассмотрены такие механизмы меж-университетского взаимодействия, как концепция открытых инноваций и сетевой университет. **Эмпирический анализ.** Определены показатели, характеризующие патентную активность субъектов инновационной деятельности, и проведен анализ динамики по таким показателям, как количество заявок и выданных патентов, самообеспеченность и технологическая зависимость от иностранных источников. Сделан вывод о том, что в настоящее время данные показатели характеризуются рецессией. Полученные результаты требуют принятия новых решений и активизации университетской науки как основного субъекта «точки роста» инновационных идей и решений. **Результаты.** Итогом исследования является предложение по формированию университетского хаба на основе платформы для интенсификации патентной активности не только в контексте университетской инновационной деятельности, но и для привлечения различных участников экономики, задействованных в процессе как импортозамещения, так и усиления промышленного суверенитета страны. Проведен анализ способов коммерци-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ализации объектов интеллектуальной собственности и планируемых выгод для субъектов-потребителей услуг университетского хаба. Выделены преимущества от создания университетского хаба, способствующие развитию инновационной сферы и укреплению межвузовских связей.

Ключевые слова: открытые инновации, экономическое развитие, университеты, инновационная деятельность, импортозамещение, объекты интеллектуальной собственности, хаб, университетская наука, технологический суверенитет

Для цитирования: Васина А. В., Сысоева О. В., Киселева О. Н. К вопросу о формировании университетского хаба в концепции открытых инноваций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 10–19. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-10-19>, EDN: ECNYWN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the issue of forming a university hub in the concept of open innovation

A. V. Vasina, O. V. Sysoeva, O. N. Kiseleva

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Anastasiya V. Vasina, nasty530@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3340-2554>

Olga V. Sysoeva, ovzaytseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2181-3241>

Oksana N. Kiseleva, oksana@briik.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2741-2753>

Abstract. Introduction. A feature of Russian innovative economy development is the need to solve many problems in a limited time frame, which include the accelerated development of domestic production and the market through the introduction of innovative solutions in the context of minimizing external economic threats associated with anti-Russian sanctions from unfriendly countries. The models of innovative activity are considered and their key subjects are identified. It has been revealed that one of the effective mechanisms for achieving the set goals is to accelerate the pace of introduction of intellectual property objects into industry through the transfer of scientific research results to production. **Theoretical analysis.** The article discusses the place and role of universities in strengthening the innovative potential in the field of intellectual property. The analysis of existing state measures aimed at stimulating the development of innovative potential of universities was carried out. Such mechanisms of interuniversity interaction as the concept of open innovations and network university are considered. **Empirical analysis.** The indicators characterizing the patent activity of the subjects of innovation activity are determined, and the analysis of the dynamics of such indicators as the number of applications and granted patents, self-sufficiency and technological dependence on foreign sources is carried out. It is concluded that at present these indicators are characterized by recession. The results obtained require the adoption of new decisions and the activation of university science as the main subject of the “growth point” of innovative ideas and solutions. **Results.** The result of the study is a proposal to form a university hub based on a platform for intensifying patent activity not only in the context of university innovation, but also to attract various economic actors involved in the process of both import substitution and strengthening the country's industrial sovereignty. An analysis was made of the ways of commercialization of intellectual property objects and the planned benefits for subjects-consumers of the university hub services. The advantages of creating a university hub are highlighted, contributing to the development of the innovation sphere and strengthening inter-university relations.

Keywords: open innovation, economic development, universities, innovation activity, import substitution, intellectual property, hub, university science, technological sovereignty

For citation: Vasina A. V., Sysoeva O. V., Kiseleva O. N. On the issue of forming a university hub in the concept of open innovation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 10–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-10-19>, EDN: ECNYWN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблемы в инновационной сфере, с которыми Россия столкнулась после введения санкций, требуют быстрых и эффективных решений. Прежде всего, необходимо существенное повышение уровня технологического суверенитета, подразумевающего обеспечение более быстрого научно-технического развития для гарантии не зависимой от других государств инновационной деятельности. Так, в контексте данного запроса первоочередной задачей выступает активизация научной деятельности и увеличение количества инновационных решений, выраженных в объектах интеллектуальной собственности (далее – ОИС).

В настоящее время существует несколько устоявшихся представлений о моделях инновационной деятельности. Авторы выделяют линейную модель (раскрытую в тройной спирали Ицковица [1, 2]), инновационные эко-системы [3–5], а также различные концепции демократии знаний, имеющие в том числе гуманистическую направленность [6–8]. Разнообразие моделей подразумевает и различия элементов, входящих в них, однако ключевыми неизменно остаются: государство, бизнес и университеты. При этом развитие университетской науки и ее интеграция в бизнес-среду [9] – одно из фундаментальных условий для интенсификации инновационной

активности [10]. К примеру, в инновационно развитых странах роль университетов раскрывается не только как центра обучения и исследований, но и как активного субъекта инновационно-предпринимательской деятельности [11].

По данным мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования, в 2022 г. на территории России осуществляют свою деятельность 1208 вузов, из них 10 имеют статус федеральных университетов, 29 – статус национальных исследовательских университетов и 21 входит в «Проект 5-100» [12]. Также необходимо отметить, что с точки зрения образования и научной деятельности Россия находится на достаточно высоких позициях (по данным Глобального инновационного индекса за 2021 год) [13]. Этому способствуют следующие показатели: уровень высшего образования населения; позиции российских вузов в рейтинге QS; численность сотрудников, занятых в наукоемких отраслях (18-е место в рейтинге); число патентных заявок на полезные модели и изобретения (10-е место); индекс цитируемости публикаций (23-е место в рейтинге). Как видно, перечисленные показатели относятся в большей степени к «источникам возникновения» инновационных идей, которые можно рассматривать как базовые параметры развития интеграции университетской науки и реального сектора экономики. Однако среди представленных нами показателей наибольший интерес вызывает показатель «коэффициент изобретательской активности», так как именно данные ОИС в перспективе имеют наиболее прикладной характер.

Увеличение количества и повышение качества патентной активности университетов является одной из приоритетных задач, решение которой может быть форсировано расширением заинтересованных субъектов, а также территориальных и отраслевых границ. В данном контексте, по мнению авторов статьи, следует ориентироваться на развитие научной кооперации, как между различными университетами, так и между заинтересованными субъектами экономики.

Теоретический анализ

Ведущими вузами в сфере изобретательской активности являются участники программы «Приоритет 2030», а также такие, как Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» и Уральский федеральный университет. Так, развитие университетской науки – одна

из важных задач для нашего государства. В России на данный момент реализуется «Проект 5-100», направленный на повышение конкурентоспособности российских университетов в мире [14]. С 2008 г. вузы, подтвердившие свой высокий уровень кадрового, научного и технического потенциала, получили статус национального исследовательского университета сроком на 10 лет [15]. Некоторым может быть присвоен статус федерального университета, означающий, что ориентиры развития направлены на подготовку кадров для социально-экономического развития отдельных регионов страны, также данные вузы обладают рядом полномочий, недоступных для других, к примеру присвоение ученых степеней, разработка собственных стандартов обучения. Еще одной категорией являются вузы со статусом «опорный», являющиеся региональными и ориентированными на развитие определенного субъекта РФ. В рамках перечисленных нами программ университеты подтверждают свой высокий уровень образования и высокие темпы развития научной деятельности, а также получают дополнительные финансовые средства на дальнейшее развитие.

Кроме этого, одной из основных мер государственной поддержки является финансирование научной деятельности в виде грантовой поддержки исследований. В настоящее время среди основных грантодателей можно назвать Фонд поддержки проектов Национальной технологической инициативы, Фонд президентских грантов, Российский научный фонд, Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково») и др. Однако в контексте развития университетской науки и рассмотренных нами возможностей следует отметить, что в подавляющем большинстве грантовые исследования проводятся в рамках научной группы одного вуза. Между тем в науке и практике давно доказаны преимущества кооперационной деятельности, одной из форм которой выступает модель сетевого взаимодействия университетов. И если ранее сетевые университеты рассматривались как форма сотрудничества между странами (сетевой университет СНГ, сетевой университет ШОС и др.), то с реалиями нового времени и беспрецедентным по отношению к России введением санкций (которые направлены в том числе на научное сообщество) обсуждаются вопросы сетевого взаимодействия российских вузов [16] (к примеру, данный вопрос обсуждался в НИУ ВШЭ на общем собрании членов Ассоциации «Глобальные университеты»). Здесь следует отметить, что в 2021 г. был запущен проект, позволяющий девяти вузам

осуществлять обучение по новым программам в сетевой форме [17]. Данный факт, безусловно, является положительным и демонстрирует готовность образования трансформироваться согласно существующим вызовам, однако ключевых решений по формам развития сетевизации университетской науки на государственном уровне принято не было. Данный вопрос требует дальнейшей проработки.

Наиболее эффективная форма развития взаимодействия российских университетов, по мнению авторов, может быть основана на принципах открытых инноваций. Рассматривая классическую концепцию открытых инноваций, следует отметить, что в ней подразумевается сотрудничество не только представителей науки, но и других субъектов: общества, СМИ, потребителей, финансовых и кредитных организаций [18] в форме открытой системы. Данная концепция была разработана профессором Гарвардской школы бизнеса Г. Чесбро, и, учитывая ее эффективность, зарубежные исследователи предлагают различные варианты моделей на ее основе [19, 20]. Концепция открытых инноваций предполагает: возможность обмена ОИС между различными отраслями и компаниями, привлечение внешних партнеров для выполнения НИОКР, а также возможность узнать о реальных

потребностях потребителей [21]. Все это порождает следующие положительные экстерналии: снижение временных, материальных и финансовых параметров разработки инноваций, расширение вариантов разработки инновационной продукции, повышение точности маркетинговых исследований и увеличение интереса целевой аудитории к компании с помощью взаимодействия при разработке товаров, услуг. Тем не менее, необходимо уточнить, что данная концепция больше направлена на активизацию инновационной деятельности предприятий и использование ими возможностей трансфера технологий. В рамках данного исследования авторы предлагают решения, способствующие усилению взаимодействия вузов, с учетом потребностей реального сектора и общества на основе концепции открытых инноваций.

Эмпирический анализ

Рассматривая патентную активность в России, следует отметить некоторую динамику ее снижения за последние годы (рис. 1) [22], что, безусловно, является негативным фактором для развития инновационной деятельности. Это снижение также отмечено в аналитических данных центра «Эксперт», проанализировавшего выборку из 141 университета.

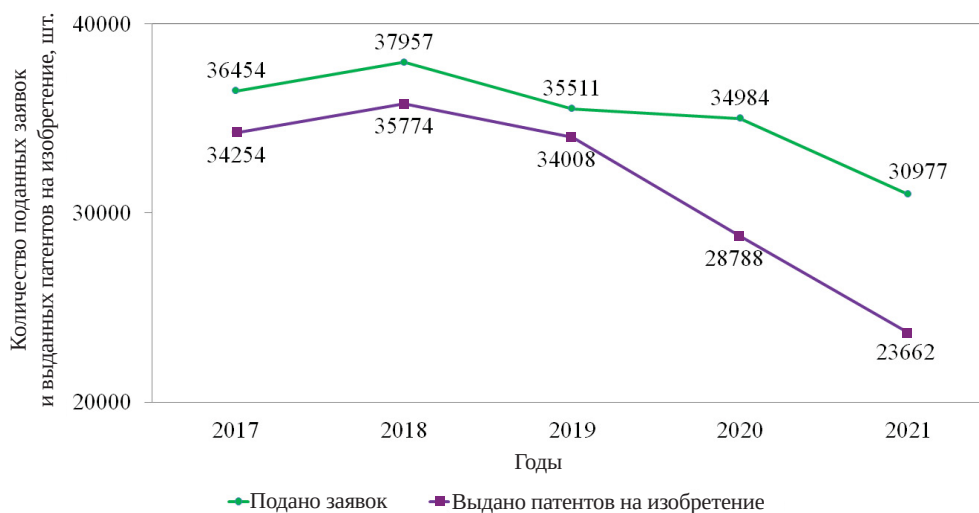

Рис. 1. Динамика подачи заявок и выдачи патентов на изобретения в России за период 2017–2021 гг. [22]

Fig. 1. Dynamics of filing applications and granting patents for inventions in Russia for the period 2017–2021 [22]

Из анализа данных, приведенных на рис. 1, видно, что положительная динамика как подачи заявок, так и выдачи патентов наблюдается только за период 2017–2018 гг. Начиная с 2019 г. происходит сокращение и подачи заявок, и вы-

дачи патентов. Одним из основных факторов отрицательного тренда является распространение коронавируса. Однако, несмотря на снижение темпов патентной активности, выявлен факт роста качества изобретений. Так, по данным за

2012–2016 гг., были коммерциализированы 1,7% патентов, а за период 2017–2021 гг. этот показатель равнялся уже 6,8% [23]. В контексте данного исследования необходимо также обратиться к показателям самообеспеченности (соотношение числа отечественных и всех поданных в России патентных заявок на изобретения) и технологической зависимости от иностранных источников (соотношение числа иностранных и отечественных патентных заявок на изобретения, поданных

в России) (рис. 2). Исходя из представленных данных за 2013–2020 гг., можно отметить незначительное увеличение самообеспеченности в последнем периоде, что также подтверждается показателем снижения технологической зависимости. Несмотря на данный позитивный факт [24], необходимо отметить, что в целом уровень технологической зависимости в России является довольно критичным – так, в среднем за восемь лет он составил 54,0%.

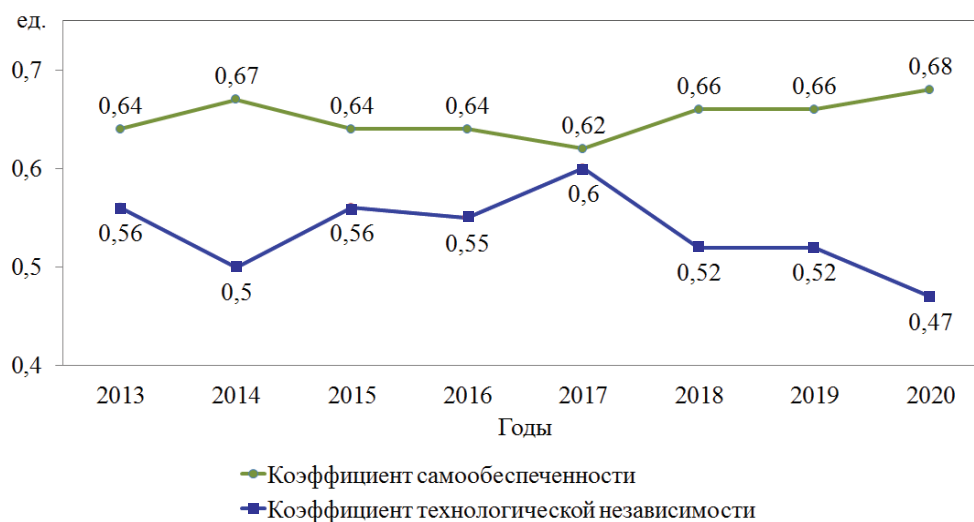

Рис. 2. Динамика патентной активности в России за период 2013–2020 гг.
Fig. 2. Dynamics of patent activity in Russia for the period 2013–2020

Снижающаяся динамика патентной активности и невысокий уровень технологической самообеспеченности в условиях нового времени является неприемлемой ситуацией и еще раз подтверждает необходимость интенсификации изобретательской активности в РФ.

Процесс кооперации вузов с другими субъектами, необходимый для активизации университетской науки, авторы рассматривают как концепцию смешанных моделей открытых и закрытых инноваций. В табл. 1 приведена сравнительная характеристика принципов данных систем, адаптированных под деятельность университетов.

Результаты

Некоторые положения кооперации раскрыты в концепции «открытых инноваций», однако в настоящее время данная концепция обладает таким пробелом, как отсутствие субъектов, деятельность которых направлена на оказание консалтинговых услуг и формирование проекта от стадии формирования идей до получения патента и коммерциализации инноваций. Также

необходимо учитывать, что если речь идет об ОИС, еще не защищенных патентным правом по различным причинам, следует разработать адаптивные решения, базирующиеся на принципах открытости, однако учитывающие необходимость безопасного сотрудничества для минимизации рисков воровства идей, плагиата, некорректного заимствования. В контексте обозначенного проблемного поля авторы предлагают сформировать новый элемент в концепции открытых инноваций – университетский хаб (рис. 3).

Необходимость формирования университетского хаба, по мнению авторов, обусловлена также следующими причинами:

1) в рамках университетской науки:

– низкая доля коммерциализации ОИС, правообладателем которой является университет;

– активная государственная политика в сфере ОИС, направленная на поддержание и развитие инноваций, и, как следствие, необходимость интенсифицировать процесс патентной активности;

Таблица 1 / Table 1

Сравнительная характеристика принципов различных концепций
Comparative characteristics of the principles of various concepts

Принципы / Principles	Концепция закрытых инноваций / Concept of closed innovations	Концепция открытых инноваций / The concept of open innovation	Концепция смешанного типа открытых и закрытых инноваций / Concept of mixed type of open and closed innovations
Принцип выбора источника инноваций	Для проведения исследований используются только внутренние НИОКР	Для проведения исследований используются в большинстве внешние НИОКР	Для проведения исследований используются как внешние, так и внутренние НИОКР. Выбор использования источника инноваций зависит от этапа исследования или степени риска потери прав на интеллектуальную собственность
Принцип использования ресурсов человеческого капитала	Использование ресурсов человеческого капитала, ограниченное местом работы (университет)	Привлечение внешних специалистов для проведения совместных проектов (сотрудники других университетов)	Привлечение и внутренних специалистов университета, и внешних исследователей
Принцип привлечения участников процесса генерирования инновационных идей	Ограничение процесса генерирования идей только внутренними сотрудниками университета	Неограниченное число участников процесса генерирования идей (СМИ, общество, бизнес, государство, другие университеты, НИИ, кредитные организации, венчурные компании и др.)	Частично ограниченное число участников процесса генерирования инноваций
Принцип границ инновационных разработок	Ограничены научными интересами университета, в котором проводится НИОКР	Не ограничены, имеется возможность использования результатов инновационной деятельности в других отраслях	Не ограничены и могут быть распределены в группы по схожим научным направлениям (исследования на стыке наук)

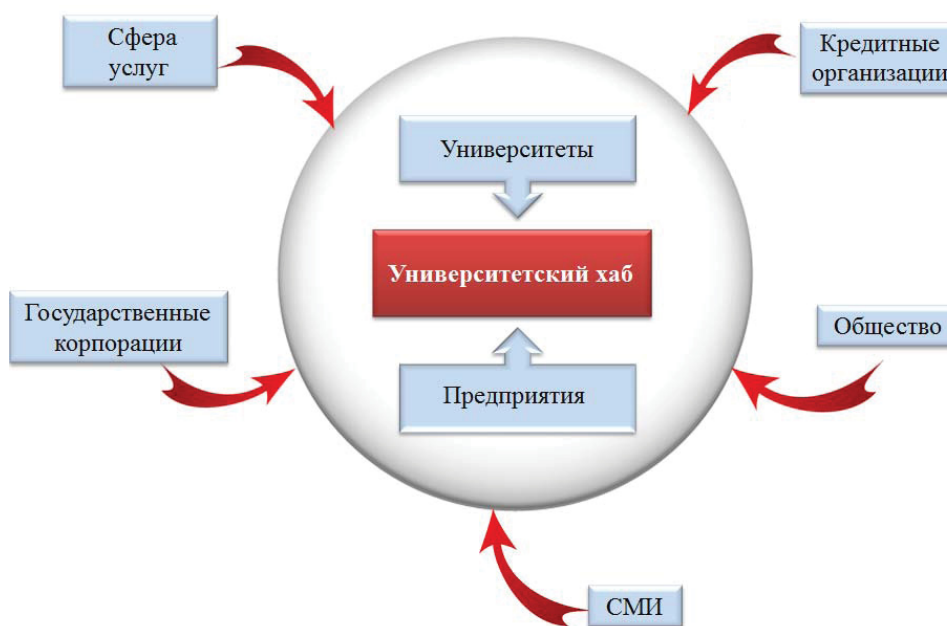

Рис. 3. Университетский хаб в контексте патентной активизации
 Fig. 3. University hub in the context of patent activation

– не все университеты обладают развитой инфраструктурой для проведения полного цикла НИОКР;

– отсутствие в некоторых университетах отдела трансфера технологий с высококвалифицированными сотрудниками, способными оказывать консультацию и сопровождение на всех стадиях патентования;

2) в рамках концепции открытых инноваций:

– ускорение темпов импортозамещения, вызванного глобальными международными причинами;

– необходимость технического переоснащения промышленных предприятий в условиях новых вывозов экономики;

– низкий уровень грамотности населения в сфере интеллектуальной собственности: отсутствие навыков и знаний в сфере защиты и охраны патентных прав; невозможность проведения патентного поиска и прогнозирования величины получения прибыли от коммерциализации результатов интеллектуальной собственности различными способами;

– необходимость повышения уровня культуры общества в сфере охраны интеллектуальной собственности;

– низкий уровень инновативности хозяйствующих субъектов экономики;

– быстрое реагирование университетов на запросы промышленного сектора;

– фактическое отсутствие таргетирования системы онбординга в сфере ОИС среди хозяйствующих субъектов экономики.

Основными целями университетского хаба будут:

1) создание условий для поиска научной кооперации университетов;

2) формирование запросов на исследования научному сообществу от предприятий;

3) оказание высококвалифицированных услуг в сфере патентования и коммерциализации ОИС;

4) повышение количества выдачи патентов;

5) проведение предварительной оценки ОИС.

Университетский хаб представляет собой электронную платформу, аккумулирующую инновационные идеи (TRL 1) различных научных групп университетов и создающую пространство для поиска субъектов для совместных исследований, основанных в том числе и на запросах реального сектора. При

этом информация об инновационных идеях открыта только для университетов, однако предприятия могут размещать свои запросы на исследования или актуальные направления. Результатом научной кооперации станет ОИС, который уже может быть представлен в открытом доступе для внешних субъектов.

Основными участниками хаба, по нашему мнению, могут являться три университета, которые «получили аккредитацию Роспатента для предварительной оценки патентоспособности изобретений» [25]: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Волгоградский государственный медицинский университет и Южный федеральный университет. Однако мы считаем, что с течением времени, помимо перечисленных целей, участники хаба должны выработать механизм защиты заявок на патенты, находящиеся в открытом доступе, от недобросовестных пользователей.

В качестве внешних субъектов, заинтересованных в услугах университетского хаба, авторами выделены следующие: государственные корпорации, кредитные организации, общество, СМИ и сфера услуг (табл. 2). Данная выборка субъектов обусловлена большей долей их участия в социально-экономических процессах страны.

В качестве преимуществ развития инновационной сферы и укрепления межвузовских связей от создания университетского хаба можно выделить:

– увеличение количества участников инновационного процесса и их интереса к инновационной деятельности, что дает возможность активизировать изобретательскую активность в университетах;

– интенсификация изобретательской активности в региональных вузах, что дает возможность сократить разрыв между инновационно отсталыми регионами и регионами-лидерами;

– расширение отраслевых границ, а также инициация новых решений в традиционных технологиях, что расширяет пространство взаимодействия и круг научных исследований между различными отраслями;

– обмен опытом между исследователями различных университетов с целью повысить квалификацию сотрудников;

– возможность проведения параллельных исследований сотрудниками различных университетов, что дает возможность сократить сроки исследования;

Таблица 2 / Table 2

Анализ субъектов-потребителей услуг университетского хаба
Analysis of subjects-consumers of university hub services

Основная цель участия / Main purpose of participation	Способ(ы) коммерциализации объектов интеллектуальной собственности / Method(s) of commercialization of intellectual property objects	Планируемые выгоды / Planned benefits
Государственные корпорации		
Получение новых инновационных разработок Стимулирование конкуренции Ускорение темпов импортозамещения Перепрофилирование производства	Патентные права принадлежат корпорации Самостоятельное использование патентов (в т. ч. инжиниринг) Переуступка части прав (лицензионный договор)	Удовлетворение потребностей приоритетных направлений развития Повышения качества продукции Освоение новых рынков и получение дополнительной прибыли
Общество		
Формирование целей связано с возникающими кризисами, ситуациями и явлениями в различных сферах: – увеличение числа интернет-преступности, (кибер)мошенничества; – фишинг; – коронавирус, эпидемии и пр.	Самостоятельное использование патентов Переуступка части прав (лицензионный договор)	Снижение социальной напряженности в обществе Повышение качества и уровня жизни
СМИ		
Защита собственных изобретений от несанкционированного использования	Самостоятельное использование патентов Переуступка части прав (лицензионный договор)	Повышение уровня защиты собственных изобретений Усиление конкуренции посредством использования инноваций Возможность получения дополнительного дохода
Кредитные организации		
Повышение эффективности собственной экономической безопасности Внедрение инноваций и повышение креативности персонала	Патентные права принадлежат кредитной организации Самостоятельное использование патентов	Повышение внутреннего контроля качества и защиты персональных данных клиентов Минимизация рисков бизнес-разведки банков-конкурентов Быстрое и качественное внедрение новых кредитных продуктов Расширение клиентской базы
Сфера услуг		
Реконструкция и замена старого оборудования Повышение качества и эффективности предоставляемых услуг	Самостоятельное использование патентов Лицензионные договоры Лизинг	Расширение клиентской базы Повышение репутации Освоение новых перспективных ниш рынка

– возможность использования материально-технической базы других университетов, что позволит сократить финансовые затраты.

Список литературы

1. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The Triple Helix – University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development // *EASST Review*. 1995. Vol. 14. P. 14–19.
2. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
3. *Carayannis E., Campbell D.* “Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st century fractal innovation ecosystem // *International Journal of Technology Management*. 2009. Vol. 46. P. 201–234. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2009.023374>

4. Киселева О. Н. Развитие экосистемного подхода в контексте повышения инновационной активности предприятий России // Основы экономики, управления и права. 2022. № 1 (32). С. 12–16. https://doi.org/10.51608/23058641_2022_1_12
5. Полторыхина С. В. Университет как ключевой элемент ядра инновационной экосистемы // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2021. № 2 (83). С. 107–110. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2021.2.14>
6. Carayannis E. G., Barth T. D., Campbell D. F. The Quintuple Helix innovation model: global warming as a challenge and driver for innovation // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2012. Vol. 1. <https://doi.org/10.1186/2192-5372-1-2>
7. Carayannis E. G., Campbell D. F. J. Triple Helix, Quadruple Helix and Quintuple Helix and how do knowledge, innovation and the environment relate to each other?: A proposed framework for a transdisciplinary analysis of sustainable development and social ecology // International Journal of Social Ecology and Sustainable Development. 2010. Vol. 1, iss. 1. P. 41–69. <https://doi.org/10.4018/jesed.2010010105>
8. Carayannis E. G., Campbell D. F. J. Open Innovation Diplomacy and a 21st Century Fractal Research, Education and Innovation (FREIE) Ecosystem: Building on the Quadruple and Quintuple Helix Innovation Concepts and the “Mode 3” Knowledge Production System // Journal of the Knowledge Economy. 2011. Vol. 2. P. 327–372. <https://doi.org/10.1007/s13132-011-0058-3>
9. Сысоева О. В. Развитие академического предпринимательства в системе моделей инновационной деятельности // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 3. С. 83–100. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-6>
10. Шпак А. С., Рыжая А. А., Беляков С. А. Университетская наука в научно-технологическом развитии: эволюция государственной политики, отечественный опыт и международная практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 12, ч. 1. С. 200–212. <https://doi.org/10.17513/vaael.1985>
11. Иващенко Н. П. Становление и развитие новых научных направлений в условиях трансформации университетов // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2016. Т. 8, вып. 2. С. 24–42.
12. Главный информационно-вычислительный центр. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/> (дата обращения: 09.12.2022).
13. Global Innovation Index. URL: <https://www.globalinnovationindex.org> (дата обращения: 09.12.2022).
14. О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров : постановление Правительства РФ от 16.03.2013 № 211 (ред. от 30.12.2020). URL: <https://www.5top100.ru/documents/regulations/673/> (дата обращения: 09.12.2022).
15. О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов : указ Президента РФ от 07.10.2008 № 1448. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Представители ведущих вузов России наметили план совместных действий в условиях санкций // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/627432900.html> (дата обращения: 09.12.2022).
17. 10 образовательных организаций начнут обучать студентов по сетевым программам // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/39229/> (дата обращения: 09.12.2022).
18. Chesbrough H. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. Boston, MA : Harvard Business School Press, 2003. 228 p.
19. Yun J. J., Won D., Park K. Entrepreneurial cyclical dynamics of open innovation // Journal of Evolutionary Economics. 2018. Vol. 28. P. 1151–1174. <https://doi.org/10.1007/s00191-018-0596-y>
20. Laursen K., Salter A. The Paradox of Openness: Appropriability, External Search and Collaboration // Research Policy. 2014. Vol. 43. P. 867–878. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2013.10.004>
21. Kiseleva O. N., Sysoeva O. V., Vasina A. V., Sysoev V. V. Updating the Open Innovation Concept Based on Ecosystem Approach: Regional Aspects // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2022. Vol. 8, iss. 2. <https://doi.org/10.3390/joitmc8020103>
22. Федеральный институт промышленной собственности. URL: <https://new.fips.ru/to-applicants/inventions/> (дата обращения: 09.12.2022).
23. Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов» – 2022 // ЭКСПЕРТ Аналитический центр. URL: <https://expert-ural.com/analytics/ratings/rejting-indeks-izobretatelskoj-aktivnosti-rossijskih-universitetov--2022.html> (дата обращения: 09.12.2022).
24. Индикаторы науки: 2022 : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 400 с. URL: <https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/indikator-i-nauki-2022.fwbkhp..pdf> (дата обращения: 09.12.2022).
25. Еще один университет в России получил аккредитацию Роспатента для предварительной оценки патентоспособности изобретений // Роспатент. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/ufu-akkreditovan-rospatentom> (дата обращения: 09.12.2022).

References

1. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix – University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development. *EASST Review*, 1995, vol. 14, pp. 14–19.
2. Ickovic G. *Troinaya spiral' . Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovatsii v deistvii* [Universities – Enterprises – The State. Innovations in Action]. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics Publ., 2010. 238 p. (in Russian).
3. Carayannis E., Campbell D. “Mode 3” and “Quadruple

- Helix”: Toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 2009, vol. 46, pp. 201–234. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2009.023374>
4. Kiseleva O. N. Development of the ecosystem approach in the context of increasing the innovative activity of Russian enterprises. *Economy, Governance and Law Basis.*, 2022, no. 1 (32), pp. 12–16 (in Russian). https://doi.org/10.51608/23058641_2022_1_12
 5. Poltorykhina S. University as a Key Element of the Core of an Innovative Ecosystem. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2021, no. 2 (83), pp. 107–110 (in Russian). <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2021.2.14>
 6. Carayannis E. G., Barth T. D., Campbell D. F. The Quintuple Helix innovation model: Global warming as a challenge and driver for innovation. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2012, vol. 1. <https://doi.org/10.1186/2192-5372-1-2>
 7. Carayannis E. G., Campbell D. F. J. Triple Helix, Quadruple Helix and Quintuple Helix and how do knowledge, innovation and the environment relate to each other?: A proposed framework for a transdisciplinary analysis of sustainable development and social ecology. *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*, 2010, vol. 1, iss. 1, pp. 41–69. <https://doi.org/10.4018/jesed.2010010105>
 8. Carayannis E. G., Campbell D. F. J. Open Innovation Diplomacy and a 21st Century Fractal Research, Education and Innovation (FREIE) Ecosystem: Building on the Quadruple and Quintuple Helix Innovation Concepts and the “Mode 3” Knowledge Production System. *Journal of the Knowledge Economy*, 2011, vol. 2, pp. 327–372. <https://doi.org/10.1007/s13132-011-0058-3>
 9. Sysoeva O. V. Development of academic entrepreneurship in the system of innovation models. *Journal of New Economy*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 83–100 (in Russian). <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-6>
 10. Shpak A. S., Ryzhaya A. A., Belyakov S. A. University science in scientific and technological development: evolution of state policy, domestic experience and international practice. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2021, no. 12, pt. 1, pp. 200–212 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.1985>
 11. Ivashchenko N. Formation and development of new research trends in conditions of transformation of universities. *Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Magazine*, 2016, vol. 8, iss. 2, pp. 24–42 (in Russian).
 12. *Glavnyi informatsionno-vychislitel'nyi tsentr* (The main information and computing center). Available at: <https://monitoring.miccedu.ru/> (accessed 9 December 2022) (in Russian).
 13. Global Innovation Index. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org> (accessed 9 December 2022).
 14. On measures of state support for leading universities of the Russian Federation in order to increase their competitiveness among the world's leading scientific and educational centers. Decree of the Government of the Russian Federation of 16.03.2013 no. 211 (an edition of 30.12.2020). Available at: <https://www.5top100.ru/documents/regulations/673/> (accessed 9 December 2022) (in Russian).
 15. On the implementation of a pilot project to create national research universities. Decree of the President of the Russian Federation of 7.10.2008 no. 1448. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 16. Representatives of Russia's leading universities have outlined a plan of joint actions in the face of sanctions. *National Research University Higher School of Economics*. Available at: <https://www.hse.ru/news/edu/627432900.html> (accessed 9 December 2022) (in Russian).
 17. 10 educational organizations will start teaching students on network programs. *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novostiministerstva/39229/> (accessed 9 December 2022) (in Russian).
 18. Chesbrough H. *Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Boston, MA, Harvard Business School Press, 2003. 228 p.
 19. Yun J. J., Won D., Park K. Entrepreneurial cyclical dynamics of open innovation. *Journal of Evolutionary Economics*, 2018, vol. 28, pp. 1151–1174. <https://doi.org/10.1007/s00191-018-0596-y>
 20. Laursen K., Salter A. The Paradox of Openness: Appropriability, External Search and Collaboration. *Research Policy*, 2014, vol. 43, pp. 867–878. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2013.10.004>
 21. Kiseleva O. N., Sysoeva O. V., Vasina A. V., Sysoev V. V. Updating the Open Innovation Concept Based on Ecosystem Approach: Regional Aspects. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2022, vol. 8, iss. 2. <https://doi.org/10.3390/joitmc8020103>
 22. *Federal'nyi institut promyshlennoi sobstvennosti* (Federal Institute of Industrial Property). Available at: <https://new.fips.ru/to-applicants/inventions/> (accessed 9 December 2022) (in Russian).
 23. Rating “Index of inventive activity of Russian universities” – 2022. *EKSPERT Analiticheskiy tsentr* (EXPERT Analytical Center). Available at: <https://expert-ural.com/analytics/ratings/rejting-indeks-izobretatel'skoy-aktivnosti-rossiyskih-universitetov--2022.html> (accessed 9 December 2022) (in Russian).
 24. *Indikatory nauki: 2022* [Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2022]. Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2022. 400 p. Available at: <https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/indikator-nauki-2022.fwbkhp..pdf> (accessed 9 December 2022) (in Russian).
 25. Another university in Russia has received Rospatent accreditation for preliminary assessment of patentability of inventions. *Rospatent*. Available at: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/ufu-akkreditovan-rospatentom> (accessed 9 December 2022) (in Russian).

Поступила в редакцию 10.12.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 25.12.2022
The article was submitted 10.12.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 25.12.2022

Научная статья
УДК 346.7

Мисселинг как современный инструмент недобросовестных продаж банковских продуктов и услуг в коммерческих банках

О. А. Синиченко

Таганрогский институт управления и экономики, Россия, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, д. 45

Синиченко Олеся Андреевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, o.sinichenko@tmei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Аннотация. Введение. Мисселинг на сегодняшний день стал проблемой для клиентов коммерческих банков. Мисселинг можно встретить как в крупных кредитных организациях, так и мелких банках. Формально это не нарушение закона, но, по сути введение клиента в заблуждение. На деле происходит банковское мошенничество при продаже банковского продукта или услуги. Несмотря на то что данное явление в разной степени участия можно встретить практически в любом банке, с научной точки зрения оно пока недостаточно изучено, хотя в последнее время Банк России законодательно начал пытаться регулировать данный процесс. **Теоретический анализ.** В статье проводится анализ понятия «мисселинг» и его место в технике недобросовестных продаж банковских продуктов и услуг в коммерческих банках. Выделяются современные виды мисселинга: недобросовестное информирование, связанная продажа, непрозрачное ценообразование, продажа неподходящих продуктов, подмена продукта. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что число случаев мисселинга в банковской сфере в анализируемом периоде увеличилось, одними из причин стали значительное снижение ключевой ставки после высокого ее значения, низкий уровень финансовой грамотности населения. На фоне значительного снижения жалоб, связанных с инвестиционным страхованием жизни, произошло увеличение жалоб, связанных с накопительным страхованием жизни, а также всех остальных жалоб по различным тематикам. **Результаты.** Сформулированы и описаны направления совершенствования противодействия мисселингу со стороны Банка России, коммерческих банков и клиентов. Одним из таких направлений стало введение новых правил продажи финансовых продуктов Банком России. Если ЦБ РФ выявит со стороны коммерческого банка нарушение, то он вправе выдать финансовой организации предписание о приостановке продажи продукта до тех пор, пока замечания не будут устранены. В некоторых случаях Банк России может обязать банк выкупить у клиентов все проданные с нарушением продукты и вернуть за них деньги в полном объеме.

Ключевые слова: мисселинг, недобросовестное поведение, неприемлимая практика, некачественная продажа, коммерческий банк, техника продаж банковских продуктов, банковская сфера

Для цитирования: Синиченко О. А. Мисселинг как современный инструмент недобросовестных продаж банковских продуктов и услуг в коммерческих банках // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 20–26. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-20-26>, EDN: FSIQPM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Misseling as a modern tool of unfair sales of banking products and services in commercial banks

O. A. Sinichenko

Taganrog Institute of Management and Economics, 45 Petrovskaya St., Taganrog 347900, Russia

Olesya A. Sinichenko, o.sinichenko@tmei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Abstract. Introduction. Misseling has become a problem for commercial bank customers today. Misseling can be found both in large credit institutions and small banks. Formally, this is not a violation of the law, but, in fact, misleading of the client. In fact, there is a bank fraud when selling a banking product or service. Despite the fact that this phenomenon can be found in almost any bank to varying degrees of participation, from a scientific point of view it has not yet been sufficiently studied, although recently the Bank of Russia has made an attempt to regulate this process legislatively. **Theoretical analysis.** The article analyzes the concept of “misseling” and its place in the technique of unfair sales of banking products and services in commercial banks. Modern types of misseling are distinguished: unfair information, related sales, opaque pricing, sale of unsuitable products, product substitution. **Empirical analysis.** It was revealed that the number of misseling cases in the banking sector in the analyzed period increased, one of the reasons was a significant reduction in the key rate after its high value, low level of the population’s financial literacy. Against the background of a significant decrease in complaints related to investment life insurance, there was an increase in complaints related to cumulative life insurance, as well as the number of all other complaints on various topics. **Results.** The directions of improvement on encountering misseling by the Bank of Russia, commercial banks and clients are formulated and described. One of these areas was the introduc-

tion of new rules for the sale of financial products by the Bank of Russia. If the Central Bank of the Russian Federation detects a violation on the part of a commercial bank, it has the right to issue an order to the financial institution to suspend the sale of the product until the problems are eliminated. In some cases, the Bank of Russia may oblige the bank to buy back from customers all products sold in violation and make a full refund.
Keywords: misseling, unfair behavior, unacceptable practice, low-quality sales, commercial bank, banking products sales technique, banking sector

For citation: Sinichenko O. A. Misseling as a modern tool of unfair sales of banking products and services in commercial banks. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 20–26 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-20-26>, EDN: FSIQPM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Мисселинг – относительно новое понятие в области оказания некачественных услуг. Однако если изучать его качественные характеристики, то сразу станет понятным, что на самом деле данный инструмент воздействия на потребителей услуг уже давно применяется в России в различных сферах деятельности человека.

Мисселинг – любая неприемлемая практика или недобросовестное поведение финансовых организаций при их взаимодействии с потребителями и инвесторами [1]. По сути, это навязывание платных, но не нужных людям опций при продаже услуг и товаров. При этом, по

статистике, чаще всего мисселинг встречается именно в банковской сфере. Пострадавшими от мисселинга могут стать клиенты любого возраста, но, к сожалению, большинство из них – пенсионеры и люди с низким уровнем финансового грамотности.

Теоретический анализ

«Мисселинг» достаточно общий термин, который характеризует и все возможные виды неприемлемых практик и недобросовестного поведения. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения данных видов более подробно (рис. 1).

Рис. 1. Виды недобросовестного поведения в банковской сфере (сост. по: [2])

Fig. 1. Types of unfair behavior in the banking sector (compiled to [2])

1. *Недобросовестное информирование.* Искажение и/или представление клиенту неполной информации о финансовом продукте (услуге).

Данный вид недобросовестного поведения может происходить по двум направлениям. В первом случае имеет место быть искажение информации о доходности и рисках продукта. Сотрудники банков могут обещать клиентам гарантированное получение дохода, хотя сам банковский продукт этого не предусматривает, также они могут ссылаться на Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» № 177-ФЗ, но на самом деле продукт

может не попадать под статус застрахованного.

Во втором случае сотрудник банка умалчивает ключевые характеристики банковского продукта, чем вводит клиента в заблуждение. Например, сотрудник банка предлагает оформить инвестиционный или страховой продукт с повышенным уровнем доходности, при этом на консультации он упоминает только о положительных его качествах. При этом банковский менеджер не говорит об особых условиях оформления, отсутствии гарантий получения полной суммы внесенных денежных средств при досрочном расторжении договора.

Банковский продукт может быть фактически продан через акцептную форму оплаты, когда клиенту не предоставляются на ознакомление конкретные условия договора, договор считается заключенным по факту перевода средств, в том числе при выраженном несогласии с получением данной услуги в заявлении о предоставлении потребительского кредита.

Навязывание продуктов (услуг) без предварительного ознакомления клиента с документами, содержащими все условия совершаемой сделки, также является подвидом мисселинга.

2. *Продажа неподходящих продуктов.* Продажа финансовых продуктов или услуг, не отвечающих интересам клиентов.

Случается, что клиент, впервые обратившись в банк с какой-либо проблемой, не может самостоятельно выбрать себе подходящий банковский продукт. И, конечно, опытный сотрудник должен ему помочь. Но иногда недобросовестные сотрудники могут, например, продать долгосрочный инвестиционный продукт клиентам с низким уровнем жизни (пенсионеры, незащищенные слои населения). При досрочном выходе из таких продуктов не возвращается сумма изначально инвестированных средств. Или возможна другая ситуация с аналогичным типом клиентов, когда им продают банковские услуги с высоким уровнем риска, к которой они зачастую не готовы.

В эту группу поведения также можно добавить и продажу сложных финансовых продуктов лицам, не обладающим достаточным опытом и знаниями.

3. *Непрозрачное ценообразование.* Введение в заблуждение относительно размера комиссий, стоимости (справедливой стоимости) финансового продукта или услуги.

К данной категории можно отнести продажу банковских продуктов со скрытыми комиссиями, предложение продуктов с необоснованно завышенной стоимостью по сравнению с аналогичными продуктами у конкурентов, неразъяснение гражданину информации о полной стоимости продукта или услуги, а также о дополнительных расходах, связанных с их приобретением и хранением, упоминание о том, что комиссию необходимо вносить с определенной периодичностью. Или же, например, ситуация, которую можно встретить при инвестировании, когда брокер навязывает клиенту приобретение финансовых инструментов (услуг) совершения сделок за счет клиента в целях увеличения комиссии (агентского вознаграждения), не имеющих экономического смысла для клиента.

4. *Связанная продажа.* Практика компании, предоставляющей финансовый продукт или услугу при условии, что клиент покупает какой-либо другой продукт или услугу. Наиболее часто

встречающимся примером такого поведения является включение договора об обязательном пенсионном страховании в комплект документов, необходимых для получения договора займа, или предоставление кредита только при условии приобретения определенного страхового продукта. Стоит отметить, что существует обязательное и добровольное страхование. В первом случае оно применяется только в ипотечном кредитовании. Согласно закону, нужно застраховать от риска утраты или повреждения приобретаемую недвижимость. Добровольное кредитование применяется во всех остальных случаях займа.

5. *Подмена продукта.* Предложение одного финансового продукта (услуги) под видом другого. Например, клиент обратился в банк с целью открыть классический вклад, а сотрудник оформил ему инвестиционный продукт или же комбинированный вид вклада, включающий инвестиционную составляющую.

1 июля 2022 г. начали действовать новые правила продажи сложных финансовых продуктов. Теперь банки обязаны проговаривать клиенту, что данный инструмент не является вкладом и не подпадает под государственную систему обязательного страхования, а доходность не гарантирована. Причем все сведения, доведенные до клиента в устной форме, должны полностью соответствовать тому, что написано в информационных документах, с которыми человек должен ознакомиться и подтвердить это своей подписью.

Новые правила касаются тех сложных продуктов, которые чаще всего продаются с мисселингом. Прежде всего, это инвестиционное и накопительное страхование жизни (ИСЖ и НСЖ).

В случае если коммерческий банк будет уличен в нарушении вышеперечисленных правил, Банк России имеет право выдать кредитной организации предписание о приостановке продаж данного продукта или услуги до того момента, пока замечания не будут устранены. В особых случаях регулятор может обязать банк выкупить у клиентов все проданные с нарушением продукты и вернуть за них деньги в полном объеме.

Эмпирический анализ

В Банк России регулярно поступает большое число жалоб на кредитные организации, часть из них приходится на проблему мисселинга. Всего за I полугодие 2022 г. в Банк России на рассмотрение поступило 198,5 тыс. жалоб от потребителей финансовых услуг и инвесторов, что на 36,3% больше, чем за I полугодие 2021 г. (рис. 2). В отношении кредитных организаций за I полугодие 2022 г. количество жалоб в отношении кредитных организаций выросло на 17,8% по сравнению с тем же периодом предыдущего года и составило 101,1 тыс.

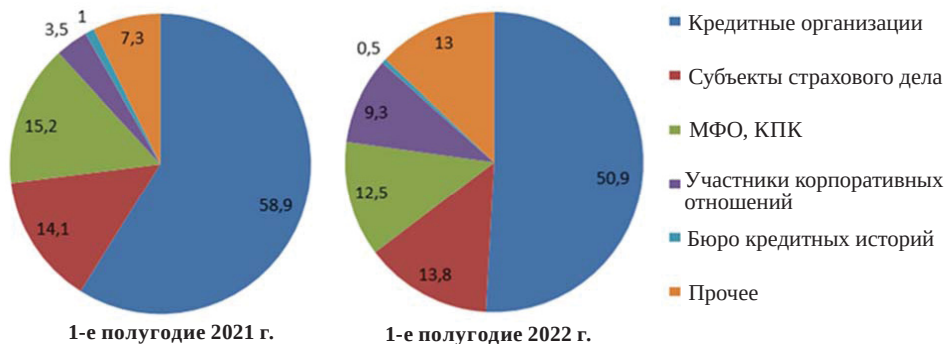

Рис. 2. Распределение общего количества жалоб в январе–июне 2021 г. и январе–июне 2022 г., % (сост. по: [2]; цвет online)

Fig. 2. Distribution of the total number of complaints in January–June 2021 and January–June 2022, % (compiled to [2]; color online)

Наибольшая доля жалоб на кредитные организации связана с вопросами потребительского кредитования – 23,5%. По сравнению с I полугодием 2021 г. удельный вес таких жалоб снизился на 11,6 п.п. (рис. 3).

К жалобам в отношении кредитных организаций относится и мисселинг. На рис. 4 более подробно показано распределение жалоб, связанных с мисселингом, в разрезе категорий участников финансового рынка.

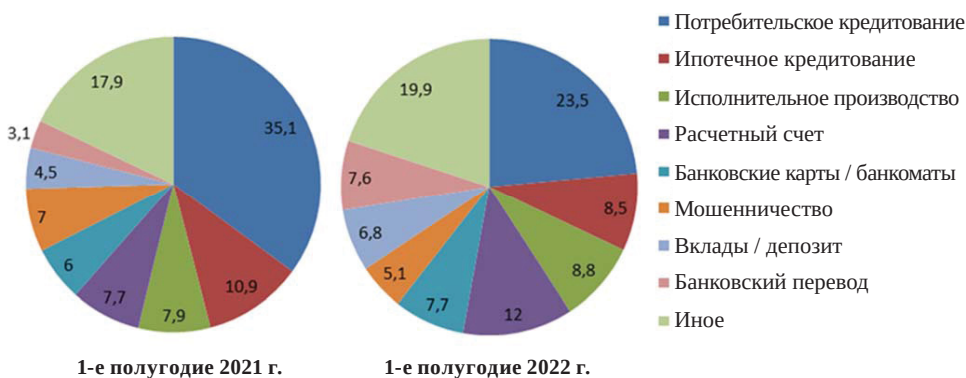

Рис. 3. Распределение жалоб в отношении кредитных организаций в январе–июне 2021 г. и январе–июне 2022 г., % (сост. по: [2]; цвет online)

Fig. 3. Distribution of complaints against credit institutions in January–June 2021 and January–June 2022, % (compiled to [2]; color online)

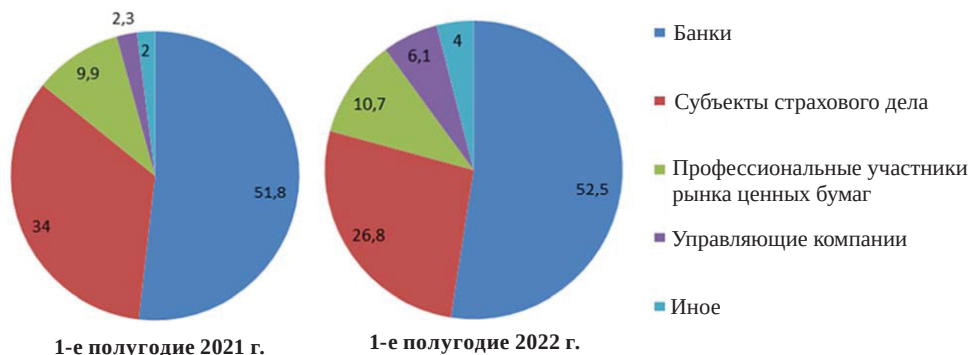

Рис. 4. Распределение жалоб, связанных с мисселингом, в разрезе категорий участников финансового рынка в январе–июне 2021 г. и январе–июне 2022 г., % (сост. по: [2]; цвет online)

Fig. 4. Distribution of complaints related to mis-selling by categories of financial market participants in January–June 2021 and January–June 2022, % (compiled to [2]; color online)

В январе–июне 2022 г. количество жалоб, поступивших по вопросам мисселинга, выросло на 32,9% по сравнению с январем–июнем 2021 г. и составило 2,9 тыс. Банком России за I полугодие выписано в отношении кредитных организаций: 1 предписание об устранении / недопущении нарушений; 81 протокол об административном правонарушении;

137 рекомендаций / надзорных писем, направленных поднадзорным организациям.

Таким образом можно сделать вывод о том, что ситуация с недобросовестными практиками продаж банковских продуктов и услуг усложняется. Для полного представления сути проблемы необходимо выявить основные темы жалоб, связанных с мисселингом, что отобразено на рис. 5.

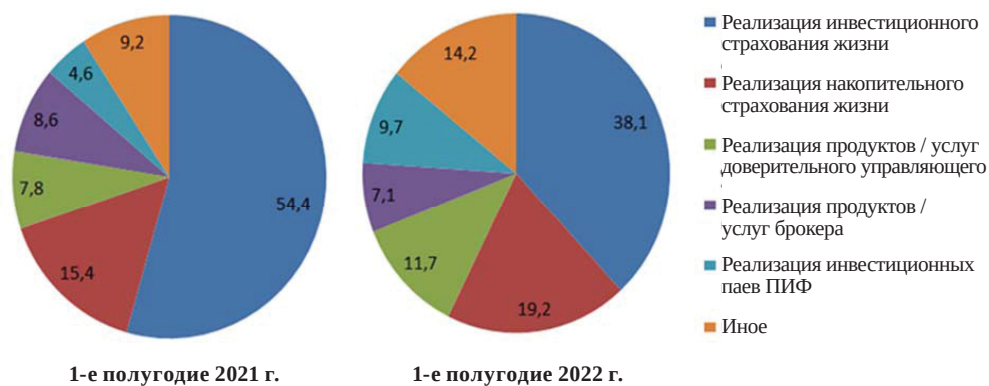

Рис. 5. Распределение жалоб, связанных с мисселингом, в разрезе тематик в январе–июне 2021 г. и январе–июне 2022 г., % (сост. по: [2]; цвет online)

Fig. 5. Distribution of complaints related to mis-selling by subject in January–June 2021 and January–June 2022, % (compiled to [2]; color online)

Данные, представленные на рисунке, показывают, что структура жалоб за год изменилась. На фоне значительного снижения жалоб, связанных с инвестиционным страхованием жизни, на 16,3 п.п. произошло увеличение на 3,8 п.п. жалоб, связанных с накопительным страхованием жизни, а также число всех остальных жалоб по различным тематикам. С чем же все-таки связан этот рост? Самое простое объяснение этому – банки пытаются в краткосрочной перспективе нарастить прибыль, а также отсутствие серьезных последствий для банков в случае обнаружения нарушений.

Рассмотрим причины увеличения недобросовестных практик продаж финансовых продуктов в форме мисселинга.

Одной из причин увеличения жалоб, связанных с мисселингом в банковской сфере, в 2022 г. является снижение ключевой ставки и, как следствие, ставок по вкладам после того, как в марте 2022 г. они достигали 15–20%. Люди пытаются найти новый способ вложения средств с таким же уровнем доходности, и сотрудники банков под видом вкладов предлагают инвестиционные продукты с высоким уровнем риска.

В развитых странах процентная ставка по вкладам тоже косвенно привязана к уровню инфляции, так чтобы доходность вкладам была выше уровня инфляции. Однако в РФ сейчас

другая ситуация. Несмотря на замедление темпов роста цен, прогноз по годовой инфляции остается неутешительным. По оценке Банка России, с учетом проводимой денежно-кредитной политики годовая инфляция в 2022 г. составит 18–23%. Очевидно, что текущие ставки по банковским вкладам инфляцию не покрывают. Такое поведение представителей кредитных организаций ведет к тому, что у клиентов пропадает доверие ко всем банкам, в том числе и добросовестным.

У многих крупных банков есть дочерние страховые компании, услуги которых нужно продавать. До сотрудников доводят планы, от которых зависят зарплаты и премии. Но людей, которые обращаются в банк, страховки и инвестиции обычно не интересуют. Поэтому и возникает мисселинг, когда клиента вынуждают оформить нужный продавцу продукт любым способом [2].

Другими причинами развития мисселинга в Российской Федерации являются низкий уровень финансовой грамотности населения и несовершенство российского законодательства, которое должно ограничивать недобросовестные практики продаж финансовых продуктов посредством досудебного урегулирования споров.

Есть определенные схемы поведения клиентов, которые столкнулись с мисселингом. Прежде всего, стоит понимать, что на сегодняшний

день мисселинг – это не нарушение закона, а недобросовестная практика, как это указано выше.

Однако по Закону «О защите прав потребителей» продавец финансовых продуктов обязан предоставить клиенту полную информацию о нем перед тем, как тот совершит покупку [4]. Проблема состоит в том, что банки зачастую страхуются и подробно описывают условия продукта в договоре, а при консультации сообщают лишь часть его характеристик. К сожалению, клиенты часто не хотят тщательно изучать договор перед его подписанием, и, как следствие, возникают сложности в дальнейшем при сборе доказательств о том, что имел место мисселинг.

Если клиент, по его мнению, обманут и имел место мисселинг со стороны сотрудника банка, то необходимо подать жалобу. Это можно сделать несколькими способами. Через интернет-приемную Банка России можно направить письменное обращение с жалобой. Ответа на обращение придется ждать в среднем три дня. Но сложные случаи могут требовать больше времени, от 1 до 2 месяцев, предупреждают в ЦБ.

В 2019 г. при поддержке Центробанка в России заработал институт финансового уполномоченного (или финансовый омбудсмен). Его задача – быстро и в досудебном порядке разрешать споры между частными лицами и финансовой организацией (правда, только в том случае, если размер претензий не больше 500 тыс. руб., с момента нарушения прошло не больше трех лет, а банк или страховая входят в специальный реестр). С 2021 г. омбудсмен занимается рассмотрением претензий к банкам и негосударственным пенсионным фондам. А подать обращение можно через портал «Госуслуги» [5].

Результаты

На фоне такого роста числа жалоб, связанных с мисселингом, необходимо сформулировать основные направления противодействия данному явлению. Эти рекомендации должны быть сгруппированы по двум направлениям: для Банка России, коммерческих банков и для потребителей банковских продуктов и услуг.

Возможно предложить следующие *направления совершенствования противодействия мисселингу со стороны Банка России и коммерческих банков.*

1. Создание службы выездных проверок на местах. Такая служба будет действовать по принципу тайного покупателя и проводить проверки в тем кредитных организациях, где отмечено значительное число жалоб, связанных с мисселингом. Данное направление позволит четко определить степень вины коммерческого банка.

2. На фоне издания указаний Банка России о минимальных (стандартных) требованиях к содержанию информации и к условиям и порядку осуществления банковских услуг в 2022 г. [6, 7] необходимо дополнительно разработать на уровне регулятора стандарт продаж банковских продуктов и услуг, в котором по каждому продукту будет прописан перечень обязательных пунктов, о которых следует проинформировать клиента.

3. Банк России должен в рамках п. 2 разработать скрипты по продажам банковских продуктов, и коммерческие банки должны будут в обязательном порядке их применять.

Направления совершенствования противодействия мисселингу со стороны клиента.

1. Внимательное изучение бумажной копии договора на оказание банковской услуги. Все характеристики банковского продукта или услуги в полной мере должны быть отражены в договоре. Если клиент не хочет быть обманут, ему следует потратить время на тщательное изучение договора и тарифов. Любые спорные моменты можно обсудить с банковским сотрудником. Также если клиент не уверен в правильности своего решения, то тарифы и образец договора можно взять с собой, чтобы изучить более подробно.

При подписании договора обращают внимание на:

- название организации. Если человек обратился в банк, должно быть указано именно его наименование, а не другая компания, например страховая или инвестиционная;
- название финансового продукта;
- срок действия договора;
- условия расторжения;
- процентная ставка, если подразумевается получение дохода;
- пункты, которые прописаны мелким шрифтом.

2. Перед походом в банк клиент может изучить условия и тарифы интересующего его продукта или услуги на официальном сайте коммерческого банка.

3. Если две недели еще не прошло, можно воспользоваться «периодом охлаждения». Он действует для большинства страховых продуктов. В течение 14 дней разрешено расторгнуть договор и забрать деньги по любой причине.

4. Уточняющие вопросы по уровню риска. Любой банковский продукт и услуга имеют определенный уровень риска. И, естественно, чем выше будет ожидаемая доходность от продукта, тем выше уровень риска. В данном случае будет логичным уточнить у сотрудника банка все нюансы, касающиеся недостатков данного продукта или услуги. Надо быть готовым к тому,

что сотрудник будет уклоняться от ответа. В таком случае лучше взять паузу и более подробно изучить продукт.

5. Все крупные сделки совершать только после консультации юриста. Это позволит сэкономить время на оформлении продукта и уберечь клиента от мисселинга и мошеннических действий.

Список литературы

1. Виды недобросовестного поведения участников финансового рынка. URL: https://cbr.ru/protection_rights/np/ (дата обращения: 27.09.2022).
2. Отчет о работе с обращениями за январь–июнь 2022 года. Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 27.09.2022).
3. Свиридов О. Ю., Некрасова И. В. Мисселинг как основная форма недобросовестных продаж финансовых продуктов в России: причины и способы противодействия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 134–138. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-4-134-138>
4. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 14.07.2022). Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Солодкий С. Что такое мисселинг в банке и как его победить? URL: <https://rskrf.ru/tips/eksperty-obyasnyayut/obman-v-bankakh/?ysclid=18jzbahxek425676831> (дата обращения: 27.09.2022).
6. О минимальных (стандартных) требованиях к объему и содержанию информации, предоставляемой кредитной организацией, действующей от своего имени при совершении сделки с физическим лицом по возмездному отчуждению ценных бумаг, при заключении договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, либо действующей от имени и (или) по поручению некредитной финансовой организации при заключении с физическим лицом договоров об оказании финансовых услуг, в том числе об их условиях и рисках, связанных с их исполнением, а также о форме, способах и порядке предоставления указанной информации : указание Банка России от 10.01.2022 № 6057-У (зарегистрировано в Минюсте России 12.04.2022 № 68175). Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования жизни и здоровья заемщика по договору потребительского кредита (займа), к объему и содержанию предоставляемой информации о договоре добровольного страхования жизни и здоровья заемщика по договору потребительского кредита (займа), а также о форме, способах и порядке предоставления

указанной информации : указание Банка России от 17.05.2022 № 6139-У. Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. *Vidy nedobrosovestnogo povedeniya uchastnikov finansovogo rynka* (Types of unfair behavior of financial market participants). Available at: https://cbr.ru/protection_rights/np/ (accessed 27 September 2022) (in Russian).
2. *Otchet o rabote s obrashcheniyami za yanvar'–iyun' 2022 goda. Sluzhba po zashchite prav potrebiteley i obespecheniyu dostupnosti finansovykh uslug* (Report on the work with appeals January–June 2022. Service for Consumer Protection and Ensuring the Availability of Financial Services). Available at: <https://www.cbr.ru> (accessed 27 September 2022) (in Russian).
3. Sviridov O. Yu., Nekrasova I. V. Misseling as the main form of unfair sales of financial products in Russia: And ways of counteraction. *State and Municipal Management Scholar Notes*, 2018, vol. 4, pp. 134–138 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-4-134-138>
4. On consumer rights protection. Law of the Russian Federation 2300-1 of 07.02.1992 (an edition of 14.07.2022). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
5. Solodky S. *Chto takoe misseling v banke i kak ego pobedit'?* (What is misseling in a bank and how to defeat it?). Available at: <https://rskrf.ru/tips/eksperty-obyasnyayut/obman-v-bankakh/?ysclid=18jzbahxek425676831> (accessed 27 September 2022) (in Russian).
6. On Minimum (Standard) Requirements for the Volume and Content of Information Provided by a Credit Institution Acting on Its Own Behalf when Making a Transaction with an Individual on the Paid Alienation of Securities, when Concluding Contracts that are Derivative Financial Instruments, or Acting on Behalf and (or) on behalf of a non-credit financial institution when concluding financial services contracts with an individual, including their terms and risks associated with their execution, as well as the form, methods and procedure for providing the specified information. Instruction of the Bank of Russia of 10.01.2022 no. 6057-U (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation of 12.04.2022 no. 68175). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
7. On minimum (standard) requirements for the conditions and procedure for the implementation of voluntary life and health insurance of the borrower under the consumer credit (loan) agreement, to the volume and content of the information provided on the contract of voluntary life and health insurance of the borrower under the consumer credit (loan) agreement, and also about the form, methods and procedure for providing this information. Instruction of the Bank of Russia of 17.05.2022 no. 6139-U. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).

Поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 20.11.2022
The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 20.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 27–34
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 27–34
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-27-34>, EDN: FTFMTV

Научная статья
УДК 330.34:519.862.6

Статистический анализ обеспеченности жильем населения регионов России

А. П. Цыпин¹✉, Е. Е. Кабанова¹, Г. И. Гаджимирзоев²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125167, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49/2

²Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Россия, 107150, г. Москва, Лосиноостровская ул., д. 49

Цыпин Александр Павлович, кандидат экономических наук, доцент департамента бизнес-аналитики, zipin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>

Кабанова Елена Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», kabanovae@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4463-5326>

Гаджимирзоев Гаджимирзе Ирадиевич, специалист отдела организации проектной деятельности, virtuoz05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5606-9643>

Аннотация. Введение. Социальные условия жизни и связанные с ними проблемы являются одними из ключевых показателей уровня и темпов социально-экономического развития современного общества. Уровень жизни россиян постоянно находится на повестке дня научной общественности и Правительства РФ. Соответственно, изучение состояния и перспектив развития ключевых индикаторов, характеризующих благосостояние населения, является одной из основных задач экономической науки. **Теоретический анализ.** Целью данного исследования является статистический анализ и выделение степени влияния социально-экономических показателей на обеспеченность жильем населения страны. Для достижения поставленной цели нами были использованы такие статистические инструменты, как табличный и графический, коэффициентный методы, метод группировок и корреляционно-регрессионный анализ. **Эмпирический анализ.** Методологический подход к проведению статистического анализа обеспеченности населения жильем соответствует трем стадиям статистического исследования и включает формирование системы показателей, сбор и обработку фактического материала в пространственном и временном разрезах, а также формирование выводов относительно закономерностей развития рассматриваемого явления. **Результаты исследования.** В итоге проведенной работы установлены следующие закономерности: несмотря на низкий уровень жизни населения и периодические шоковые воздействия на экономику России, уровень обеспеченности населения жильем за период 1990–2021 гг. непрерывно увеличивается; наибольший уровень обеспеченности жильем наблюдается в самых густонаселенных регионах страны, которые входят в Центральный и Приволжский федеральные округа; наибольшее влияние на вариацию обеспеченности населения жильем оказывают общеэкономические индикаторы, а именно уровень занятости населения и положительная динамика индекса промышленного производства. Результаты проведенного исследования можно использовать для принятия решений, касающихся улучшения уровня жизни населения субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: условия жизни населения, площадь жилых помещений, статистика, корреляция, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Цыпин А. П., Кабанова Е. Е., Гаджимирзоев Г. И. Статистический анализ обеспеченности жильем населения регионов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 27–34. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-27-34>, EDN: FTFMTV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Statistical analysis of housing availability in Russian regions

A. P. Tsy-pin¹✉, E. E. Kabanova¹, G. I. Gadzhimirzoev²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125167, Russia

²Moscow State University of Humanities and Economics, 49 Losinoostrovskaya St., Moscow 107150, Russia

Aleksandr P. Tsy-pin, zipin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>

Elena E. Kabanova, kabanovae@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4463-5326>

Gadzhimirze I. Gadzhimirzoev, virtuoz05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5606-9643>

Abstract. Introduction. Social living conditions and related problems are one of the key indicators of the level and pace of the socio-economic development of modern society. The Russians' standard of living is constantly on the agenda of the academic community and the Government of the Russian Federation. Accordingly, the study of the state and prospects for the development of key indicators characterizing the well-being

of the population is one of the main tasks of economy. **Theoretical analysis.** The purpose of this study is statistical analysis and identification of the socio-economic indicators influence degree on the provision of housing for the country's population. To achieve this goal, we used such statistical tools as tabular and graphical, coefficient, grouping method and correlation-regression analysis. **Empirical analysis.** The methodological approach to the statistical analysis of the population's provision with housing corresponds to three stages of statistical research and includes formation of a system of indicators, collection and processing of actual material in spatial and time sections, as well as formation of conclusions regarding the patterns of development of the phenomenon under consideration. **Results.** As a result of the study, the following patterns were established: despite the population's low standard of living and periodic shock impacts on Russian economy, the level of housing provision for the population for the period 1990–2021 is continuously increasing; the highest level of housing provision is observed in the most densely populated regions of the country, which are part of the Central Federal District and the Volga Federal District; the largest influence on the variation of the population's provision of housing is exerted by general economic indicators, namely the level of employment and the positive dynamics of the industrial production index. The results of the study can be used to make decisions regarding the improvement of the population's standard of living in constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: living conditions of the population, area of residential premises, statistics, correlation, socio-economic development

For citation: Tsypin A. P., Kabanova E. E., Gadzhimirzoev G. I. Statistical analysis of housing availability in Russian regions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 27–34 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-27-34>, EDN: FTFMTV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На данном этапе развития экономики Российской Федерации, когда с пугающей регулярностью на экономическую систему страны обрушиваются мировые и локальные кризисы, очень важным моментом является сохранение и приумножение благосостояния граждан. К сожалению, шоковые воздействия негативно влияют на уровень жизни населения, и одним из стабильных ее элементов остается жилье, находящееся во владении граждан. Соответственно перед экономической наукой в целом и статистикой в частности встает вопрос мониторинга индикаторов, характеризующих жилищную сферу, а конкретно обеспеченность населения жильем.

Жилищная проблема в России характеризуется как сложная, так как до 2010-х гг. строительство жилья находилось на низком уровне, объемы ввода в эксплуатацию были минимальными из-за высокой стоимости строительства на фоне низкого уровня жизни населения. При этом жилой фонд, сформированный в советский период, ветшал и приходил в аварийное состояние. Ситуация изменилась лишь в начале 2010-х гг., когда во всех кредитных организациях заработала программа ипотечного кредитования. Результаты налицо: если в среднем за период 1991–2009 гг. введено в эксплуатацию 41,9 млн кв. м, то в 2010–2021 гг. – в среднем 75,1 млн кв. м. Конечно, проблем в этом направлении еще много, к примеру, высокая цена нового жилья при низком уровне жизни и, как следствие, низкие показатели доступности. Тем не менее рост прослеживается, и в последнее десятилетие индустрия вышла на показатели советского периода.

Обращаясь к научным публикациям по теме исследования, обнаруживаем незначительное количество исследований, из которых к наиболее значимым можно отнести работы таких авто-

ров, как Т. С. Коростелева [1], Т. Н. Ларина [2], З. Р. Салахова [3], И. В. Новоселова [4], С. П. Спиридонов [5], М. Д. Хабиб [6], А. А. Черновол [7]. В зону их внимания входили вопросы государственной поддержки жилищного строительства, благоустройство жилья, проблема региональной дифференциации, факторы, оказывающие влияние на обеспеченность населения жильем. Учитывая наработки исследователей, сосредоточимся на последнем пункте и постараемся выявить ключевые показатели, обуславливающие обеспеченность граждан жильем в различных субъектах России.

Материалы и методы

Проводимое нами исследование будет опираться на официальную информацию, которая предоставляется системой Росстата. При этом показатели, характеризующие наличие жилья в общероссийских масштабах, были взяты из Российского статистического ежегодника [8], в свою очередь, региональные значения – из издания «Регионы России. Социально-экономические показатели» [9].

Факторы, которые, по нашему мнению, обуславливают уровень обеспеченности населения регионов жильем, приведены на рис. 1.

К индикаторам, характеризующим развитие жилищной сферы в России и ее регионах применялись следующие статистические методы:

- 1) табличный и графический методы – использованы для иллюстрации исходных данных и (или) результатов проведенного анализа;
- 2) одномерная группировка – использована для выделения лидирующих и отстающих в развитии территорий РФ по уровню обеспеченности населения жильем. При этом будем следовать методологическим положениям, приведенным в работе А. В. Лосевой [10];

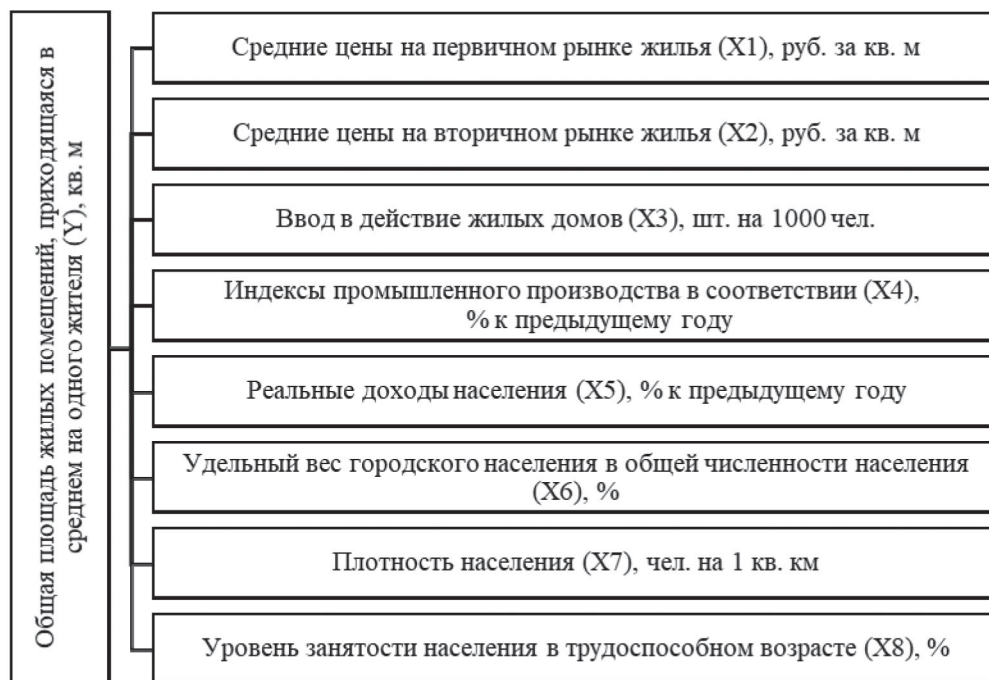

Рис. 1. Факторы, оказывающие влияние на обеспеченность населения регионов жильем в 2020 г.
 Fig. 1. Factors affecting the provision of housing to the population of the regions in 2020

3) эконометрические методы, в частности, корреляционно-регрессионный анализ – применяется для оценки силы влияния социально-экономических индикаторов на уровень обеспеченности населения жильем в региональном разрезе.

Результаты исследования

На первом этапе исследования рассмотрим динамику показателя «Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя», для чего обратимся к данным, приведенным на рис. 2.

Согласно приведенной на рис. 2 информации, наблюдается поступательный рост уровня обеспеченности населения жильем, при этом кризисы и шоковые воздействия не оказывают существенного влияния на динамику (не наблюдается катастрофических провалов).

Оценка параметров линейной и параболической модели на основе приведенных данных показала неудовлетворительные результаты, так как наблюдались значительные расхождения между модельными данными и фактиче-

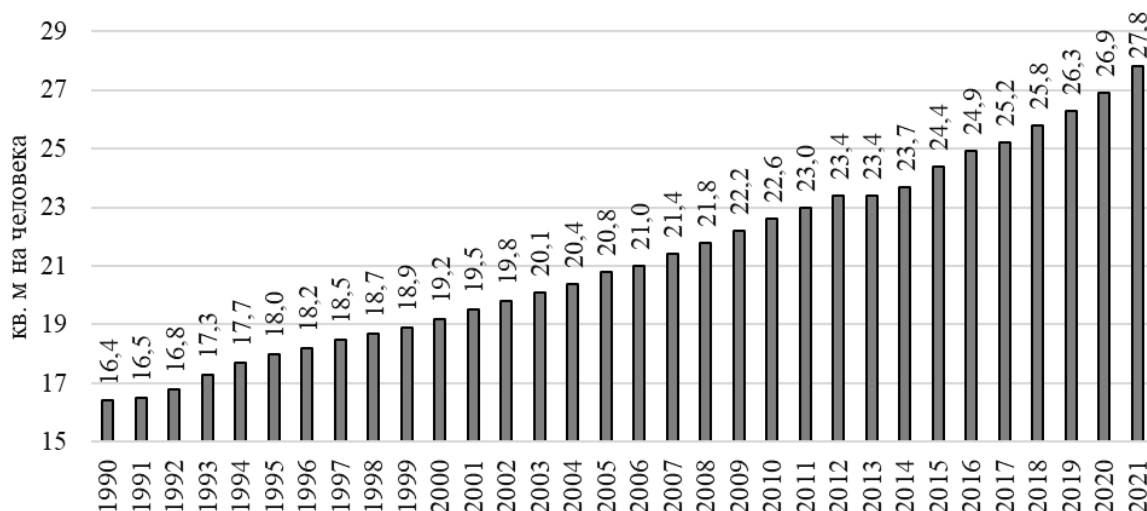

Рис. 2. Изменение общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя [8]
 Fig. 2. Change in the total area of residential premises, on average per inhabitant [8]

скими значениями на интервале 2017–2021 гг. В результате было принято решение провести моделирование временного ряда на основе модели экспоненциального сглаживания с константами $\alpha = 0,9$ и $\beta = 0,3$ (модель Хольта).

В результате средняя ошибка аппроксимации (МАРЕ) составила 0,55%, что указывает на высокую степень аппроксимации моделью колебаний фактических уровней временного ряда. Соответственно построенную модель можно использовать для прогнозирования.

В итоге получаем прогноз на 2022–2024 гг. в виде: 28,38 → 28,99 → 29,61 кв. м жилья на одного жителя. Таким образом, при условии неизменности общеэкономической ситуации в ближайшие три года значения показателя будут расти. Полученные предиктивные значения не противоречат сложившейся тенденции в строительстве жилья, объемы которого с каждым годом только нарастают.

Далее обратимся к статистике Росстата и проанализируем некоторые характеристики жилья (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Характеристика жилищного фонда в России
Characteristics of housing stock in Russia

Показатели / Indicators	2000	2010	2020	К-т роста 2020 г. к 2000 г. / Growth factor for 2020 by 2000
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	19,2	22,6	26,9	1,40
в том числе:				
в городской местности	18,9	22,1	26,7	1,41
в сельской местности	19,9	24,0	27,4	1,38
Всего квартир, млн	55,1	60,1	69,0	1,25
в том числе:				
однокомнатных	12,8	14,1	17,5	1,37
двухкомнатных	22,6	23,9	26,3	1,16
трехкомнатных	16,2	17,4	19,1	1,18
четырёхкомнатных и более	3,5	4,7	5,7	1,63
Средний размер одной квартиры, кв. м общей площади жилых помещений	49,1	52,9	56,3	1,15
однокомнатной	32,0	33,4	36,4	1,14
двухкомнатной	45,4	47,2	49,3	1,09
трехкомнатной	60,4	63,4	67,0	1,11
четырёхкомнатной и более	82,6	102,0	109,8	1,33

Рассчитано по: [8] / Compiled to [8].

Согласно данным, приведенным в табл. 1, можно констатировать рост всех показателей в 2020 г. относительно 2000 г., что указывает на рост благосостояния населения и улучшение жилищных условий.

В сельской местности обеспеченность жильем выше, что объясняется разным типом строений: в городской местности из-за экономии пространства жилой фонд представлен многоквартирными домами, тогда как на селе такая проблема отсутствует, и граждане проживают в индивидуальных частных домах, соответственно, площадь помещений больше.

На всем протяжении рассматриваемого периода доминирует категория «двухкомнатные квартиры», что объясняется оптимальным со-

четанием площади помещений и комфортным размещением семьи из трех человек (типичная российская семья). При этом средний размер квартир увеличивался на протяжении 2000–2020 гг. незначительно, этот факт объясняется дороговизной строительства жилья.

Далее обратимся к данным табл. 2 и проанализируем уровень благоустройства жилья в России.

Как видим, за период 1990–2021 гг. в сельской местности наблюдается рост благоустроенности по всем параметрам, за исключением газификации, но данная проблема стоит на повестке Правительства РФ и сформирована стратегия полной газификации сельских территорий. В городской местности практически

Таблица 2 / Table 2

**Изменение в уровне благоустройства городского и сельского жилого фонда, %
Change in the level of improvement of urban and rural housing stock, %**

Удельный вес общей площади, оборудованной / Specific gravity of the total area equipped with	Городской жилищный фонд / Urban housing stock			Сельский жилищный фонд / Rural housing stock		
	1990	2021	Отклонения / Deviations	1990	2021	Отклонения / Deviations
Водопроводом	94	92	-2	49	66	17
Водоотведением (канализацией)	92	90	-2	37	54	17
Отоплением	92	93	1	37	73	36
Ваннами (душем)	87	84	-3	32	42	10
Газом (сетевым, сжиженным)	72	63	-9	78	74	-4
Горячим водоснабжением	79	85	6	19	43	24
Напольными электроплитами	21	32	11	3	8	5

Рассчитано по: [8] / Compiled to [8].

все показатели стремятся к 90%, но вызывает опасение снижение обеспеченности ванными комнатами (снижение за период на 9 п.п.), что может быть объяснено переводом части муниципальных образований из сел в разряд поселков городского типа в последние 10 лет, в результате инфраструктура не успевает перестроиться.

Так как территория Российской Федерации огромна и характеризуется неоднородным скоплением природного, воспроизводимого и человеческого капитала, модель формирования уровня жизни (в том числе обеспеченность жи-

льем) будет разная. Поэтому проведем группировку регионов по показателю Y за 2021 г., для этого разобьем совокупность на 4 квантили по 25%, выделив три точки: Q1 = 25,34, Q2 = 28,21, Q3 = 30,93 (кв. м на чел.).

Результаты группировки субъектов РФ по уровню обеспеченности жильем, приведены на плиточной диаграмме (рис. 3).

Полученные результаты, представленные на рис. 3, указывают на высокие значения обеспеченности жильем в самых густонаселенных регионах России, а именно в Центральном и Приволжском федеральных округах. Данный

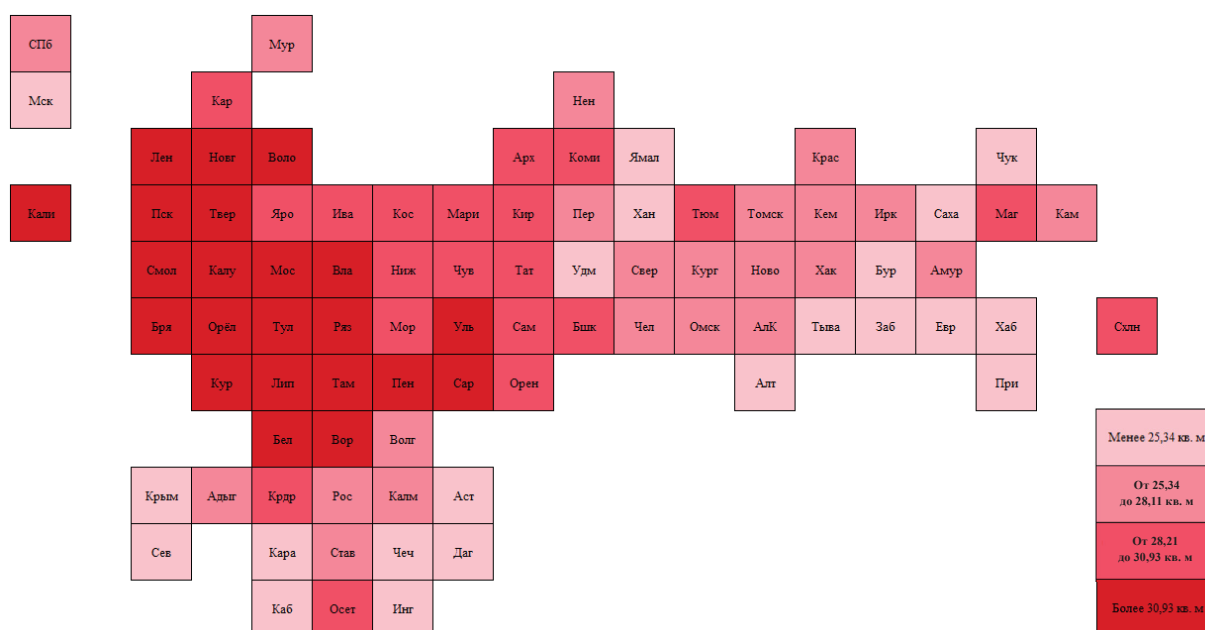

Рис. 3. Плиточная карта регионов России в разрезе 4 квантилей переменной Y в 2021 г., кв. м [9] (цвет online)
Fig. 3. Tile map of the regions of Russia in the context of 4 quartiles of variable Y in 2021, sq. m [9] (color online)

результат ожидаем, так как субъекты, входящие в эти федеральные округа, характеризуются развитыми экономическими системами, а значит, уровень жизни населения в них выше.

Далее обратимся к теоретико-методологическим подходам построения экономе-

трических моделей, приведенным в работах В. Н. Афанасьева [11] и А. П. Цыпина [12], и рассчитаем коэффициенты корреляции по совокупности субъектов РФ (за исключением г. Москва и г. Санкт-Петербург). Результаты расчета показателей приведены на рис. 4.

	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8
Y	1.0000								
X1	-0.1351	1.0000							
X2	-0.2308	0.9603	1.0000						
X3	0.4077	0.1428	0.1368	1.0000					
X4	0.1889	-0.0685	-0.0779	0.0130	1.0000				
X5	-0.3548	0.0903	0.1022	-0.0833	-0.1825	1.0000			
X6	0.3359	0.5006	0.4045	0.0811	-0.1787	-0.0579	1.0000		
X7	-0.1718	0.7377	0.7612	0.0401	0.0949	0.1067	0.3524	1.0000	
X8	0.5026	0.3994	0.2977	0.2092	-0.0873	-0.1286	0.6374	0.2411	1.0000

Рис. 4. Результаты расчета значений парного линейного коэффициента корреляции между переменными, участвующими в анализе [9] (приведена выгрузка результатов моделирования в пакете STATA)

Fig. 4. Results of calculating the values of the paired linear correlation coefficient between the variables involved in the analysis [9] (shows the download of the simulation results in the STATA package)

Как видно из данных, приведенных на рис. 4, наибольшее влияние на зависимую переменную оказывают факторы X4 и X8, при этом между факторами отсутствует взаимосвязь (коэффициент корреляции равен -0,09), соответственно, эти факторы будут включены в регрессионную модель.

Для более подробного исследования проблемы мультиколлинеарности воспользуемся расчетом показателя VIF (рис. 5).

Variable	VIF	1/VIF
X4	1.01	0.987537
X8	1.01	0.987537
Mean VIF	1.01	

Рис. 5. Результаты оценки значений фактора инфляции вариации [9] (приведена выгрузка результатов моделирования в пакете STATA)

Fig. 5. Results of evaluation of inflation factor of variation [9] (shows the download of the simulation results in the STATA package)

Полученный результат равен 1,01, что согласно шкале интерпретации указывает на некоррелированность переменных, таким образом, можно совместно включать данные факторы в модель. В итоге получаем характеристики эконометрической модели (табл. 3).

Множественный коэффициент детерминации равен 0,41, так что можно говорить о том, что между переменными существует умеренная интенсивность связи. Фактическое значение F-статистики Фишера высокое, что свидетельствует о статистической значимости построенной модели. Также высокими получены значения t-статистики Стьюдента, что указывает на статистическую значимость параметров модели.

Интерпретация полученных коэффициентов модели следующая:

1) при росте индекса промышленного производства на 1% обеспеченность населения жильем в среднем увеличивается на 0,13 кв. м на человека (при условии неизменности остальных факторов);

2) рост уровня занятости населения в трудоспособном возрасте в регионе на 1% приведет к росту обеспеченности жильем на 0,37 кв. м на человека (в случае постоянства остальных факторов).

Также стоит рассмотреть β -коэффициенты. Значение коэффициента при переменной X8 выше указывает на большее влияние данного фактора на обеспеченность населения жильем.

На заключительном этапе проведем имитационное моделирование для оценки поведения целевой переменной при разных «режимах» факторов. Для этого вычислим минимальное, максимальное и среднее значение независимых переменных и уменьшим (увеличим) их значение на 10%. Результаты оценки возможных значений зависимой переменной представлены в табл. 4.

Таблица 3 / Table 3

**Характеристики эконометрической модели динамики обеспеченности населения России жильем в 2020 г.
Characteristics of the econometric model of the dynamics of the provision of the population of Russia with housing in 2020**

Параметры модели / Model parameters	β -коэффициенты / β -coefficients	Стандартное отклонение β -коэффициентов / Standard deviation of β -coefficients	Коэффициенты модели a_j / Model coefficients a_j	Стандартное отклонение a_j / Standard deviation of a_j	t-статистика Стьюдента / Student's t-statistics	p-уровень значимости / p-level
Константа	–	–	-13,51	5,92	-2,28	0,03
X4	0,29	0,09	0,13	0,04	3,33	0,00
X8	0,61	0,09	0,37	0,05	6,90	0,00

Рассчитано по: [9] / Compiled to [9].

Примечание. Приведена выгрузка результатов моделирования в пакете STATISTICA; $R^2 = 0,41$, $F(2,77) = 27,16$, $p < 0,00$.

Note. Shows the download of the simulation results in the STATISTICA package; $R^2 = 0,41$, $F(2,77) = 27,16$, $p < 0,00$.

Таблица 4 / Table 4

**Точечный прогноз зависимой переменной на основе множественной линейной регрессии
Point prediction of dependent variable based on multiple linear regression**

Показатели / Indicators	Минимум / Min. -10%	Максимум / Max. +10%
X4	56,88	144,10
X8	47,88	92,07
Точечный прогноз	11,64	39,33
-95,0%CL	6,90	35,28
+95,0%CL	16,37	43,38

Рассчитано по: [9] / Compiled to [9].

Как и следовало ожидать, улучшение экономической обстановки в регионе приведет к росту обеспеченности населения жильем и наоборот. При этом стоит заметить, что полученный точечный прогноз имеет один недостаток – он не может «уловить» будущие изменения факторов, это снижает его практическую ценность.

В качестве заключения необходимо отметить, что социальные условия жизни и связанные с ними проблемы являются одним из ключевых показателей уровня и темпов социально-экономического развития современного общества. Данное исследование показало, что в Российской Федерации присутствует устойчивый тренд роста общей площади жилых помещений, приходящийся в среднем на одного жителя. Наибольшее влияние на вариацию показателя в региональном разрезе оказывают два фактора – уровень занятости населения и индекс промышленного производства. При этом рабочая гипотеза о влиянии на уровень обеспеченности жилья плотности населения и цен на рынке недвижимости не подтвердилась, таким образом, можно сделать вывод о доминировании факторов, характеризующих развитость экономических систем регионов. Дан-

ное исследование может выступать в качестве первого шага при дальнейшем планировании развития экономического благополучия граждан Российской Федерации.

Список литературы

1. Коростелева Т. С., Целин В. Е. Региональные рынки жилья в Российской Федерации: вопросы моделирования рейтинговых оценок, прогноз, управление // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8, № 3. С. 257–282. <https://doi.org/10.18334/zhs.8.3.113156>
2. Ларина Т. Н., Кибатаева А. Н. Статистический анализ факторов улучшения жилищных условий населения городской и сельской местности Оренбургской области // Статистика и экономика. 2018. Т. 15, № 3. С. 40–49. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-3-40-49>
3. Салахова З. Р. Реализация государственных программ по повышению уровня обеспеченности населения России жильем // Экономические науки. 2020. № 12 (193). С. 409–413. <https://doi.org/10.14451/1.193.409>
4. Новоселова И. В., Агаджанян А. Н., Гузь Т. О., Ревякина О. М. Современные тенденции развития жилищной отрасли России // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2021. № 1. С. 16–19.

5. Спиридонов С. П., Штанько О. П. Жилищная обеспеченность регионов как один из основных факторов улучшения качества жизни населения // Путеводитель предпринимателя. 2022. Т. 15. № 4. С. 52–59. <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-4-52-59>
6. Халиб М. Д., Долгих Е. А. Жилье и жилищные условия населения: статистические аспекты исследования // Sciences of Europe. 2017. № 18–2. С. 35–42.
7. Черновол А. А. О жилье // Крымский Академический вестник. 2021. № 19. С. 250–256.
8. Российский статистический ежегодник. 2021 : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 692 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
10. Лосева А. В., Леднева О. В. Вопросы территориальной дифференциации информационного общества России // Фундаментальные исследования. 2021. № 6. С. 47–55. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43057> (дата обращения: 20.10.2022). <https://doi.org/10.17513/fr.43057>
11. Афанасьев В. Н., Цыпин А. П. Эконометрика в пакете STATISTICA: учеб. пособие по выполнению лабораторных работ. Оренбург : ИП Кострицын, 2010. 196 с.
12. Цыпин А. П., Стебунова О. И., Салиева А. К. Модели оценки стоимости жилья с учетом пространственной вариации данных (на примере городов ПФО) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11, ч. 2 (64–2). С. 369–373.
- Sciences], 2020, no. 12 (193), pp. 409–413 (in Russian). <https://doi.org/10.14451/1.193.409>
4. Novoselova I. V., Agadzhanian A. N., Guz T. O., Revyakina O. M. Modern trends in the development of the housing industry in Russia. *Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Current Problems of Socio-Economic Development of Russia], 2021, no. 1, pp. 16–19 (in Russian).
5. Spiridonov S. P., Shtanko O. P. Housing provision in the regions is one of the main factors for improving the quality of life. *Entrepreneur's Guide*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 52–59 (in Russian). <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-4-52-59>
6. Khabib M. D., Dolgikh E. A. Housing and housing conditions: Statistical aspects of the study. *Sciences of Europe*, 2017, no. 18-2, pp. 35–42 (in Russian).
7. Chernovol A. A. About housing. *Krymskiy Akademicheskii vestnik* [Crimean Academic Bulletin], 2021, no. 19, pp. 250–256 (in Russian).
8. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2021 / Rosstat* [Russian Statistical Yearbook. 2021: Stat. Sat. / Rosstat]. Moscow, 2021. 692 p. (in Russian).
9. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2021 / Rosstat* [Regions of Russia. Socio-economic Indicators. 2021: Stat. Sat. / Rosstat]. Moscow, 2021. 1112 p. (in Russian).
10. Loseva A. V., Lednev O. V. Issues of territorial differentiation of the information society of Russia. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Researches], 2021, no. 6, pp. 47–55 (in Russian). Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43057> (accessed 20 October 2022). <https://doi.org/10.17513/fr.43057>
11. Afanasyev V. N., Tsy-pin A. P. *Ekonometrika v pakete STATISTICA: uchebnoe posobiye po vypolneniyu laboratornykh rabot* [Econometrics in the STATISTICA package: A textbook on laboratory work]. Orenburg, IP Kostritsyn, 2010. 196 p. (in Russian).
12. Tsy-pin A. P., Stebunova O. I., Salieva A. K. Models for assessing the cost of housing, taking into account the spatial variation of data (on the example of the cities of the Volga Federal District). *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2015, vol. 9, no. 11–2, pp. 369–373 (in Russian).

References

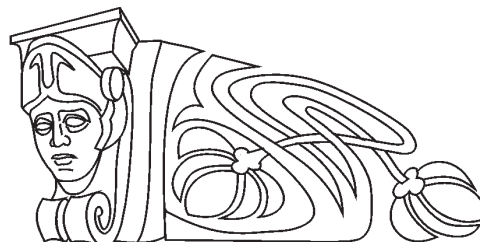
Поступила в редакцию 06.11.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 25.11.2022
The article was submitted 06.11.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 25.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 35–41
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 35–41
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-35-41>, EDN: GSPTVM

Научная статья
УДК 330.4

Использование марковских моделей со множеством состояний для прогнозирования вероятности дефолта заемщиков

В. А. Балаш, О. С. Балаш, А. Р. Файзлиев ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экономических наук, профессор кафедры дифференциальных уравнений и математической экономики, vladimirbalash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6987-4799>

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой финансов и кредита, olgalbalash@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0405-1836>

Файзлиев Алексей Раисович, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа, faizlievar@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6442-4361>

Аннотация. Введение. После кризисов кредиторы осознали важность оценки риска дефолта по портфелям займов в различных экономических условиях. Моделирование оценки кредитного риска происходит преимущественно с использованием внутренних рейтингов банков, основанных на вероятностных моделях дефолтов заемщиков за определенный период времени. **Теоретические модели.** Рассмотрены три модели. Первая – наивная марковская модель с R состояниями. Приводится матрица переходов. Вторая – марковская модель со множеством состояний с ковариатами. В качестве ковариат предложены макроэкономические показатели. Третья модель – мультиномиальная логит-регрессия. **Апробация марковских моделей и мультиномиальной регрессии на симулированных и реальных данных о дефолтах заемщиков.** Исследуется возможность использования марковских моделей с несколькими состояниями для предсказания дефолтов заемщиков в финансовых учреждениях с течением времени. Рассматриваются три подхода для моделирования кредитного риска. Первый подход предполагает, что матрица вероятностей переходов постоянна с течением времени, а остатки марковской модели и логистической регрессии учитываются в дальнейшем при прогнозировании на временной горизонт. Второй дополнен моделью Маркова, которая учитывает влияние на миграцию рисков дефолтов, как индивидуальных факторов заемщиков, так и экономической обстановки в стране. Используя ковариаты, модели позволили одновременно оценить скорость перехода и вероятности ошибочной классификации состояний. Рассмотрена модель мультиномиальной логистической регрессии для сравнения результатов, полученных с использованием марковских моделей с несколькими состояниями. Предлагаемые модели тестируются как на реальных, так и на симулированных данных. **Выводы.** Представленные модели показывают хорошие прогностические результаты с высокой точностью оценки дефолтов. Модели достаточно хорошо воспроизводят структуру сгенерированных данных. Особенностью модели мультиномиальной регрессии в предсказании дефолтов можно считать то, что она хорошо настраивается, а марковские модели оценивают вероятности дефолтов. Для реализации модели было использовано программное обеспечение – пакет R .

Ключевые слова: моделирование, кредитные рейтинги, дефолт заемщика, модель Маркова, логистическая регрессия

Благодарность: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-21-00305).

Для цитирования: Балаш В. А., Балаш О. С., Файзлиев А. Р. Использование марковских моделей со множеством состояний для прогнозирования вероятности дефолта заемщиков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 35–41. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-35-41>, EDN: GSPTVM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Using Multi-state Markov models to predict the probability of borrowers' default

V. A. Balash, O. S. Balash, A. R. Faizliev ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Balash, vladimirbalash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6987-4799>

Olga S. Balash, olgalbalash@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0405-1836>

Aleksey R. Faizliev, faizlievar@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6442-4361>

© Балаш В. А., Балаш О. С., Файзлиев А. Р., 2023

Abstract. Introduction. After the crises, lenders realized the importance of assessing the risk of default on loan portfolios in various economic conditions. Modeling of credit risk assessment occurs mainly using internal ratings of banks based on probabilistic models of defaults of borrowers over a certain period of time. **Theoretical models.** Three models are considered. The first is a naive Markov model with R states. The transition matrix is given. The second is a Markov model with multiple states with covariates. Macroeconomic indicators are proposed as covariates. The third model is multinomial logit regression. **Approbation of Markov models and multinomial regression on simulated and real data of borrowers' defaults.** We investigate the possibility of using multi-state Markov models to predict borrower defaults in financial institutions over time. Three approaches are considered for credit risk modeling. The first approach assumes that the transition probability matrix is constant over time, and the residuals of the Markov model and logistic regression are taken into account further when forecasting over the time horizon. The second one is supplemented by the Markov model, which takes into account the impact of default risks on migration, both individual factors of borrowers and the economic situation in the country. Using covariates, the models made it possible to simultaneously estimate the transition rate and the probability of erroneous classification of states. A multinomial logistic regression model is considered to compare the results obtained using multi-state Markov models. The proposed models are tested both on real and simulated data. **Conclusion.** The presented models show good predictive results with high accuracy of default estimates. The models reproduce the structure of the generated data quite well. The peculiarity of the multinomial regression model in predicting defaults is its adjustability, and Markov models estimate the probabilities of defaults. To implement the model, software R was used.

Keywords: modeling, credit ratings, borrower default, Markov model, logistic regression

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-21-00305).

For citation: Balash V. A., Balash O. S., Faizliev A. R. Using Multi-state Markov models to predict the probability of borrowers' default. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 35–41 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-35-41>, EDN: GSPTVM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время коммерческими банками России разработано множество подходов к моделированию ожидаемых кредитных убытков. Наиболее распространенным является метод, использующий оценки внешних рейтинговых агентств (*International Rating Based approach*).

Подход *IRB* представляет собой математическую модель, оценивающую факторы: $PD_{n,s,i}$ – вероятность дефолта для счета i в подпортфеле s в момент времени t ; $LGD_{i,s,t}$ – убыток при дефолте для счета i в подпортфеле s в момент времени t ; $EAD_{i,s,t}$ – риск потерь при дефолте для счета i в подпортфеле s в момент времени t ; остаточный эффективный срок кредита (T).

В России в большинстве случаев заемщики не имеют рейтингов международных агентств. Поэтому моделирование оценки кредитного риска происходит преимущественно с использованием внутренних рейтингов банков, которые основаны на вероятностных моделях дефолтов заемщиков за определенный период времени. Такие модели используют комбинацию поведенческих данных (прошлые платежи и историю), а также финансовую и субъективную информацию о клиентах.

Формирование резервов банка также основывается на модели ожидаемых потерь по кредиту (ECL – *Expected credit loss*). Расчет ожидаемых потерь по кредитному риску рассчитывается как произведение вероятности дефолта, убытка при дефолте и риска потерь.

Если расчет ожидаемых кредитных потерь будет не точным, это станет причиной либо

чрезмерного, либо недостаточного ассигнования капитала на покрытие убытков.

На вероятности дефолта заемщиков оказывают влияние не только их индивидуальные характеристики, но и макроэкономическая ситуация в стране [1]. В условиях кризисов происходит некоторое послабление регуляторных нормативов к оценке ожидаемых кредитных потерь, устанавливаемых МСФО (IFRS) 9. Однако регуляторы подчеркивают, что банкам необходимо пересмотреть свои методики расчета ожидаемых кредитных убытков в связи со сложившейся экономической ситуацией. В новых реалиях для оценки кредитного риска необходимо учитывать не только индивидуальные характеристики заемщика, существенно ухудшающие качество кредита, но и экономическую ситуацию. Это позволит более точно оценить способность бизнеса и физических лиц выполнять свои обязательства в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Большинство моделей предсказания дефолтов основаны на использовании исторических данных. Это эконометрические модели и модели дискриминантного анализа. Для улучшения качества таких моделей достаточно внесения обновленных прогнозных макроэкономических поправок, а также обновления различных финансово-экономических параметров, связанных с оценкой стоимости обеспечения банков. Использование более точной риск-сегментации кредитного портфеля, а также альтернативных алгоритмов для калибровки наблюдаемых частот дефолтов позволит получить более точные оценки вероятности дефолта.

Теоретические модели

Для оценки кредитного риска применяются статистические методологии, такие как логистические регрессии, дискриминантный анализ, анкетный анализ, деревья решений, байесовский вывод, нейронные сети и цепи Маркова.

Так D. W. Hosmer & S. Lemeshow [2], используя логистическую регрессию, оценивали вероятность перехода со временем из состояния без задолженностей в состояние дефолта. D. W. Hosmer et al. [3], A. T. Paes & A. C. Lima [4], P. Hougaard [5] исследовали несколько возможных состояний в отношениях между клиентами и финансовыми учреждениями. L. C. Thomas [6] изучал возможность применения логистической регрессии для моделирования кредитного риска. В дальнейшем M. M. So & L. C. Thomas [7] использовали цепь Маркова для моделирования переходных вероятностей в логистической модели для оценки риска портфеля кредитных карт. С. Н. Jackson [8] оценивал модель Маркова с несколькими состояниями и сравнивал ее эффективность с логистической регрессией.

Банковские кредиты имеют естественную интерпретацию с точки зрения стадий задолженности. Многоуровневые модели, основанные на марковских процессах, представляют собой хороший метод оценки скорости перехода между сроками задолженности.

Наивная марковская модель

Допустим, существует R категорий. Последняя категория R соответствует дефолту. Обозначим $P(\tau)$ – матрицу переходов за шаг времени τ :

$$P(\tau) = \begin{pmatrix} p_{11} & p_{12} & \dots & p_{1R} \\ p_{21} & p_{22} & \dots & p_{2R} \\ p_{31} & p_{32} & \dots & p_{3R} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ p_{R-1,1} & p_{R-1,2} & \dots & p_{R-1,R} \\ 0 & 0 & \dots & 1 \end{pmatrix}.$$

Как видно из матрицы, дефолт является конечным состоянием и переход из него невозможен.

Поскольку в данном случае мы имеем дело с однородным процессом, то матрица переходов за m шагов определяется перемножением одной и той же матрицы переходов $P(\tau)$:

$$P(\tau, m) = P(\tau) \cdot P(\tau) \cdot \dots \cdot P(\tau).$$

Для оценивания матрицы переходов могут быть использованы методы когорт или дюрации.

В общем случае под наивной марковской моделью подразумевается марковская модель

с непрерывным временем, переходы в которой могут происходить в любое время. Эти модели определяются интенсивностью переходов $\lambda_{rs}(\tau)$, которая определяет как время, проведенное в текущем состоянии, так и вероятность следующего состояния.

В моделях с дискретным временем заранее известно, что переходы происходят только в момент времени t , кратные некоторой единице времени, и модель полностью управляется распределениями вероятностей состояния $s(t+\delta t)$ в следующие моменты времени в зависимости от состояния $r(t)$ в текущий момент времени. Тогда вероятности P перехода за $h = tm$ -периодов времени эквивалентны произведению матриц вероятностей перехода:

$$P(\tau, h) = P_1(\tau) \cdot P_2(\tau) \cdot \dots \cdot P_m(\tau).$$

Для однородного марковского процесса с непрерывным временем матрица вероятности перехода P_k постоянна во времени для каждого отдельного k . Вероятность состояния s в момент времени $t + h$ при условии нахождения в состоянии r в момент времени t определяется записью (r,s) ячейки матрицы $P_k(h) = \exp(hQ)$, где $\exp()$ – матричная экспонента, а Q – матрица интенсивности перехода [9].

Модель Маркова со множеством состояний с ковариатами

Предполагая, что существует непрерывный процесс, лежащий в основе данных, для подгонки матрицы вероятностей перехода P может быть использована модель с несколькими состояниями (*Multi-State Models*). Тогда подогнанная матрица P_k за одну единицу времени эквивалентна матрице вероятностей перехода модели дискретного времени.

В модели с несколькими состояниями часто представляет интерес, как связаны постоянные или изменяющиеся во времени характеристики индивидуума с их скоростью перехода. Модель Маркова с несколькими состояниями – это удобный способ описания процесса, в котором индивидуум проходит через серию состояний в непрерывном времени. Для нашей задачи таким индивидуум является заемщик, у которого с течением времени его кредитный рейтинг (состояние) меняется от срока задолженности. Интенсивность перехода из одного состояния в другое может варьироваться в зависимости от ковариат, что приводит к неоднородной марковской модели. Ковариатами могут выступать как индивидуальные, так и групповые характеристики заемщиков, а также макроэкономические показатели, меняющиеся со временем.

Для неоднородных процессов матрица миграции кредитного рейтинга для k -заемщика рассчитывается как произведение переходных матриц по ряду интервалов:

$$P_k(t, t+h) = P(S_k(t+h) = s | S_k(t) = r) = \prod_{\tau=t}^{t+h} P_k(\tau).$$

Предположим, что заемщик k находится в состоянии $S_k(t)$ в момент времени t . Движение по дискретному пространству состояний $1, \dots, R$ определяется интенсивностями переходов $q_{rs}(t, x(t))$ для $r, s = 1, \dots, R$. Они зависят от времени t и от набора индивидуальных или зависящих от времени объясняющих переменных $x(t)$. Интенсивность представляет собой мгновенный риск перехода из состояния r в состояние s ($s \neq r$) [8]:

$$q_{rs}(t, x(t)) = \lim_{\delta t \rightarrow 0} \frac{P(S_k(t+\delta t) = s | S_k(t) = r)}{\delta t},$$

где q_{rs} образуют матрицу Q размером $R \times R$, сумма строк которой равна нулю, диагональные элементы $q_{rs} = -\sum_{s \neq r} q_{rs}$.

Матрица Q используется для определения вероятностей. Если ковариаты $x(t)$ зависят от времени, вклад в вероятность $P_{rs}(\delta t)$ заменяют на $P_{rs}(\delta t, x(t))$, при этом требуется, чтобы значения ковариат были известны в каждый момент наблюдения t .

Модель мультиномиальной логистической регрессии

Такие модели идеально подходят для прогнозирования матриц кредитной миграции. Модель может использовать эффект независимых переменных и предсказывать вероятности различных возможных результатов. Модель полиномиальной логистической регрессии позволяет предсказывать категориальную зависимую переменную, имеющую более двух уровней.

В модели полиномиальной логистической регрессии с зависимой переменной, имеющей R категорий, требуется $R-1$ логит-функций. Вероятность принадлежности к другим категориям сравнивается с вероятностью принадлежности к некоторой базовой категории.

Предположим, что в кредитном портфеле есть K ковариат, обозначаемых вектором X . Пусть первая категория является базовой, тогда для $r = 2, \dots, R$ логит-модели получатся следующим образом:

$$\ln \frac{P(Y_i = r)}{P(Y_i = 1)} = \alpha + \sum_{k=1}^K \beta_{rk} X_{ik} = Z_{ri},$$

где для каждого случая будет $R-1$ прогнозируемых вероятностей, по одному для каждой категории относительно базовой категории. Когда $r = 1$, получаем $\ln(1) = 0 = Z_{11}$ и $\exp(0) = 1$.

Апробация марковских моделей и мультиномиальной регрессии на симулированных и реальных данных о дефолтах заемщиков

Для проверки моделей использовались два набора данных по кредитам, один из которых был получен на основе симуляции, другой предоставлен банком. Чтобы более точно оценить риск просрочки платежей, также использовали историческую информацию по заемщикам.

Рассматривались пять состояний заемщиков: 1) нет задолженности; 2) задолженность 1 месяц; 3) задолженность 2 месяца; 4) задолженность 3 месяца; 5) дефолт. Заемщики переходят между соседними состояниями в зависимости от срока задолженности. Возможно улучшить рейтинг, перешагнув через соседние состояния. Переход в дефолт возможен только из предпоследнего состояния. Предполагается, что заемщик всегда начинает свой путь из первого состояния. Он может оставаться в любом состоянии, кроме состояний дефолта и успешного окончания, неограниченное время. Соответственно, дефолт и успешное завершение кредита являются конечными состояниями, и переход из них невозможен.

Нами было сгенерировано 15 тыс. аккаунтов (займов), взятых на срок 12, 24, 36, 48 и 60 месяцев. Временной горизонт составил 61 месяц. Все займы начинаются в состоянии отсутствия задолженности. Предполагается, что досрочное погашение кредита недопустимо.

Также мы располагали реальными данными одного из банков мира. Это месячные данные, относящиеся к периоду с 1 января 2010 г. по 1 января 2016 г. (73 месяца), которые включают 40 тыс. займов, 27 тыс. заемщиков и более 700 тыс. записей. Рейтинг заемщика пересматривается один раз в месяц. Мы не располагали информацией об индивидуальных характеристиках заемщика и самого займа (за исключением срока кредитования), которые, на наш взгляд, улучшили бы качество предлагаемых моделей.

Для реальных данных помимо пяти упомянутых ранее состояний заемщиков было добавлено шестое состояние – успешное погашение кредита. Состояние успешного выхода является конечным. Для симулированных данных введение такого шестого состояния не дало значимого эффекта, а вот для реальных

данных позволило существенно улучшить прогностическую способность модели. Также, поскольку мы располагали сроками, на который брался кредит, была введена фиктивная переменная, соответствующая концу срока кредита (± 1 месяц).

Для проведения исследования наша выборка была разделена на обучающую выборку (24 месяца, начиная с 13 по 36) и контрольную (последние 24 месяца из выборки, начиная с 37 по 61).

Предлагаемые нами модели настраиваются и оцениваются на обучающей выборке. Тестирование проводится как на обучающей, так и на контрольной выборках. Для настройки модели была взята именно середина выборки, поскольку в ее начале еще не так много сгенерировалось контрактов. Кроме того, вполне естественно, что в реальности обучающая выборка будет выглядеть именно так, когда одни контакты только начинают свое существование, другие уже длятся некоторое время или подходят к завершению. В ходе тестирования сравниваются накопленные фактические дефолты (их вероятности) с модельными прогнозами. Мы рассматривали все действующие кредитные контракты на конкретную дату (кредитный портфель) и строили множество прогнозных кривых для каждого контракта до конца обучающей выборки. Аналогично производилось тестирование на контрольной выборке. Далее кривые усредняются по всем контрактам, и полученная накопленная вероятность дефолта сравнивается с фактической. Рассматривалось 12 таких тестовых периодов с начала обеих выборок.

Было проведено сравнение наблюдаемой распространенности состояний с ожидаемой для марковских моделей и логистических регрессий на симулированных и реальных данных, включающих скрытые категориальные и макроэкономические переменные.

Мы обнаружили, что предлагаемая модель временной зависимости, а также зависимости интенсивности перехода от ковариат дает хорошее соответствие для выживаемости кредитов, при этом достаточно хорошо различает состояния задолженности. На обучающих данных модель регрессии с пятью категориями значительно превосходит в предсказании дефолтов марковскую модель с пятью состояниями. Модельные кривые дефолтов по модели регрессии с пятью категориями близки к фактическим кривым дефолтов на контрольной выборке, в то время как марковская модель с пятью состоя-

ниями занижает вероятность дефолтов. Также стоит отметить, что к концу обучающей выборки точность марковской модели увеличивается, но мультиномиальная логистическая модель лучше адаптировалась к обучающей выборке.

Основным результатом проведенного исследования в предсказании дефолтов заемщиков на симулированных данных является то, что предлагаемые модели достаточно хорошо воспроизводят структуру сгенерированных данных, включающих в том числе скрытые переменные, соответствующие индивидуальным характеристикам заемщиков и макроэкономической, изменяющейся во времени.

Далее мы сравнили результаты моделирования марковских моделей и мультиномиальной логистической регрессии с шестью состояниями, используя реальные данные, включающие категориальные (индивидуальные характеристики заемщиков) и макроэкономические показатели. В качестве категориальной переменной была введена фиктивная (бинарная) переменная, отвечающая за погашение кредита в срок. Также в рассматриваемых моделях была добавлена бинарная переменная по сроку выдачи кредита (меньше или больше двух лет).

В качестве макроэкономических показателей мы рассматривали динамику ВВП, уровня инфляции, ставки рефинансирования и курс национальной валюты к доллару США. Необходимо было отобрать наиболее значимые факторы, влияющие на вероятности переходов между состояниями. Проведенное нами предварительное корреляционное исследование влияния макроэкономических факторов на вероятности переходов показало, что наиболее значимой переменной является темп прироста инфляции.

На реальных данных рассматриваемый период был разделен также на обучающую (24 месяца) и контрольную (37 последних месяцев) выборки. Оценивание и тестирование моделей проходило по аналогии с симулированными данными.

Результаты моделирования показали, что примерно до 12 месяцев модели достаточно точно предсказывают выживаемость кредитов. По прошествии времени доля заемщиков, которые, согласно прогнозам, перешли в дефолт, оказывается заниженной моделью, а доля действующих контрактов и находящихся в состоянии «без задолженности» завышается. Введенное нами новое состояние успешного завершения кредита также достаточно хорошо предсказывается, хоть и незначительно занижается вероятность

перехода в него с течением времени. Можно утверждать, что предлагаемая модель временной зависимости, а также зависимости интенсивности перехода от ковариат дает хорошее соответствие для выживаемости кредитов, при этом достаточно хорошо различает состояния задолженности.

На обучающих данных модель мультиномиальной регрессии с шестью категориями значительно превосходит в предсказании дефолтов марковской модели с шестью состояниями. Модельные кривые дефолтов по мультиномиальной модели с шестью категориями близки к фактическим кривым дефолтов на обучающей выборке в большинстве случаев. В то время как марковская модель с шестью состояниями занижает вероятность дефолтов.

Необходимо отметить, что добавление макроэкономических и категориальных переменных в модели позволило существенно улучшить ее обучение. Без учета данных факторов модели имели линейную структуру распространенности состояний, а расхождение в наблюдаемой распространенности состояний и ожидаемой достигало десятки процентов.

Выводы

Данная работа посвящена оптимизации моделей вероятности дефолта, основанных на портфельном анализе. Для проверки модели были использованы два набора данных по кредитам, один предоставлен банком, другой получен на основе симуляции. Мы используем историческую информацию на уровне аккаунта, чтобы более точно оценить риск просрочки платежей. Тестирование модели на эмпирических данных показало необходимость использования макроэкономических измерений для оценки риска дефолта по кредитному портфелю. Модели показывают, как экономические переменные, такие как ВВП, безработица и индексы цен, влияют как напрямую, изменяя динамику кредитных рейтингов, так и косвенно, влияя на количество займов. Таким образом, было спрогнозировано будущее состояние заемщика на основе текущего состояния, информации о его профиле и предполагаемых сценариях развития экономики страны.

Предлагаемые в работе модели достаточно хорошо воспроизводят структуру сгенерированных нами данных, включающих в том числе скрытые переменные, соответствующие индивидуальным характеристикам заемщиков и макросоставляющей, изменяющейся во времени. Особенностью модели мультиномиальной

регрессии в предсказании дефолтов можно считать то, что она хорошо настраивается (возможно, даже переобучается), а марковские модели достаточно хорошо оценивают вероятности дефолтов на тестовой выборке. В случае реальных данных приходится сталкиваться с проблемой подбора истинных макропеременных, определяющих вероятности переходов между состояниями заемщиков.

Список литературы

1. Антонов А., Сорокин Р. Оптимизация моделей оценки вероятности дефолта в кризисных условиях // Риск-менеджмент в кредитных организациях. 2020. № 2 (38). С. 20–36.
2. Hosmer D. W., Lemeshow S. Applied Logistic Regression. 2nd ed. New York ; Wiley, 2000. 374 p. <https://doi.org/10.1002/0471722146>
3. Hosmer D. W., Lemeshow S., May S. Applied Survival Analysis: Regression Modeling of Time-to-Event Data. 2nd ed. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2008. 392 p.
4. Paes A. T., Lima A. C. A SAS macro for estimating transition probabilities in semiparametric models for recurrent events // Comput Methods Programs Biomed. 2004. Vol. 75, iss. 1. P. 59–65. <https://doi.org/10.1016/j.cmpb.2003.08.007>
5. Hougaard P. Multi-state models: A review // Lifetime Data Analysis. 1999. Vol. 5, iss. 3. P. 239–264. <https://doi.org/10.1023/a:1009672031531>
6. Thomas L. C. Consumer Credit Models: Pricing, Profit and Portfolio. Oxford : Oxford University Press, 2009. 386 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199232130.001.1>
7. So M. M. C., Thomas L. C. Modeling and model validation of the impact of the economy on the credit risk of credit card portfolios // The Journal of Risk Model Validation. 2010. Vol. 4, iss. 4. P. 93–126. <https://doi.org/10.21314/JRMV.2010.064>
8. Jackson C. H. Multi-state modeling with R: The MSM package version 0.6. London : Imperial College. Retrieved in 16 July 2013. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/msm/vignettes/msm-manual.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).
9. Kalbfleisch J. D., Lawles J. F. The Analysis of Panel Data under a Markov Assumption // Journal of the American Statistical Association. 1985. Vol. 80, № 392. P. 863–871. <https://doi.org/10.2307/2288545>

References

1. Antonov A., Sorokin R. Optimizing valuation models default probabilities in crisis conditions. *Risk-management v kreditnykh organizatsiyakh* [Risk Management in a Credit Institution], 2020, no. 2 (38), pp. 20–36 (in Russian).

2. Hosmer D. W., Lemeshow S. *Applied Logistic Regression*. 2nd ed. New York, Wiley, 2000. 374 p. <https://doi.org/10.1002/0471722146>
3. Hosmer D. W., Lemeshow S., May S. *Applied Survival Analysis: Regression Modeling of Time-To-Event Data*. 2nd ed. Hoboken, NJ, John Wiley & Sons, 2008. 392 p.
4. Paes A. T., Lima A. C. A SAS macro for estimating transition probabilities in semiparametric models for recurrent events. *Comput Methods Programs Biomed*, 2004, vol. 75, iss. 1, pp. 59–65. <https://doi.org/10.1016/j.cmpb.2003.08.007>
5. Hougaard P. Multi-state models: A review. *Lifetime Data Analysis*, 1999, vol. 5, iss. 3, pp. 239–264. <https://doi.org/10.1023/a:1009672031531>
6. Thomas L. C. *Consumer Credit Models: Pricing, Profit and Portfolio*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 386 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199232130.001.1>
7. So M. M. C., Thomas L. C. Modeling and model validation of the impact of the economy on the credit risk of credit card portfolios. *The Journal of Risk Model Validation*, 2010, vol. 4, iss. 4, pp. 93–126. <https://doi.org/10.21314/JRMV.2010.064>
8. Jackson C. H. *Multi-state modeling with R: the MSM package version 0.6*. London: Imperial College. Retrieved in 16 July 2013. Available at: <https://cran.r-project.org/web/packages/msm/vignettes/msm-manual.pdf> (accessed 1 December 2022).
9. Kalbfleisch J. D., Lawles J. F. The Analysis of Panel Data under a Markov Assumption. *Journal of the American Statistical Association*, 1985, vol. 80, no. 392, pp. 863–871. <https://doi.org/10.2307/2288545>

Поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 19.01.2023
The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 19.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 42–47

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 42–47

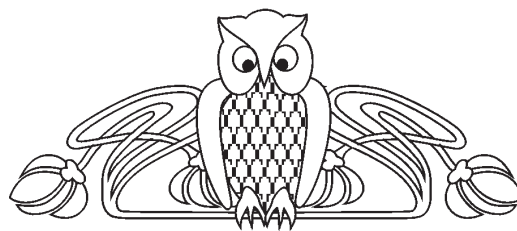
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-42-47>, EDN: DBSYCU

Научная статья
УДК 338.26

Финансовые аспекты развития Саратовской агломерации

А. О. Рындина ✉, В. А. Свищева

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Рындина Александра Олеговна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой финансов, кредита и налогообложения, ryndina-ao@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6327-0962>

Свищева Виктория Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и налогообложения, svishcheva-va@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7984-6831>

Аннотация. Введение. Вопрос финансового обеспечения развития городских агломераций является одним из актуальных, так как своевременность и полнота финансирования интеграционных процессов во многом определяют успех в достижении целей создания агломераций. Особое значение приобретает бюджетная и налоговая интеграция местных территорий, включаемых в состав единого агломерационного пространства, поскольку действующее законодательство устанавливает значительную самостоятельность местных органов власти при формировании местных бюджетов. **Теоретический анализ.** Проанализированы используемые подходы и процессы по включению новых сельских территорий в уже сложившуюся систему управления городской агломерацией на примере создания «Большого Саратова» как части Саратовской городской агломерации. Выявлены правовые и экономические факторы, сдерживающие развитие агломерации. Изучены особенности формирования объединенного городского бюджета и бюджетные полномочия сельских администраций в составе агломерации. Рассмотрены проблемы дифференциации местного налогообложения с учетом различий сельских и городских территорий. **Обсуждение результатов.** Исследование особенностей интеграции сельских и городских территорий в единую социально-экономическую систему выявило преимущества и проблемы создания единой бюджетно-налоговой системы на территории агломерации. Проведенный анализ позволил обосновать мероприятия по развитию городской агломерации в части совершенствования налогообложения и бюджетного процесса на ее территории.

Ключевые слова: городская агломерация, бюджет, бюджетный процесс, налоги, местное налогообложение

Для цитирования: Рындина А. О., Свищева В. А. Финансовые аспекты развития Саратовской агломерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 42–47. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-42-47>, EDN: DBSYCU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Financial aspects of the Saratov agglomeration development

А. О. Ryndina ✉, V. A. Svishcheva

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexandra O. Ryndina, ryndina-ao@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6327-0962>

Victoria A. Svishcheva, svishcheva-va@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7984-6831>

Abstract. Introduction. The issue of financial support for the development of urban agglomerations is one of the most relevant, since the timeliness and completeness of the integration processes financing largely determine the success in achieving the goals of creating agglomerations. Of particular importance is the budgetary and tax integration of local territories included in the single agglomeration space, since the current legislation establishes significant independence of local authorities in the formation of local budgets. **Theoretical analysis.** The article analyzes the approaches and processes used to include new rural areas in the already established system of urban agglomeration management using the example of the creation of “Greater Saratov” as part of the Saratov urban agglomeration. Legal and economic factors hindering the development of the agglomeration are identified. The features of the unified city budget formation and the budgetary powers of rural administrations as part of the agglomeration are studied. The problems of local taxation differentiation, taking into account the differences between rural and urban areas, are considered. **Discussion of results.** The study of the rural and urban areas integration features into a single socio-economic system revealed the advantages and problems of creating a unified budgetary and tax system in the agglomeration. The analysis carried out made it possible to substantiate measures for the urban agglomeration development, in terms of improving taxation and the budgetary process on its territory.

Keywords: urban agglomeration, budget, budgetary process, taxes, local taxation

For citation: Ryndina A. O., Svishcheva V. A. Financial aspects of the Saratov agglomeration development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 42–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-42-47>, EDN: DBSYCU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопросы развития городских агломераций как наиболее эффективной формы расселения, позволяющей решить большинство проблем при реализации социально-экономической политики государства, активно дискутируются в научном мире с начала прошлого столетия. При этом противники агломерирования, к которым можно отнести Ж. Шабо и Ж. Боже-Гарнье, делают акцент на том, что городские агломерации возникают в случае бессистемного роста поселений и влекут за собой перекося в структуре хозяйства.

Изначально формирование городских агломераций было обусловлено развитием и усложнением промышленного производства, требующего увеличения рабочих мест, что и решалось за счет перетока рабочей силы из сельских поселений.

Особенности развития городских агломераций имеются во всех странах и зависят от ряда факторов, к которым можно отнести структуру промышленности, систему управления, территориальную структуру и т.д. Однако общим для них является непосредственное участие органов управления государства при их формировании.

В России процесс развития городских агломераций начался позднее, чем в других странах мира. При этом уже в 2012 г. в нашей стране насчитывалось 15 городов с населением более 1 млн жителей, что соотносится с третьим местом в мире. До настоящего времени продолжается процесс концентрации населения в крупных городах, что свидетельствует о продолжении процесса агломерирования. За последние 10 лет наблюдается тенденция к увеличению городского населения. Так, на 1 января 2002 г. в общей численности населения Российской Федерации (145 649 334 чел.) доля городского населения составляла 73,28%, а на 1 января 2022 г. – уже 74,8% [1].

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. отмечает, что общемировой тенденцией является образование крупных городских агломераций как наиболее успешной формы социально-экономического развития отдельных территорий и государства в целом. С этих позиций актуальна тема исследований на региональном и муниципальном уровнях возможных условий, содержания и последствий протекающих агломерационных процессов в конкретных социально-экономических условиях. От глубины понимания этих проблем зависит

формирование конкретных механизмов управления формированием агломераций [2, с. 240].

В указанной Стратегии приводится определение понятия «агломерация», согласно которому она представляет собой совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми и социальными связями. Особенностью агломераций является их межмуниципальный, а зачастую и межрегиональный характер, когда в состав агломерации входят территории разных муниципальных образований, в том числе те, которые могут относиться к разным субъектам РФ. Поэтому в научной литературе можно встретить понимание агломерации как одной из форм межмуниципального сотрудничества [3, с. 65]. Такая особенность требует создания специальной системы управления и координации развития агломерации, в которую вовлечены многие органы региональной и местной власти разных публично-правовых образований.

Говоря о формах управления городскими агломерациями, следует отметить, что в зарубежной практике принято выделять централизованную и децентрализованную формы. Модели управления городскими агломерациями подразделяются на одно- и двухуровневые. К особенностям одноуровневой модели следует отнести возможность ее реализации как через единое муниципальное управление, так и через договорную модель управления. Для единого управления присуща централизованная форма, предполагающая создание единого органа управления. В основу договорной модели заложен механизм межмуниципального сотрудничества [4, с. 45].

Рассматривая двухуровневую модель управления городской агломерацией следует отметить, что она предполагает создание постоянно действующего органа управления, не входящего в структуру управления муниципальным образованием, а находящуюся над ним, который несет ответственность за реализацию наиболее значимых для агломерации направлений. Такая модель может быть реализована посредством модели муниципального управления и модели регионального управления. В первом случае предполагается создание муниципального образования «второго уровня» без изменения действующей системы муниципалитетов (например,

агломерация Большой Монреаль). Во втором случае предполагается осуществление управления органами власти региона (данная система управления в чистом виде не встречается).

В зависимости от избранной модели управления городской агломераций будут сформированы и ее финансовые основы. Данная проблематика является актуальной в связи с тем, что в настоящее время процессы по созданию крупной городской агломерации запущены в Саратовской области.

Теоретический анализ

Проблемы и подходы развития Саратовской агломерации обсуждаются в кругах региональных чиновников и экспертов с 2012 г. Для этих целей создан специальный координационный орган управления – ГКУ СО «Центр развития Саратовской агломерации и промышленных парков» и определена Стратегия Саратовской агломерации и ее основные направления развития [5]. Целевым ориентиром территориального развития является вовлечение в Саратовскую агломерацию следующих территорий: городской округ «Город Саратов», Энгельсский муниципальный район, Татищевский муниципальный район и Красноармейский муниципальный район. В 2022 г. важнейшим шагом по созданию Саратовской агломерации стало расширение границ городского округа «Город Саратов» путем присоединения территорий, относящихся к Саратовскому муниципальному району, который окружал областной центр со всех сторон и создавал основной потенциал территориального развития для агломерации.

Таким образом, спецификой Саратовской агломерации стало беспрецедентное для России по своему масштабу объединение сельских и городской территорий в так называемый «Большой Саратов», который в своих новых границах стал вторым городом после Москвы по площади занимаемой территории.

«Большой Саратов» сегодня признается уже сложившейся агломерацией, обладающей соответствующими характеристиками и социально-экономическими связями. Он представляет собой современный город с его пригородными субцентрами, которые называют системой городских деревень (urban villages). Сложные задачи, поставленные в Стратегии развития Саратовской агломерации, требуют значительного финансового обеспечения. Те интеграционные процессы, которые сегодня происходят на территории «Большого Саратова» позволяют провести системный экономический анализ и выявить первые результаты и проблемы в организации

бюджетного процесса и системы налогообложения в рамках новых социально-экономических отношений.

В результате проведенного исследования применяемых подходов и процессов по включению новых сельских территорий в уже сложившуюся систему управления «Городом Саратовом» можно выделить следующие проблемные сферы, влияющие на дальнейшее успешное развитие новой агломерации.

К возможным положительным эффектам расширения территории Саратова следует отнести рост деловой активности бизнеса и формирование более благоприятной среды благодаря развитию инфраструктуры внутри агломерации и открытие новых производств на ее территории, а также расширение ресурсной базы областного центра. Но это направление требует глобальных финансовых вложений, которые вряд ли смогут быть покрыты за счет налогов, поступающих из новых районов. В мировой практике агломерирования есть как положительный, так и отрицательный опыт. Главным фактором, замедляющим, а, возможно, и делающим невозможным развитие агломерации, может стать проблема интеграции городских и сельских территорий в одно целое и сохранение конфликта этих территорий в перманентном состоянии. Кроме того, дополнительным ограничением может выступать законодательная неурегулированность терминологического аппарата по вопросам агломерирования, что вносит некоторое разночтение как в сам термин «агломерация», так и в способы и методологию управления городской агломерацией. Отсутствие единого правового поля по вопросам создания и управления агломерацией может приводить к сложностям при формировании ее финансовой основы.

Особенности Саратовской агломерации, включающей значительное число сельских территорий, могут иметь положительный эффект за счет развития так называемого сельскохозяйственного пояса агломерации, что в современных условиях импортозамещения и достижения высоких показателей продовольственной безопасности способно стать для нее драйвером роста.

Развитие вновь присоединенных территорий и доведение уровня социально-экономического развития на них хотя бы до уровня областного центра, т.е., говоря простым языком, «старого Саратова», потребует значительных затрат из бюджета города. Наблюдающаяся в настоящее время маятниковая миграция никуда не исчезнет в среднесрочной перспективе. Население вновь присоединенных районов будет также стремиться трудоустроиться в областном центре,

так как уровень заработной платы да и наличие вакантных свободных мест здесь больше. При создании рабочих мест в пределах вновь вошедших районов тоже могут возникнуть сложности, поскольку транспортная доступность для работника, проживающего не на территории нового района, крайне низкая, что будет делать такие рабочие места малопривлекательными. Закрывать вакансии коренными жителями территории вряд ли удастся.

Важнейшей задачей в ходе присоединения является интеграция бюджетов присоединенных сельских и городских поселений и всего муниципального района в общий бюджет городского округа «Город Саратов», а также организация на новых территориях бюджетного процесса по единым правилам и технологиям уже в рамках формирования и исполнения единого городского бюджета как бюджета городской агломерации. Трудности при реализации данной задачи связаны с разнообразной практикой при планировании и исполнении бюджетов сельских территорий. За долгие годы их органы власти использовали свои технологии осуществления бюджетного процесса и местного налогообложения, что обеспечивало реализацию принципа самостоятельности бюджетов в соответствии с Бюджетным кодексом РФ. Однако в условиях создания агломерации и объединения сельских территорий в единые административно-территориальные границы «Большого Саратова» это стало значительным препятствием для обеспечения эффективности общего расширенного бюджета муниципального образования «Город Саратов». Для оптимизации бюджетного процесса в настоящее время требуются разработка и внедрение ряда специальных мер, обеспечивающих единые подходы в бюджетно-налоговой сфере на территории агломерации.

Как показал проведенный анализ, присоединение новых территорий практически никак не отразилось на общем объеме бюджета муниципального образования «Город Саратов». Так как объем консолидированного бюджета Саратовского муниципального района, сформировавшегося ранее, составлял около 1 млрд руб., то данные средства составляют всего порядка 5% общего городского объединенного бюджета. Таким образом, можно отметить следующие наиболее важные черты бюджетно-налоговой интеграции при создании «Большого Саратова».

1. Явное несоответствие размера присоединяемой территории и объема интегрированных бюджетов. Территории Саратова и Саратовского района соотносятся примерно в пропорции 1:5 (400 кв. км и 1900 кв. км соответственно),

а их бюджеты соотносятся в пропорции 13:1 (18,5 млрд руб. и 1,1 млрд руб. соответственно). При этом численность старого Саратова составляла 850 тыс. чел, а Саратовского района – около 50 тыс. чел.

Уже можно с уверенностью отметить, что присоединение увеличило бюджетную нагрузку муниципалитета в целом и значительно снизило бюджетную обеспеченность областного центра. Особенно острые проблемы финансирования возникли в социально-культурной сфере, так как соответствующие муниципальные объекты сельских территорий находятся в значительно худшем материально-техническом состоянии, чем аналогичные объекты городской территории, и их финансирование по новым более высоким стандартам требует увеличения бюджетных расходов. Также высокая потребность в бюджетном финансировании связана с содержанием и ремонтом дорог местного значения на сельских территориях, качество которых объективно очень низкое. Таким образом, город стал поставщиком финансов в сельские территории без организации альтернативного взаимовыгодного сотрудничества.

2. Определение единого порядка налогообложения по местным налогам на общей территории. Объединяя разные территории, в дальнейшем придется каким-то образом унифицировать и налоговое законодательство, так как ставки по местным налогам разнятся в г. Саратове и присоединенных районах. Так, для примера, ставки по налогу на имущество физических лиц по большей части объектов недвижимости в присоединенных районах составляют 0,3% (по жилью стоимостью до 300 млн руб., т.е. практически по всей недвижимости), а в г. Саратове наблюдается некоторая регрессия по ставкам. Например, на 2022 г. по жилым домам стоимостью до 3 млн руб. ставка составляет 0,17%; от 3 млн руб. до 5 млн руб. – 0,06%; свыше 5 млн руб. – 0,04%. В случае перехода к ставкам, установленным в г. Саратове, бюджет агломерации будет недополучать налоговые поступления по местным налогам в размере разницы между налогами по ставкам Саратовского района и г. Саратова (например, в среднем 2,94% с объекта недвижимого имущества от кадастровой стоимости объекта). Это может вызвать еще большее протестное движение по поводу интеграции территорий района и областного центра со стороны жителей областного центра. Если в дальнейшем будет пересмотрена кадастровая стоимость земли и недвижимости новых городских районов, протестное движение будет уже со стороны жителей вновь присоединенных районов.

При этом следует отметить, что по муниципальным образованиям, входящим в Гагаринский район г. Саратова, включающий все присоединенные территории, в 2022 г. сохранены ставки, действовавшие до объединения. Однако данный вопрос требует внимательного изучения и выявления расхождений в налогообложении в присоединяемых территориях и в самом г. Саратове.

3. Существует риск роста долговой нагрузки на местный бюджет из-за увеличения муниципального долга за счет объединения долгов консолидированного муниципального района и города. В том числе возникают правовые тонкости переоформления документов с кредиторами в ходе территориальной реорганизации и определения правопреемника по долговым обязательствам сельских территорий. Так, объем муниципального долга Саратовского района на 1 января 2022 г. составлял около 40 млн руб., основной долей которого были банковские кредиты. Это относительно небольшая сумма, однако и она требует надлежащего обслуживания и погашения.

4. Значительные риски имеются в части организации бюджетного процесса на присоединяемых территориях, так как практика бюджетного планирования и управления бюджетом весьма разная в различных муниципальных образованиях. К тому же во многих поселениях нет опыта планирования бюджета на трехлетний период, в то время как в Саратове данная практика имеет место уже несколько лет. Это может отразиться на качестве бюджетных проектировок и точности исполнения бюджетных обязательств в течение финансового года.

Важнейшим вопросом при интеграции сельских территорий стало определение правового статуса бывших местных администраций и их участия в бюджетном процессе. Агломерация в форме «Большого Саратова» характеризуется потерей сельскими администрациями финансовой самостоятельности. Статус главного администратора бюджетных средств местного бюджета в настоящее время имеет только Департамент Гагаринского административного района, который стал преемником Администрации Саратовского муниципального района. В то же время администрации сельских поселений утратили этот статус и являются подразделениями (территориально удаленными отделами) нового Департамента. То есть они полностью исключены из участников бюджетного процесса и потеряли все бюджетные права, в том числе и как бюджетополучатели. Такая централизованная схема территориального взаимодействия с управлен-

ческим аппаратом присоединенных сельских территорий ухудшает оперативность в решении вопросов местного значения, негативно влияет на их инициативность и может стать причиной возникновения рисков снижения эффективности бюджетных расходов в целом. Представляется, что бывшим администрациям сельских территорий следует придать организационно-правовую форму казенных учреждений, подведомственных Департаменту Гагаринского административного района, и наделить их правами бюджетополучателей. Такой подход обеспечит возможность формировать для них бюджетные сметы, которые будут точно отражать объемы финансирования соответствующих сельских территорий. Сами сельские администрации получают больше финансовой самостоятельности и ответственности, что соответствует принципам местного самоуправления в условиях обширной территории агломерации.

5. Еще одной бюджетной особенностью «Большого Саратова» стало «перекрестное» финансирование объектов социально-культурной сферы на сельских территориях. Одни учреждения подведомственны по территориальному принципу Департаменту Гагаринского административного района, другие подведомственны по отраслевому принципу соответствующим отраслевым комитетам Администрации муниципального образования «Город Саратов» (комитету по образованию, комитету по физической культуре и спорту и т.д.). В целях повышения эффективности бюджетных расходов требуется еще раз изучить подходы к определению подведомственности таких бюджетополучателей, так как возникает дублирование полномочий и функций между данными учреждениями

6. Важнейшим направлением бюджетной интеграции в рамках развития агломерации является организация и осуществление муниципального финансового контроля в соответствии с Бюджетным кодексом РФ. С этих позиций можно предложить сконцентрировать муниципальный финансовый контроль именно на финансовой деятельности новых участников бюджетного процесса на присоединенных сельских территориях, чтобы своевременно выявлять возможные отклонения и проводить необходимые корректировки в бюджетных операциях. Такой финансовый контроль должен носить, в первую очередь, не репрессивный характер, и именно превентивный, он должен быть инструментом обучения единым правилам планирования и исполнения бюджета, что содействует интеграционным процессам развития городской агломерации в границах «Большого Саратова».

Обсуждение результатов

Создание Саратовской агломерации требует пересмотра приоритетов бюджетных расходов. Таким образом, Администрация Саратова должна четко обозначить наиболее важные проектные мероприятия по созданию агломерации и определить объем их финансового обеспечения на среднесрочный период.

Необходимым является создание такой системы координации в рамках Саратовской агломерации, которая учитывала бы особенности территориального размещения при создании новых предприятий с ориентацией на экономическую интеграцию областного центра и населенных пунктов, входящих в агломерацию.

Безусловно, требуется специальная финансовая помощь из областного бюджета для восстановления прежнего уровня бюджетной обеспеченности г. Саратова. Так как регион поддерживает проект по созданию Саратовской агломерации и считает его приоритетным, то в областном бюджете должны ежегодно предусматриваться соответствующие межбюджетные трансферты свободного и целевого характера на развитие агломерации, которых в настоящее время нет.

Важно понимать, что успешное развитие Саратовской агломерации не может быть реализовано только за счет увеличения финансирования из бюджета Саратовской области. Необходима разработка и внедрение эффективных инструментов повышения инвестиционной привлекательности региона. Наиболее успешными могут быть инвестиционные налоговые льготы, развитие института частно-государственного партнерства, иные льготы и преференции.

Зарубежный опыт формирования и развития городских агломераций свидетельствует о том, что при разработке программ развития агломерации необходимо делать акцент на достижении синергетического эффекта от реализации программы. Для этого программа должна носить комплексный характер, предполагающий усиление межотраслевых связей. Планирование результатов программы должно охватывать различные сферы.

Список литературы

1. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики РФ : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 09.01.2023).
2. Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г. Проблемы интеграции сельских территорий в городские агломерации (на примере Краснодарской агломерации) // *Modern Economy Success*. 2020. № 4. С. 240–246.
3. Одицова А. В. Проблемы развития агломераций в России // *Федерализм*. 2021. Т. 26, № 2 (102). С. 65–83. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-2-65-83>
4. Паршутто Е. В. Зарубежный опыт формирования и развития городских агломераций // *Экономика и управление*. 2014. № 15. С. 44–51.
5. Стратегия Саратовской агломерации 2021–2030. URL: <https://агломерация-саратов.рф/upload/iblock/918/aom1iyqyvjlwtiqklg7ytikynq00rirs.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

References

1. Population of the Russian Federation by municipalities. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF* (Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Site). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (accessed 9 January 2023) (in Russian).
2. Avdeeva T. T., Lavrova T. G. Problems of integration of rural areas into urban agglomerations (on the example of the Krasnodar agglomeration). *Modern Economy Success*, 2020, no. 4, pp. 240–246 (in Russian).
3. Odintsova A. V. Problems of development of agglomerations in Russia. *Federalism*, 2021, vol. 26, no. 2 (102), pp. 65–83 (in Russian). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-2-65-83>
4. Parshuto E. V. Foreign experience in the formation and development of urban agglomerations. *Economics and Management*, 2014, no. 15, pp. 44–51 (in Russian).
5. *Strategiya Saratovskoy aglomeratsii 2021–2030* (Strategy of the Saratov agglomeration 2021–2030). Available at: URL: <https://агломерация-саратов.рф/upload/iblock/918/aom1iyqyvjlwtiqklg7ytikynq00rirs.pdf> (accessed 9 January 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 19.01.2023
The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 19.01.2023

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 48–59

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 48–59

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-48-59>

EDN: DGEDQE

Научная статья

УДК 342.76

Ограничения цифровых прав человека в целях противодействия терроризму

Г. Б. Романовский , В. Г. Романовский

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право», vlad93@sura.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>

Романовский Владислав Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право», ur406@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-5730>

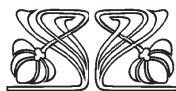
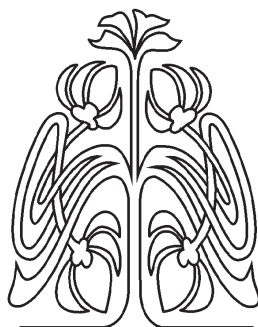
Аннотация. Введение. Российское гражданское законодательство учитывает инновации в информационном обмене, закрепляя понятие цифровых прав, при этом придавая им исключительно частноправовое понимание. Современная доктрина исходит из того, что развитие цифровых технологий также заметным образом повлияло на концепцию основных прав человека. Продолжением такого видения считается появление цифровых прав в публичной сфере. Это актуализирует анализ их возможных ограничений в целях противодействия терроризму. **Теоретический анализ.** Выявлены последствия перевода значительного объема социальных отношений в цифровой формат. При этом пока общий дискурс дискуссий исходит из принципа «нормативной эквивалентности» между «офлайн» и «онлайн» (что не требует кардинальных изменений в праве), но опыт распространения цифровых технологий показывает, что он все чаще дает системные сбои. Обозначены сложности с определением цифровых прав и их нормативным закреплением (на примере нормативных актов Европейского союза). **Эмпирический анализ.** На основе выявленных характеристик цифровых коммуникаций были представлены модели противодействия террористическим угрозам, сформированным в современном киберпространстве. Показаны особенности законодательного обеспечения китайской модели «Золотой щит», основанного на принципах цифрового суверенитета (в частности, Закон КНР «О безопасности данных»). Выделены особенности введения ограничений права на цифровое общение для лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности (в частности, на основании Акта о борьбе с терроризмом и безопасности границ, принятого в 2019 г. в Великобритании). Рассматривается и иной зарубежный опыт противодействия террористическим угрозам в цифровой сфере. **Результаты.** Показана необходимость учета технологических особенностей информационного обмена в цифровом пространстве. Это оказывает заметное влияние на появление новых мер противодействия терроризму. Зарубежный опыт свидетельствует о расширении перечня оперативно-розыскных мероприятий, перечня составов преступлений террористической направленности.

Ключевые слова: цифровые права, цифровизация, ограничения, права человека, терроризм, киберпреступление, противодействие

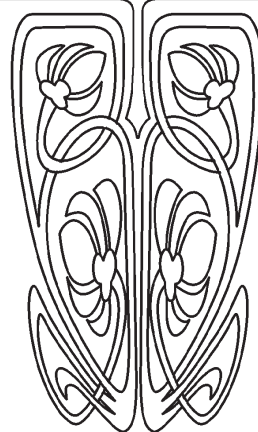
Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00096).

Для цитирования: Романовский Г. Б., Романовский В. Г. Ограничения цифровых прав человека в целях противодействия терроризму // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 48–59. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-48-59>, EDN: DGEDQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Restrictions on digital human rights to counter terrorism**G. B. Romanovsky** ✉, **V. G. Romanovsky**

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Georgy B. Romanovsky, vlad93@sura.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>Vladislav G. Romanovsky, up406@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-5730>

Abstract. Introduction. Russian civil legislation takes into account innovations in information exchange by fixing the concept of digital rights, while giving them an exclusively private legal understanding. The modern doctrine proceeds from the fact that development of digital technologies has also significantly influenced the concept of fundamental human rights. Continuation of this vision is the emergence of digital rights in the public sphere. This actualizes the analysis of their possible limitations in order to counter terrorism. **Theoretical analysis.** The research reveals the consequences of the transfer of a significant amount of social relations to digital format. At the same time, while the general discourse of discussions stems from the principle of “normative equivalence” between “offline” and “online” (which does not require fundamental changes in law), the experience of the spread of digital technologies shows that it increasingly faces systemic failures. The authors indicate the difficulties with the definition of digital rights and their regulatory consolidation (by analyzing the regulations of the European Union). **Empirical analysis.** Based on the identified characteristics of digital communications, the paper presents the models for countering terrorist threats in modern cyberspace. The features of the legislative support of the Chinese model of the “Golden Shield”, based on the principles of digital sovereignty (in particular, the Law of the People’s Republic of China “On Data Security”), are shown. The authors highlight the features of imposing restrictions on the right to digital communication for persons suspected of involvement in terrorist activities (in particular, on the basis of the Anti-Terrorism and Border Security Act adopted in 2019 in the UK) and consider other foreign experience in countering terrorist threats in the digital sphere. **Results.** The necessity of taking into account the technological features of information exchange in the digital space is demonstrated. This has a significant impact on the emergence of new measures to counter terrorism. Foreign experience testifies to the expansion of the list of operational and search measures, the list of elements of crimes of a terrorist nature.

Keywords: digital rights, digitalization, restrictions, human rights, terrorism, cybercrime, counteraction

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00096).

For citation: Romanovsky G. B., Romanovsky V. G. Restrictions on digital human rights to counter terrorism. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 48–59 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-48-59>, EDN: DGEDQE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Цифровизация современного мира затронула практически весь спектр общественных отношений. Происходит трансформация базовых прав человека, а также основ взаимодействия личности и государства. На фоне таких изменений в научный оборот вводится понятие «цифровые права человека».

Данная категория пока не имеет однозначной оценки, можно наблюдать различное толкование самой дефиниции, а также того содержания, которое вкладывается в комплекс цифровых прав. Не добавляют единства в научные дискуссии и некоторые законодательные новеллы, попытавшиеся упорядочить новые аспекты в текущем регулировании. Так, Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ [1] внес дополнения в Гражданский кодекс РФ, благодаря которым появилась ст. 141.1. «Цифровые права». Знакомство с ее содержанием показывает, что «цифровые права» представлены как «обязательственные и иные права», а значит, как объект гражданских прав, допустимый к обороту и имеющий свою стоимостную оценку. Аналогичная позиция была сохранена в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ

«О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], где практически ставился знак равенства между цифровыми правами и цифровыми финансовыми активами (ст. 1). Недостатки такого подхода обозначались в российской юридической литературе. Л. Г. Ефимова сомневалась в правовой природе указанных цифровых прав, признавая российский опыт «крайне узким и неудачным» [3, 4]. О. А. Городов использует характеристику «размытое» при упоминании понятия цифровых прав [5]. Ю. В. Леднева считает его сложным для восприятия [6].

Е. А. Суханов также скептически отнесся к новеллам гражданского законодательства, дополнив, что примененная логика (указание на цифровой характер) позволяет любое право объявить цифровым. Необходимо отличать форму объекта гражданских прав от юридической природы, которая при смене формы принципиально не меняется [7]. Эту точку зрения поддержал и Н. В. Щербак [8]. В другой своей работе Е. А. Суханов соглашается с опасениями со стороны государства относительно расчетов в криптовалюте, что и порождает не-

обходимость регулирования. Но в этом случае реализуется публично-правовая задача, которая должна решаться «за пределами сферы частного права» [9, с. 11].

В то же время определение цифровых прав, представленное в Гражданском кодексе РФ, носит универсальный характер, что позволяет его расширить на публичную сферу. Е. В. Гриценко прямо указывает, что возможно распространение на «новые цифровые права или цифровые элементы основных прав в публичной сфере» [10, с. 19]. Однако здесь следует сделать ремарку. «Цифровые права», используемые в Гражданском кодексе РФ, не упоминаются как права человека, что является разделительной гранью между частной и публичной сферой использования внешне схожих понятий, но имеющих различную природу, содержание, формы гарантированности и защиты. Не останавливаясь подробно на категории «права человека», укажем лишь, что она носит основополагающий характер, который нашел свое подтверждение на конституционном уровне. В Основах конституционного строя России прямо записано, что человек, его права и свободы – высшая ценность, а их признание и защита – обязанность государства (ст. 2) [11]. Кстати, это практически единственная обязанность государства, предусмотренная Конституцией России. Во всех других положениях предусматриваются обязанности органов государственной власти и местного самоуправления. Иными словами, обратная проекция – с Гражданского кодекса РФ на Конституцию России – весьма непривлекательна.

Теоретический анализ

Методологические разночтения требуют определенного разделения цифровых прав в частной и публичной сферах. Если в частной сфере (как указывалось выше) отношение к цифровым правам далеко не однозначное, то публичная сфера находится под неким «обаянием» нового видения каталога основных прав человека. По-видимому, это связано с быстрым распространением самих цифровых технологий и последствиями такого распространения. При этом зависимость от них наиболее остро проявилась во время пандемийных ограничений, введенных в результате распространения коронавирусной инфекции. С учетом практически тотального перехода на дистанционный формат общения выключенным из социальной жизни оказался тот, кто не имел соответствующих гаджетов и доступа к Интернету. Дискрими-

национная линия была проведена благодаря киберпространству между теми, кто имеет к нему доступ и соответствующие навыки пользования, и теми, кто лишен того или другого. На тот момент в научной литературе обсуждался вопрос о «выключении» из многих социальных процессов лиц старшего поколения, поскольку некоторым из них с трудом давалось обучение каким-то компьютерным программам и работе с приложениями.

Всеобщий охват цифровизацией создает инфраструктурную основу для реализации властных отношений. Именно поэтому многие государства, первоначально настороженно относившиеся к свободе, пропагандируемой в Интернете, увидели новые перспективы для принуждения и манипулирования. Один из первых шагов – создание технологии Neuro-ID [12], проводящей анализ когнитивных изменений во внешности человека при совершении заданных действий. В частности, одна из перспектив ее развития – выявление реального отношения личности к тому или иному событию, что позволит создать удаленный «детектор лжи», отслеживающий нелояльных граждан во время проведения общественных мероприятий. Нетрудно представить, какие политические режимы проявили заинтересованность к таким экспериментам. Сейчас происходит апробация в кадровых агентствах для подбора кандидатов на определенные должности (пока это подается как «сегментация» – блестящая замена дискредитировавшему себя термину «сегрегация» [13]).

Компания Cognitec [14] продвинулась дальше, предлагая соединить технологию распознавания лиц с выявлением степени взаимодействия в общественном пространстве. Иными словами, благодаря обработке искусственным интеллектом сервис позволяет выявлять лиц, имеющих определенные отношения (вплоть до ранжирования по степени близости), но внешне старающихся это скрыть [15]. Спецслужбы уже высказали перспективы использования изобретения для отслеживания группы террористов, готовящих преступления, идущих к намеченной цели, но находящихся на удалении друг от друга (в частности, при выявлении террористов-смертников, ведомых террористом-контролером).

При таких перспективах (а перечень можно расширить) цифровизация многими рассматривается как одна из угроз системе прав человека. В этой части трудно не согласиться с А. И. Ковлером, прогнозирующим «потерю социального смысла человеческого бытия» и лишение в правах человека их антропологизма [16, с. 148].

Подобный сценарий поддерживается и нейробиологами, где ведущий исследователь Т. Черниговская постоянно указывает на изменения мозга, происходящие из-за отказа от традиционных форм межличностных коммуникаций.

Термин «цифровые права» находятся все больше в центре политических и академических обсуждений, и это характерно практически для всех стран мира. Одно из основных направлений дискуссий – защита цифровых прав – обусловило появление специальных международных площадок, на базе которых вырабатываются различные декларации и программные документы, призванные внедрить принципы прав человека в новое информационное общество. В феврале 2020 г. Европейская комиссия одобрила Цифровую стратегию, где была провозглашена необходимость ориентации цифровых технологий на человека [17]. В ее развитие 15 сентября 2021 г. Европейская комиссия утвердила специальный план цифровой трансформации общества и экономики – «Путь к цифровому десятилетию» [18].

В качестве программных документов необходимо упомянуть Берлинскую декларацию о цифровом обществе и цифровом правительстве, основанных на ценностях [19] (подписана министрами стран Евросоюза). Обращает на себя внимание то, что в документе соединены такие принципы, как «уважение основных прав и демократических ценностей в цифровой сфере», «цифровая грамотность, позволяющая всем гражданам участвовать в цифровой среде», и «цифровой суверенитет».

В 2021 г. инициатива Португалии во время ее председательства в Евросоюзе проявилась в призыве к подписанию Лиссабонской декларации, обращенному ко всем участникам киберпространства (от государств и отдельных органов власти до граждан и неправительственных организаций) [20]. Документ не представляет собой свода обязательств, предусматривая основные направления будущего развития (цифровая идентификация, кибербезопасность, интернет-нейтралитет, свобода слова, цифровые платформы и цифровое образование и др.). Несмотря на такой характер документа, он рассматривается в системе с другими европейскими актами, определяющими общую политику государств в данной сфере.

26 января 2022 г. была опубликована Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия [21]. В преамбуле документа выражена сущность цифровых прав – «человеческое измерение цифровой

экосистемы с единым цифровым рынком в качестве ее ядра». Декларация признает, что цифровая трансформация затрагивает все аспекты социальной жизни, улучшает ее качество, но и создает новые проблемы. Исходя из этого, Декларация нацелена на продвижение европейских ценностей в новом цифровом мире. В ней предусматривается набор прав, которые должны обеспечиваться на территории Европейского союза без каких-либо дискриминационных обеспечений. Поскольку это первый официальный каталог цифровых прав, приведем его в полном объеме, но без той детализации, которая представлена в тексте Декларации. Таким образом, каждый имеет право на:

- доступ к недорогому и высокоскоростному цифровому соединению;
- цифровое образование;
- справедливые, здоровые и безопасные условия труда и надлежащую защиту в цифровой среде;
- доступ ко всем ключевым государственным услугам в Интернете по всему Европейскому союзу;
- возможность пользоваться преимуществами искусственного интеллекта, делая свой собственный осознанный выбор в цифровой среде;
- выбор онлайн-сервисов, основываясь на объективной, прозрачной и достоверной информации;
- возможность честно конкурировать и внедрять инновации в цифровой среде;
- доступ к надежной, разнообразной и многоязычной онлайн-среде;
- свободу выражения мнений в онлайн-среде, не опасаясь цензуры или запугивания;
- информацию о владельцах (или осуществляющих контроль) используемых медиа-услуг;
- безопасный, надежный и защищенный доступ к цифровым технологиям, продуктам и услугам;
- защиту своих личных данных в Интернете;
- конфиденциальность своих сообщений и информации на своих электронных устройствах;
- определение своего цифрового наследия.

Отдельными блоками Декларация предусматривает права ребенка в цифровой среде и основы устойчивого развития в цифровой среде.

На уровне ООН разрабатываются базовые документы, которые могут заложить основу возможной будущей конвенции о цифровых правах человека. Однако такое направление развития событий многими оценивается как преждевременное. К тому же международные органы исходят из необходимости защиты универсальных

прав человека как в офлайн-, так и онлайн-пространстве (без введения дополнительных прав человека) [22]. Подобное видение характерно и для юридической науки. Так, В. В. Кресс считает, что цифровизация качественно не изменила право как социальное явление: «Цифровизация не производит революцию в праве, хотя и создает революционную ситуацию в правоприменении, которая по мере накопления количественных характеристик может привести к качественным изменениям» [23, с. 71].

Отчасти соглашаясь с указанным мнением, следует подчеркнуть, что благодаря прорывным технологиям происходит ускорение общественных процессов. И ожидаемый переход «количества в качество» уже намечается в ближайшее время. Формируются предложения о создании «цифровых помощников судьи», превращении электронного правительства в алгоритм, уполномоченный на принятие обязательных решений. Прогнозируемая децентрализация и использование модели сетевого управления приведут не просто к изменениям права, но и к появлению новых источников, которые будут кардинально отличаться от традиционных [24]. Достаточно обратиться к работам ведущих западных футурологов, чтобы увидеть «картину будущего», которая при этом обретает некие черты реальной перспективы. Пока общий дискурс обсуждения исходит из принципа «нормативной эквивалентности» между «офлайн» и «онлайн» (что не требует кардинальных изменений в праве), но опыт распространения цифровых технологий показывает, что он все чаще дает системные сбои. Многие авторы предлагают три этапа реакции мирового сообщества: 1) радикальное переосмысление существующих прав; 2) формирование новых прав; 3) появление новых носителей цифровых прав и обязанностей [25]. Пока человечество находится в начале первого этапа, но надо готовиться к планомерному переходу к двум другим.

Эмпирический анализ

Развитие цифровых технологий также обусловило интерес к ним со стороны деструктивных элементов, что привело к формированию нового явления – киберпреступности. Перевод значительного круга отношений в онлайн-режим не мог не сказаться на росте числа преступлений, совершенных в виртуальном пространстве. Более того, официальная статистика указывает, что именно благодаря кибердействиям возможно нанесение максимального ущерба. Так, Отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступно-

сти в России стабильно показывает, что четверть преступлений совершается в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации [26]. Общий ущерб от киберпреступности в 2021 г. оценивается примерно в 90 млрд руб. (в 2020 г. – около 70 млрд руб.) [27].

Подобное распространение обусловило разработку новой концепции анекселенкто-тичной (неконтролируемой) технотронной преступности, автором которой выступает К. Н. Евдокимов [28].

Освоение киберпространства со стороны террористических организаций происходило последовательно. Первоначально наблюдались завышенные ожидания от возможного вредоносного воздействия. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. некоторую популярность набрал тезис о потенциальном «цифровом Перл-Харборе», при котором террорист-одиночка взламывал критическую инфраструктуру и наносил максимальный вред. Сами террористы подобные планы выстраивали лишь гипотетически. Разведанные мировых спецслужб также подтверждали маловероятность подобного сценария. Между тем апокалипсические предсказания имели свой эффект: были созданы различные компании, занимавшиеся кибербезопасностью. В развитых государствах были освоены значительные ресурсы, нацеленные на создание кибербарьеров и киберзащиты. Это привело к тому, что общий уровень безопасности значительно вырос. В аналитических докладах разведслужб сейчас звучит общий посыл о минимизации компьютерной преступности и создании партнерских отношений правоохранительной системы и интернет-провайдеров, благодаря которым сами операторы берут на себя обязательства по отслеживанию вредоносного трафика и его блокированию [29].

Более значимый эффект от использования цифровых технологий террористическими организациями видится в выстраивании параллельных коммуникаций, с помощью которых возможны: пропаганда и агитация; рекрутирование сторонников; сбор финансовых и материальных ресурсов; обучение навыкам ведения преступной деятельности; запугивание противников. С учетом того, что коммуникации между людьми все больше выстраиваются именно в онлайн, а не офлайн, именно эта сфера наиболее перспективна для оказания соответствующего воздействия.

По каждому из заявленных направлений видна высокая активность наиболее известных в мире террористических организаций. Так, пропаганда преступной идеологии проводится

с помощью различных интернет-ресурсов, где главенствующее место занимают социальные сети. Технологические особенности функционирования социальных сетей строятся на основе мгновенной передачи сообщений, аудио-, фото- и видеоматериалов. Благодаря хэш-тегам происходит быстрое ориентирование в виртуальном мире, когда блокировка одного канала передачи данных практически мгновенно компенсируется построением других. К тому же анонимность, сложность в идентификации реального пользователя и распространителя информации способствует тому, что нахождение реального лица, стоящего за преступным контентом, а затем его привлечение к ответственности – задача весьма затруднительна.

Опыт борьбы с радикальными организациями показывает, что передаваемая информация разделена по аудиториям (для детей, молодежи, лиц более зрелого возраста, учитываются различные факторы, такие как национальность, вероисповедание и др.), по цели ее распространения (агитация, запугивание, оправдание преступных действий и т.д.). Поиск именно запрещенной информации для последующего блокирования осуществляется зачастую самими провайдерами, что отражается в их фактчекинговой политике, обуславливающей блокировку аккаунтов, злоупотребляющих доверием и распространяющим фейковые данные.

Правоохранительные органы также ведут мониторинг онлайн-пространства, что наталкивается на определенные технологические сложности. Даже создание специальных программ, использующих искусственный интеллект и специальные алгоритмы, не справляется с построением системы абсолютного контроля. К тому же пропаганда террористических идей основывается на последовательности, используемой при создании игр с альтернативной реальностью (Alternate Reality Games – ARG), где каждый шаг приводит к переходу на следующий уровень. Это означает, что первоначальный материал, распространяемый в Сети, главная цель которого формирование общего интереса, не содержит прямых агитационных посылов. Чаще всего он относительно нейтрален, чтобы не вызывать подозрений со стороны органов государства. В этом главная задача пошаговой радикализации, именуемой в специальной литературе как путь «от нуля до героя». Ярким примером может служить иллюстрация привлечения внимания немецкой молодежи к салафитскому вероучению и последующему вовлечению в различные экстремистские действия на религиозной

основе. Это отражено в специальном докладе за 2018 г. организации «Jugendschutz.net» (создан одноименный сайт, систематизирующий все проявления экстремизма в Интернете против немецкой молодежи) – «Исламизм в сети» [30]. Первичным роликом, возбуждающим интерес, стал видеоролик боя бойцов ММА Конора МакГрегора и Хабиба Нурмагомедова. Сам по себе видеоматериал не содержит какой-то преступной направленности, но при этом в него вложен комментарий, связывающий победу Х. Нурмагомедова с его вероисповеданием, с добавлением, что получение дополнительных знаний возможно на специальных ресурсах. К ролику прилагались интерактивные ссылки на иные сайты. При появлении интереса каждый последующий шаг по интерактивной ссылке создавал «лестницу» уже к тем ресурсам, которые создавали эффект «эхо-камеры» – общение только со сторонниками экстремистской идеологии, где и проходила соответствующая идеологическая обработка [31]. Пропаганда террористических идей в виртуальном мире стала настолько активной, что позволяет некоторым исследователям указывать на новое явление – «электронный джихад» [32].

Цифровые коммуникации имеют ключевые особенности:

- отсутствие территориальных границ, что позволяет выстраивать общение в режиме реального времени между лицами, находящимися за десятки тысяч километров друг от друга;
- невозможность цензурирования и государственного контроля, благодаря чему любая информация может стать общедоступной;
- собственные правила привлекательности и тиражирования, неучет которых приводит к тому, что информационную повестку чаще всего создают не официальные агентства, а индивидуумы, способные генерировать интересный контент, привлекающий массовое внимание;
- превалирование технических правил над юридическими в построении циклической цепочки от создания информации до ее массового распространения, что создает дополнительные сложности в формировании надлежащего правового режима деятельности всех участников онлайн-общения.

Государство в силу определенной инертности не успевает за стремительно меняющейся действительностью. Сейчас можно наблюдать попытки создания регуляционного механизма. Однако пока все это больше напоминает некую гонку противостояния, когда на введение юридического барьера (или дополнительного препятствия для субъекта интернет-активности)

создается технология обхода. Иллюстрацией может служить трехлетнее противостояние (2017–2019 гг.) Роскомнадзора и мессенджера Telegram, созданного выходцами из России братьями Дуровыми. В течение всего это времени попытки заблокировать доступ к Telegram так и не увенчались успехом. В настоящее время все официальные претензии к мессенджеру сняты.

Показательно, что Telegram заблокирован в Иране и Китайской Народной Республике, но и там в условиях жесткой системы контроля создать поле вне доступа к указанному мессенджеру так и не стало полностью возможным.

Перевод большинства коммуникаций в цифровое пространство и возможности его использования в противоправных целях обусловили концепцию ограничений цифровых прав. Их полное нивелирование неосуществимо, что находит свое понимание в большинстве правовых порядков. Радикальное решение в отключении «заветного рубильника» практически невозможно, даже попытки его реализации могут иметь негативные последствия, которые ни одно государство в современном мире не может себе позволить. Кстати, государства чаще всего при осуществлении таких блокировок напрямую не объявляют о проводимых запретах. К тому же длительное отключение несет как краткосрочные (прямые потери компаний), так и долгосрочные убытки (смена локации предприятия, а значит, уход инновационных проектов).

В августе 2020 г. произошло отключение (на несколько дней) Республики Беларусь от Всемирной паутины. Причины разнятся, по крайней мере, органы государственной власти не взяли на себя ответственность за совершение такого шага. Не вдаваясь в обсуждение поиска виноватых, лишь отметим, что экспертная оценка указывает на ущерб в размере 200–250 млн долл. США за каждый день такого выхода страны из онлайн-пространства [33]. Если брать страну с большим числом интернет-пользователей, то ущерб будет кратно увеличиваться. Таким образом, умаление права на сам доступ к высокоскоростному цифровому соединению (даже если и возникнет такое желание в отдельной стране) является недопустимым и несет большие финансовые потери для государства.

В разных странах вводятся различные правила, пытающиеся распространить национальный правовой режим на киберпространство, где одним из его аспектов выступают ограничения специальных субъективных прав. В этом аспекте, прежде всего, следует упомянуть опыт КНР, основанный на идее цифрового суверенитета.

Такая последовательность оправданна, поскольку невозможно ограничение того, что не подлежит национальному регулированию. Если реализация цифровых прав будет зависеть от внешних субъектов – транснациональных корпораций и иных государств, то попытки органов власти без их согласия оказать воздействие только на обладателя цифровых прав будут обречены на провал. В этой части китайская идея «Золотой щит», которая предполагает распространение суверенитета на виртуальное пространство, наиболее последовательна, обуславливая принятие целого комплекса законодательных актов. Это можно наблюдать при анализе правотворческой политики:

– обновление законодательства в сфере государственной тайны (принятие в новой редакции Закона КНР от 5 сентября 1988 г. «Об охране государственной тайны» – Закон от 29 апреля 2010 г. [34]), в рамках которого обязанности по соблюдению государственных секретов были распространены практически на всех субъектов цифрового общения;

– обеспечение суверенитета киберпространства с помощью введения специального правового режима кибербезопасности (итогом стал Закон КНР от 7 ноября 2016 г. «О кибербезопасности» [35]), позволяющего широко трактовать обязанности юзеров;

– суверенизация цифровых данных (Закон КНР от 10 июня 2021 г. «О безопасности данных» [36]), вводящая жесткие ограничения на возможное влияние со стороны иностранных компаний.

Законодательство стран Западной Европы идет иным путем. Введение ограничений цифровых прав в целях противодействия терроризму происходит точечными методами, в совокупности с уточнением уголовного законодательства, где совершение киберпреступлений все чаще рассматривается либо как самостоятельный состав, либо как элемент объективной стороны уже закрепленных преступлений (как правило, какотягчающее вину обстоятельство). В этой части иллюстрацией такого подхода можно считать британский Акт о борьбе с терроризмом и безопасности границ (Counter-Terrorism and Border Security Act, 2019) [37]. Данный закон вызвал определенный шквал критики со стороны правозащитных организаций, поскольку заметно расширил понимание пропаганды терроризма, включив в него широкую формулировку о «безрассудной поддержке». Благодаря этому наказуемым стал просмотр цифрового контента террористической направленности.

Широкие общественные дискуссии, на верное, привели к тому, что в Англии так до сих

пор и не принят Акт о безопасности в Интернете, проект которого был обнародован еще в 2021 г. [38]. Периодически на официальной странице парламента публикуются те или иные документы вокруг заявленного проекта. Объявлялось, что первоначальное голосование пройдет летом 2022 г., но оно так и не состоялось.

Опыт ряда стран показывает, что в отношении лиц, подозреваемых в террористических связях, вводятся ограничения цифровых прав. Так, британский Акт о мерах по предупреждению и расследованию терроризма (Terrorism Prevention and Investigation Measures Act 2011 [39]) предусматривает введение мер административного контроля за любым онлайн-общением лица, в отношении которого есть достаточные основания подозревать его в установлении связей с террористической организацией. Такие меры вводятся на основании судебного ордера и могут включать в себя: ограничения на использование средств электронной связи; подключение любого гаджета только к контролируемой линии соединения; использование только такого электронного устройства, которое не имеет подключения к Интернету. Данный Акт рассматривается как весьма жесткий. Его применение находится под постоянным парламентским контролем. Создана специальная должность Комиссара по обеспечению независимого надзора за использованием следственных полномочий разведывательными органами, полицией и другими государственными органами. Действие Акта 2011 г. неоднократно подтверждалось более поздними законами, хотя его применение в части введения ограничительных мер в области цифрового общения не получило массового характера. Например, в 2017 г. такие запреты были введены только в отношении шести граждан, находящихся на территории Великобритании.

Подобный Закон № 2016-731 «Об усилении борьбы с организованной преступностью, терроризмом и их финансированием, а также о повышении эффективности и гарантий уголовного судопроизводства» принят во Франции 3 июня 2016 г. [40]. Его основное отличие заключается в том, что установлен последующий судебный контроль, сами ограничения устанавливаются административным актом руководителя органа полиции.

Российское законодательство во многом не учитывает зарубежный опыт. Так, антитеррористическое законодательство, представленное Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», не учитывает глобальные изменения, произошедшие в ин-

формационном обмене. Этот упрек, кстати, во многом касается и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Во многих странах уже имеют успешный опыт применения (с их юридическим закреплением) такие мероприятия, как государственное хакерство, взлом электронного устройства, мониторинг интернет-пространства и некоторые другие. По-видимому, в этой части правоохранительной системе следует активнее воспринимать результаты компаративистских исследований, лоббировать их на уровне принятия соответствующих законов.

Выводы

Концепция цифровых прав человека набирает все большую популярность, становясь предметом обсуждений различных политических площадок. Ранее превалявавшая точка зрения о цифровой форме базовых прав человека, но не меняющих их сущность, все чаще критикуется под влиянием последствий технологических изменений. По крайней мере, сейчас можно констатировать устоявшееся мнение о трансформации прав человека. Именно в этом направлении наблюдается основной путь научных исследований. Это приведет к изменениям в российском гражданском законодательстве, где пока цифровые права – объект частной сферы. В последующем возможно расширение субъектного состава цифровых отношений, что, безусловно, приведет к появлению новых нестандартных обладателей прав. Распространение на них действия прав человека – не такая уж и фантазмагория. Сейчас никто не удивляется тому, что некоторые конституционные права человека (если это не меняет их природу) могут принадлежать юридическим лицам. Есть соответствующая практика Конституционного суда Российской Федерации. По-видимому, нечто подобное может быть применено и к иным субъектам.

Террористические организации быстро освоили онлайн-ресурсы и онлайн-возможности для реализации своих преступных целей. При этом наибольшее подспорье оказывают особенности функционирования социальных сетей: их трансграничность, сложности при аутентификации пользователя, быстрота распространения данных. Перевод все большего числа социальных отношений в цифровой формат создает дополнительные трудности правоохранительным органам в процессе создания эффективной системы противодействия террористическим угрозам. Необходим учет технологических особенностей

нового информационного обмена. В настоящее время кибератаки на критические объекты инфраструктуры со стороны террористических организаций маловероятны (тем более с возможным серьезным ущербом). Но это не означает, что иные формы распространения своего влияния могут быть малозначимыми. В цифровом мире основная борьба разворачивается за внимание пользователей и вовлечение в круг влияния как можно большего их числа. Она подчиняется собственным правилам, которые достаточно сложно поменять простым волеизъявлением законодательного органа власти. В ряде стран продвигается идея цифрового суверенитета, которая опосредованно влияет на возможности государства по введению дополнительных ограничений цифровых прав человека. Безопасность и противодействие терроризму – основные легитимные цели введения таких юридических мер.

Необходим также учет новых цифровых реалий в практической деятельности правоохранительных органов, что достигается установлением новых видов оперативно-розыскных мероприятий. В ряде стран закрепляются такие полномочия органов государственной власти, как массовый сбор данных о гражданах, мониторинг онлайн-ресурсов, взлом электронного устройства, государственное хакерство. Это не означает, что подобные меры должны однозначно предусматриваться в российском законодательстве. Они еще должны получить всестороннюю оценку со стороны экспертного сообщества. Однако в этой части российское законодательство заметно отстает от аналогичных зарубежных актов.

Список литературы

1. О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 12, ст. 1224.
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018 ; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5298.
3. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8. С. 52–62. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062>
4. Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7–20. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2021-5-7-20>
5. Гордцов О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 36–43. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.11.1.036-043>
6. Леднева Ю. В. Правотворчество в сфере цифровизации публичных финансов // Финансовое право. 2021. № 9. С. 12–16. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-9-12-16>
7. Суханов Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства : сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения А. Л. Маковского (1930–2020). М. : Статут, 2020. С. 27–28.
8. Щербак Н. В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 6. С. 99–134. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-99-134>
9. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 6. С. 7–29. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29>
10. Гриценко Е. В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 15–36. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-4-15-36>
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
12. Human Analytics for the Digital World. URL: <https://www.neuro-id.com> (дата обращения: 28.10.2022).
13. Lee J. Neuro-ID releases prescriptive analytics solution to assess future risk (2017. 13 June). URL: <https://www.biometricupdate.com/201706/neuro-id-releases-prescriptive-analytics-solution-to-assess-future-risk> (дата обращения: 28.10.2022).
14. The trusted face recognition company since 2002. URL: <https://www.cognitec.com> (дата обращения: 28.10.2022).
15. Hersey F. Europe heading for ‘open-ended biometric mass surveillance’: report (2021, 9 July). URL: <https://www.biometricupdate.com/202107/europe-heading-for-open-ended-biometric-mass-surveillance-report> (дата обращения: 28.10.2022).
16. Ковлер А. И. Права человека в цифровую эпоху // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 6. С. 146–150.
17. Europe’s Digital Decade: Commission sets the course towards a digitally empowered Europe by 2030. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_983 (дата обращения: 28.10.2022).
18. State of the Union: Commission proposes a Path to the Digital Decade to deliver the EU’s digital transformation by 2030. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_4630 (дата обращения: 28.10.2022).

19. Berlin Declaration on Digital Society and Value-based Digital Government. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/berlin-declaration-digital-society-and-value-based-digital-government> (дата обращения: 28.10.2022).
20. Lisbon Declaration – Digital Democracy with a Purpose. URL: <https://www.lisbondeclaration.eu/> (дата обращения: 28.10.2022).
21. Commission puts forward declaration on digital rights and principles for everyone in the EU. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_452 (дата обращения: 28.10.2022).
22. Ensuring the protection of Human Rights. URL: https://www.un.org/techenvoy/sites/www.un.org.techenvoy/files/general/Digital_Human_Rights_Summary_PDF.pdf (дата обращения: 28.10.2022).
23. Кресс В. В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 4. С. 67–76. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.041>
24. Романовская О. В. Принцип деконцентрации государственной власти в конституционном праве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 85–93. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-2-9>
25. Dror-Shpoliansky D., Shany Y. It's the End of the (Offline) World as We Know It: From Human Rights to Digital Human Rights – A Proposed Typology // European Journal of International Law. 2021. Vol. 32, iss. 4. P. 1249–1282. <https://doi.org/10.1093/ejil/chab087>
26. Состояние преступности в России за январь–июль 2022 года. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 28.10.2022).
27. Оценен ущерб от киберпреступлений в России. URL: <https://expert.ru/2021/12/22/otsenen-uscherb-ot-kiberprestupleniy-v-rossii/> (дата обращения: 28.10.2022).
28. Евдокимов К. Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 10. С. 69–72. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-10-69-72>
29. Knake R. K. Cleaning Up U.S. Cyberspace. URL: https://cfrd8-files.cfr.org/sites/default/files/pdf/2015/12/Cleaning_Up_CyberBrief.pdf (дата обращения: 28.10.2022).
30. 2018 Bericht. Islamismus im Netz. URL: http://www.jugendschutz.net/fileadmin/download/pdf/Bericht_2018_Islamismus_im_Internet.pdf (дата обращения: 28.10.2022).
31. Silber Mitchell D., Bhatt A. Radicalization in the West: The Homegrown Threat. 2017. URL: <https://info.publicintelligence.net/NYPDradicalization.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).
32. Prucha N. IS and the Jihadist Information Highway – Projecting Influence and Religious Identity via Telegram // Perspectives on Terrorism. 2016. Vol. 10, iss. 6. P. 48–58.
33. Анисимова Н. Бизнес оценил последствия блокировки интернета в Белоруссии. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/08/2020/5f34d2459a79472c6bac2c32 (дата обращения: 28.10.2022).
34. 中华人民共和国保守国家秘密法 (Закон КНР от 5 сентября 1988 г. «Об охране государственной тайны» (ред. от 29 апреля 2010 г.)). URL: http://www.gov.cn/flfg/2010-04/30/content_1596420.htm (дата обращения: 28.10.2022).
35. 中华人民共和国网络安全法 (Закон КНР от 7 ноября 2016 г. «О кибербезопасности»). URL: http://www.sac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 28.10.2022).
36. 数据安全法 (Закон КНР от 10 июня 2021 г. «О безопасности данных»). URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/7c9af12f51334a73b56d7938f99a788a.shtml> (дата обращения: 28.10.2022).
37. Counter-Terrorism and Border Security Act, 12th February 2019. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2019/3/contents/enacted> (дата обращения: 28.10.2022).
38. Draft Online Safety Bill. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/draft-online-safety-bill> (дата обращения: 28.10.2022).
39. Terrorism Prevention and Investigation Measures Act, 2011. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/23/pdfs/ukpga_20110023_en.pdf (дата обращения: 28.10.2022).
40. Legifrance – Le service public de l'accès au droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032627231&categorieLien=id> (дата обращения: 28.10.2022).

References

1. On the introduction of amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation. Federal Law 34-FZ of 18.03.2019. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2019, no. 12, art. 1224 (in Russian).
2. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. Federal Law 259-FZ of 31.07.2020 (an edition of 14.07.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5018; 2022, no. 29 (pt. III), art. 5298 (in Russian).
3. Efimova L. G. An alternative view of the legal regulation of civil law relations in the digital economy. *Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 8, pp. 52–62 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062>
4. Efimova L. G. Digital assets and rights to them within the framework of changes in civil and banking laws. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2021, no. 5, pp. 7–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2021-5-7-20>

5. Gorodov O. A. Digital law as a sub-branch of information law. *Pravo i tsifrovaia ekonomika* [Law and Digital Economy], 2021, no. 1, pp. 36–43 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.11.1.036-043>
6. Ledneva Yu. V. Law making in the field of digitalization of public finance. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2021, no. 9, pp. 12–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-9-12-16>
7. Sukhanov E. A. The social face of civil law (To the formulation of the question). In: *Grazhdanskoye pravo sotsial'nogo gosudarstva: sbornik statey, posvyashchennyi 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. L. Makovskogo (1930–2020)* [Civil law of the welfare state: A collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. L. Makovsky (1930–2020)]. Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 27–28 (in Russian).
8. Shcherbak N. V. Existential features of the civil legal regime of objects of copyright and related rights. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2021, vol. 21, no. 6, pp. 99–134 (in Russian). <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-99-134>
9. Sukhanov E. A. On the civil legal nature of “digital property”. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2021, vol. 21, no. 6, pp. 7–29 (in Russian). <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29>
10. Gritsenko E. V. The right to good governance in the digital transformation era. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2022, no. 4, pp. 15–36 (in Russian). <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-4-15-36>
11. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
12. *Human Analytics for the Digital World*. Available at: <https://www.neuro-id.com> (accessed 28 October 2022).
13. Lee J. *Neuro-ID releases prescriptive analytics solution to assess future risk (2017, 13 June)*. Available at: <https://www.biometricupdate.com/201706/neuro-id-releases-prescriptive-analytics-solution-to-assess-future-risk> (accessed 28 October 2022).
14. *The trusted face recognition company since 2002*. Available at: <https://www.cognitec.com> (accessed 28 October 2022).
15. Hersey F. *Europe heading for 'open-ended biometric mass surveillance': report (2021, 9 July)*. Available at: <https://www.biometricupdate.com/202107/europe-heading-for-open-ended-biometric-mass-surveillance-report> (accessed 28 October 2022).
16. Kovler A. I. Human rights in the digital age. *Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian Edition*, 2019, no. 6, pp. 146–150 (in Russian).
17. *Europe's Digital Decade: Commission sets the course towards a digitally empowered Europe by 2030*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_983 (accessed 28 October 2022).
18. *State of the Union: Commission proposes a Path to the Digital Decade to deliver the EU's digital transformation by 2030*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_4630 (accessed 28 October 2022).
19. *Berlin Declaration on Digital Society and Value-based Digital Government*. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/berlin-declaration-digital-society-and-value-based-digital-government> (accessed 28 October 2022).
20. *Lisbon Declaration – Digital Democracy with a Purpose*. Available at: <https://www.lisbondeclaration.eu/> (accessed 28 October 2022).
21. *Commission puts forward declaration on digital rights and principles for everyone in the EU*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_452 (accessed 28 October 2022).
22. *Ensuring the protection of Human Rights*. Available at: https://www.un.org/techenvoy/sites/www.un.org/techenvoy/files/general/Digital_Human_Rights_Summary_PDF.pdf (accessed 28 October 2022).
23. Kress V. V. Digital rights as objects of civil rights: legal regulation and development prospects amid the digitalisation of civil commerce. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 4, pp. 67–76 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.041>
24. Romanovskaya O. V. The principle of deconcentration of state power in the constitutional law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskii region. Obschestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences], 2016, no. 2 (38), pp. 85–93 (in Russian). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-2-9>
25. Dror-Shpoliansky D., Shany Y. It's the End of the (Offline) World as We Know It: From Human Rights to Digital Human Rights – A Proposed Typology. *European Journal of International Law*, 2021, vol. 32, iss. 4, pp. 1249–1282. <https://doi.org/10.1093/ejil/chab087>
26. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–iyul' 2022 goda* (The state of crime in Russia for January–July 2022). Available at: <http://crimestat.ru/analytics> (accessed 28 October 2022) (in Russian).
27. *Otsenen ushcherb ot kiberprestupleniy v Rossii* (Estimated damage from cybercrime in Russia). Available at: <https://expert.ru/2021/12/22/otsenen-uscherb-ot-kiberprestupleniy-v-rossii/> (accessed 28 October 2022) (in Russian).
28. Evdokimov K. N. On the improvement of the technetronic crime combating system in the Russian Federation. *Rossiyskiy sledovatel'* (Russian Investigator), 2021, no. 10, pp. 69–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-10-69-72>
29. Knake R. K. *Cleaning Up U.S. Cyberspace*. Available at: https://cfrd8-files.cfr.org/sites/default/files/pdf/2015/12/Cleaning_Up_CyberBrief.pdf (accessed 28 October 2022).

30. 2018 Bericht. *Islamismus im Netz*. Available at: http://www.jugendschutz.net/fileadmin/download/pdf/Bericht_2018_Islamismus_im_Internet.pdf (accessed 28 October 2022).
31. Silber Mitchell D., Bhatt A. *Radicalization in the West: The Homegrown Threat*. 2017. Available at: <https://info.publicintelligence.net/NYPDradicalization.pdf> (accessed 28 October 2022).
32. Prucha N. IS and the Jihadist Information Highway – Projecting Influence and Religious Identity via Telegram. *Perspectives on Terrorism*, 2016, vol. 10, iss. 6, pp. 48–58.
33. Anisimova N. *Biznes otsenil posledstviya blokirovki interneta v Belorussii* (Business assessed the consequences of blocking the Internet in Belarus). Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/08/2020/5f34d2459a79472c6bac2c32 (accessed 28 October 2022) (in Russian).
34. *Law of the People’s Republic of China of September 5, 1988 “On the Protection of State Secrets” (an edition of April 29, 2010)*. Available at: http://www.gov.cn/flfg/2010-04/30/content_1596420.htm (accessed 28 October 2022) (in China).
35. *Law of the People’s Republic of China of November 7, 2016 “On Cyber Security”*. Available at: http://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (accessed 28 October 2022) (in China).
36. *Law of the People’s Republic of China of June 10, 2021 “On Data Security”*. Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/7c9af12f51334a73b56d7938f99a788a.shtml> (accessed 28 October 2022) (in China).
37. *Counter-Terrorism and Border Security Act, 12th February 2019*. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2019/3/contents/enacted> (accessed 28 October 2022).
38. *Draft Online Safety Bill*. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/draft-online-safety-bill> (accessed 28 October 2022).
39. *Terrorism Prevention and Investigation Measures Act, 2011*. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/23/pdfs/ukpga_20110023_en.pdf (accessed 28 October 2022).
40. *Legifrance – Le service public de l’accès au droit*. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032627231&categorieLien=id> (accessed 28 October 2022).

Поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 60–71

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 60–71

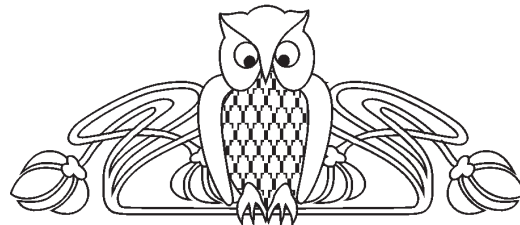
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-60-71>, EDN: EELXSK

Научная статья

УДК 342.53

Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: проблемы правового регулирования и практики реализации

Т. В. Заметина¹, С. А. Куликова²✉, Е. В. Каменская¹

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Заметина Тамара Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера, zametina_saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7506-6886>

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Каменская Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера, kamelena2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-0708>

Аннотация. *Введение.* Развитие института парламентского контроля в Российской Федерации актуализирует вопросы достижения баланса ветвей власти на региональном уровне и совершенствования правового регулирования в целях повышения эффективности функционирования конституционно-правового механизма удовлетворения интересов и потребностей жителей соответствующих регионов. *Теоретический анализ.* На современном этапе наблюдается многообразие форм правового регулирования парламентского контроля на региональном уровне, используются разные правовые модели его законодательной регламентации, характеризующиеся определенными достоинствами и недостатками. Это определяет необходимость унификации понятийно-терминологического аппарата данного института, отражающего его сущность и характерные признаки, а также законодательного закрепления базовых параметров, внутренних конститутивных принципов и процедур, обеспечивающих включение субъектов регионального парламентского контроля в систему парламентского контроля Российской Федерации. *Эмпирический анализ.* Анализ законодательного закрепления региональными парламентами процедурных вопросов осуществления различных форм парламентского контроля свидетельствует о лабильности соответствующих правовых предписаний, плановом характере проведения контрольных процедур, воспроизведении на региональном уровне правомочий федерального законодательного органа по итогам проверочных мероприятий с некоторым расширением подобных возможностей. Правомочия регионального законодательного органа власти по итогам проведенного контроля, не предусмотренные аналогичными нормами федерального законодательства о парламентском контроле, могут быть дифференцированы на рекомендации, адресованные региональным государственным структурам, решения кадрового характера, инициирование коммуникаций в форме разработки законопроекта субъекта РФ, проекта федерального закона для внесения его органом законодательной власти субъекта РФ в порядке реализации права законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. *Результаты.* Авторы приходят к выводу, что законодательство и практика парламентского контроля в российских регионах нуждается в совершенствовании, направленном на детализацию правового регулирования в этой сфере и повышение эффективности его реализации. В этой связи обосновываются перспективы принятия федерального закона «Об общих принципах парламентского контроля в субъектах Российской Федерации».

Ключевые слова: парламентский контроль, субъекты Российской Федерации, региональное законодательство, депутатское расследование, информационное обеспечение, укрепление законности

Для цитирования: Заметина Т. В., Куликова С. А., Каменская Е. В. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: проблемы правового регулирования и практики реализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 60–71. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-60-71>, EDN: EELXSK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Parliamentary control in the subjects of the Russian Federation: Problems of legal regulation and implementation practice

T. V. Zametina¹, S. A. Kulikova²✉, E. V. Kamenskaya¹

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

© Заметина Т. В., Куликова С. А., Каменская Е. В., 2023

Tamara V. Zаметина, zametina_saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7506-6886>

Svenlana A. Kulikova, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Elena V. Kamenskaya, kamelena2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-0708>

Abstract. Introduction. The development of the institution of parliamentary control in the Russian Federation actualizes the issues of achieving a balance of branches of government at the regional level and improving legal regulation in order to increase the effectiveness of the constitutional and legal mechanism to meet the interests and needs of residents of the respective regions. **Theoretical analysis.** At the present stage, there is a variety of forms of legal regulation of parliamentary control at the regional level, different legal models of its legislative regulation, characterized by certain advantages and disadvantages, are used. This determines the need to unify the conceptual and terminological apparatus of this institution, that reflects its essence and characteristic features, as well as the legislative consolidation of basic parameters, internal constitutive principles and procedures that ensure the inclusion of subjects of regional parliamentary control in the system of parliamentary control of the Russian Federation. **Empirical analysis.** The analysis of the legislative consolidation of procedural issues of the implementation of various forms of parliamentary control by regional parliaments indicates the conciseness of the relevant legal regulations, the planned nature of control procedures, the reproduction of the powers of the federal legislature at the regional level based on the results of verification activities with some expansion of such opportunities. The powers of a regional legislative authority based on the results of the exercised control, which are not provided for by similar norms of federal legislation on parliamentary control, can be differentiated into recommendations addressed to regional state structures, personnel decisions, initiating communications in the form of drafting a draft law of a subject of the Russian Federation, a draft federal law for its introduction by the legislative authority of a subject of the Russian Federation in the exercise of the right of legislative initiatives to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. **Results.** The authors conclude that the legislation and practice of parliamentary control in the Russian regions need to be improved, which is aimed at detailing the legal regulation in this area and increasing effectiveness of its implementation. In this regard, the prospects for the adoption of the federal law "On general principles of parliamentary control in the subjects of the Russian Federation" are substantiated.

Keywords: parliamentary control, subjects of the Russian Federation, regional legislation, parliamentary investigation, information support, strengthening of the rule of law

For citation: Zаметина Т. В., Куликова С. А., Камenskaya Е. В. Parliamentary control in the subjects of the Russian Federation: Problems of legal regulation and implementation practice. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 60–71 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-60-71>, EDN: EELXSK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Федеративная природа государственного устройства России обуславливает необходимость последовательной реализации на всей территории страны закрепленных действующей федеральной Конституцией основ конституционного строя, демократического, правового государства, приоритета прав и свобод человека, верховенства права, принципов федерализма и разделения властей. Последствия глобального экономического кризиса, вызванные пандемией, изменение государственно-правовых контуров современного миропорядка, влияние санкционного давления на социально-экономическое развитие России актуализируют вопросы достижения баланса ветвей власти в государстве в целях повышения эффективности функционирования всего государственного механизма, поддержания устойчивости конституционно-правовой системы, незыблемости основ российской государственности, обеспечения соответствия объективных закономерностей общественного развития интересам и потребностям большинства граждан страны.

Важнейшей составляющей российской системы «сдержек и противовесов» выступает один из динамично развивающихся институтов парламентского права – парламентский кон-

троль, правовая природа которого позволяет сочетать социальный и политический, государственный контроль.

Модернизация Конституции РФ 2020 г., направленная на ее адаптацию современным реалиям, способствовала внедрению в «ткань» Основного закона положений ст. 103.1 [1], впервые на конституционном уровне закрепляющих контрольные полномочия парламента. Развитие законодательства о парламентском контроле, необходимость повышения доверия населения государственным структурам призвано обеспечить необходимую трансформацию механизма власти в конкретных социально-политических условиях, для достижения магистральных целей – построения демократического, правового, социального государства, обеспечивающего достойную жизнь и свободное развитие человека.

В контексте федеративного устройства России система парламентского контроля, помимо федеральных институтов, субъектов и процедур его осуществления, включает и региональный механизм реализации. Вместе с тем Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» [2] не содержит норм, посвященных парламентскому контролю в субъектах Российской Федерации. Существующая модель разграничения предметов ведения и полномочий

между Российской Федерацией и ее субъектами (ст. 71, 72) не упоминает институт парламентского контроля, но относит установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления (п. «н» ч. 1 ст. 72) к сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ.

Основы правового регулирования парламентского контроля в субъектах Российской Федерации заложены Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. № 4314-ФЗ [3], в соответствии с которым, законодательный орган субъекта Федерации:

– в пределах и формах, установленных конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации и законами субъекта РФ, осуществляет наряду с другими уполномоченными на то органами контроль за соблюдением и исполнением законов субъекта Российской Федерации, исполнением бюджета субъекта Федерации, исполнением бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов субъекта РФ, соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью субъекта Российской Федерации (п. 1 ч. 4 ст. 8);

– заслушивает ежегодный отчет о результатах деятельности высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, в том числе по вопросам, поставленным законодательным органом субъекта Российской Федерации, представленный высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации или председателем высшего исполнительного органа субъекта Федерации (п. 4 ч. 1 ст. 8);

– заслушивает информацию о деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в соответствующем субъекте Российской Федерации (п. 5 ч. 1 ст. 8); заслушивает руководителей исполнительных органов субъекта Российской Федерации, должностных лиц местного самоуправления, приглашенных на заседание законодательного органа субъекта Федерации (ч. 8 ст. 11).

Таким образом, имеющаяся фрагментарность правового регулирования института регионального парламентского контроля на федеральном уровне, с одной стороны, стимулирует субъекты РФ на принятие собственных законов, регламентирующих контрольные полномочия законодательных органов субъектов Федерации, и устанавливает основные формы парламентского контроля в субъектах РФ, ко-

торые они обязаны осуществлять, с другой – обуславливает необходимость гармонизации системы парламентского контроля, действующего на федеральном и региональном уровнях.

Потребность теоретического осмысления юридической природы, содержания и роли института парламентаризма в региональной системе разделения властей, а также совершенствования понятийно-категориального аппарата науки конституционного права в этом направлении определяет своевременность и актуальность проведенного исследования.

Модернизация института парламентского контроля, его развертывание на региональном уровне, включение региональных законодательных органов субъектов Федерации в мониторинг правоприменения призваны предотвращать деформацию конституционного баланса власти, обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на всех ее уровнях.

Теоретический анализ

На современном этапе происходит формирование и развитие теоретико-правовых подходов к вопросам формирования регионального парламентского контроля.

И. В. Зайцева, например, отмечает особую значимость парламентского контроля для становления парламентаризма в субъектах РФ [4, с. 2], А. С. Лолаева называет его «важным сегментом» системы парламентского контроля в России, который не является территориальным продолжением федерального парламентского контроля, но обладает собственным функциональным назначением [5, с. 3].

Н. В. Петухова обращает внимание на неоднородность региональной правовой основы парламентского контроля [6, с. 19], В. А. Галуева – на целесообразность использования в федеральной практике парламентского контроля отдельных составляющих регионального парламентского контроля [7, с. 9].

По мнению Д. В. Азарова, «региональный парламентский контроль может рассматриваться как показатель демократичности федеративных отношений», выступает элементом системы российского федерализма [8, с. 11, 12]. При этом исследователями выделяются такие негативные тенденции, как смешение видов и форм регионального парламентского контроля в научных исследованиях и в нормативных правовых актах, тогда как форма выступает вариантом осуществления контроля в пределах его конкретного вида [8, с. 14].

Анализ законодательства субъектов Федерации, регламентирующего региональный парламентский контроль, свидетельствует о существовании двух правовых моделей его институционализации: конституционного и законодательного регулирования форм и процедур контроля.

Первая модель, предполагающая указание в региональном учредительном акте не только законодательной, представительной, но и контрольной функции парламента, нашла свое отражение в Конституции Республики Саха (Якутия) (ст. 54) [9], но не получила широкого распространения в других субъектах. Даже в конституциях субъектов Федерации, принятых относительно недавно (например, Конституция Республики Крым 2014 г.), отсутствуют специальные нормы, закрепляющие контрольную функцию парламента, хотя основные формы парламентского контроля устанавливаются через отдельные полномочия законодательного органа. Это позволяет сделать вывод о том, что конституционной реформой 2020 г. на федеральном уровне институту конституционного контроля было придано особое значение, что повлекло появление ст. 103.1 в тексте гл. 5 «Федеральное Собрание» [1], и открыло новые возможности его регламентации на уровне учредительных актов субъектов Федерации.

Вторая модель основывается на законодательной регламентации регионального института парламентского контроля, она отличается многовариантностью и представлена следующими правовыми способами:

1) в законах, закрепляющих правовой статус парламента, либо в законах о контрольной деятельности или контрольных полномочиях законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (например, Закон Республики Адыгея «О Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгея» [10], закон Республики Бурятия «О контрольных полномочиях» [11], закон Кировской области «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области» [12] и др.);

2) в законах о контроле за исполнением законов субъектов (они, например, приняты в Пермском [13], Ставропольском [14], Хабаровском краях [15], Республике Алтай [16], Республике Башкортостан [17], Удмуртской Республике [18], Чукотском автономном округе [19] и др.);

3) в специальных законах о парламентском контроле, основанных на нормах Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (подобные законы приняла боль-

шая группа субъектов Российской Федерации: Республика Ингушетия, Республика Татарстан, Чеченская Республика, Астраханская, Волгоградская и Магаданская области [20–25] и др.);

4) в законах, посвященных отдельным формам парламентского контроля – парламентскому расследованию (например, Республика Бурятия [26], Республика Дагестан [27], Чеченская Республика [28] и др.) либо депутатскому запросу (например, города федерального значения Москва и [29] Санкт-Петербург [30]). В ряде субъектов Федерации вопросы направления депутатских запросов могут также регулироваться законодательством о статусе депутатов (например, Алтайский край [31], Республика Дагестан [32], Республика Карелия [33] и др.).

Понятийно-терминологический аппарат имеет важное значение для понимания и обозначения политико-правовых явлений и процессов, выработки универсальной коммуникации науки и практики, законодательной, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Точное, современное и недвусмысленное информационное выражение юридических предписаний является необходимым условием их эффективной реализации.

Региональное законодательство в области парламентского контроля позволяет сделать вывод о том, что субъекты Федерации либо сохраняют правовую неопределенность в вопросе понятия «парламентский контроль» (определение этого понятия не дается в федеральном законодательстве), либо идут по пути дублирования дефиниций, содержащихся в Федеральном законе «О парламентском контроле». Например, в ст. 2 Закона Алтайского края от 4 мая 2016 г. № 30-ЗС «О парламентском контроле в Алтайском крае» под парламентским контролем понимается деятельность субъектов парламентского контроля, осуществляемая в целях контроля за соблюдением Устава (Основного закона) Алтайского края, исполнением законов и иных нормативных правовых актов, принятых Алтайским краевым Законодательным Собранием, в том числе за исполнением краевого бюджета и бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования Алтайского края, а также за соблюдением установленного порядка распоряжения государственной собственностью Алтайского края [34]. Указанное определение, не отражая особенности юридической природы парламентского контроля, идет по пути обозначения основных форм его осуществления субъектами парламентского контроля, отдельно устанавливая его цели и принципы.

При этом не предлагается законодательных дефиниций «предварительного», «текущего» и «последующего» парламентского контроля, хотя они упоминаются в тексте регионального нормативно-правового акта.

Законодательство Кировской области использует несколько иное понятие – «контрольная деятельность» Законодательного Собрания, при этом соответствующий Закон Кировской области на раскрывает его содержания, а формы осуществления контрольной деятельности определяются аналогично формам парламентского контроля [35].

Помимо понятийной стороны политико-правовых явлений, важное значение имеет регламентация отправных начал осуществления парламентского контроля, и в этом вопросе субъекты Федерации чаще всего идут по пути воспроизведения соответствующих норм Федерального закона «О парламентском контроле». А включение некоторыми субъектами Федерации в законы иных принципов, таких, например, как принцип целесообразности (Архангельская и Оренбургская области), порой вызывает определенные сомнения, поскольку они не всегда указываются в качестве самостоятельных принципов деятельности органов государственной власти вследствие многообразия подходов к трактовке их содержания в юридической доктрине. Принцип целесообразности может иметь различные аспекты реализации – политические, экономические, социальные и др.

Понятийно-категориальный аппарат института регионального парламентского контроля в отдельных субъектах был дополнен дефиницией такой формы парламентского контроля, как «парламентское расследование».

С позиции брянских законодворцев, депутатское расследование – «это форма осуществления контрольной деятельности Брянской областной Думы, совокупность процедур и действий, осуществляемых органом Брянской областной Думы, уполномоченным для проведения депутатского расследования» [36]. Парламентарии Костромской области уточнили определение депутатского расследования: «...это деятельность специально созданной депутатской комиссии для выяснения фактов и обстоятельств, представляющих большую общественную значимость для населения Костромской области и носящих негативный характер, а также для выяснения причин и условий их возникновения» [37]. Это определение присутствует и в правовом акте Еврейской автономной области. И, наконец, регламентация сущности института с детальным

перечислением объектов содержится в законах Ярославской и Ленинградской областей (формулировки полностью совпадают): «...депутатское расследование – деятельность комиссии по расследованию фактов нарушения соблюдения и исполнения областных законов при наличии обстоятельств, допускающих (допустивших) причинение вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, безопасности государства, а также возникновение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и имеющих большую общественную значимость» [38, 39].

В целом субъекты Российской Федерации, взяв за образец нормы Федерального закона от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» [40], приняли законы об аналогичной форме контроля, называя его чаще всего не парламентским, а депутатским расследованием (Республика Бурятия, Республика Дагестан, Архангельская, Брянская, Воронежская, Ленинградская, Ярославская области и др.).

Разнообразием отличаются закрепленные сроки проведения депутатского расследования: от трех месяцев (Костромская, Воронежская области) до одного года (г. Санкт-Петербург, Ярославская, Архангельская области). В некоторых субъектах срок депутатского расследования либо точно не определен (Брянская область), либо может быть продлен (Ярославская область). Отсутствует единообразие и в вопросе закрепления инициаторов депутатского расследования: чаще всего в качестве таковых может выступать группа депутатов (Еврейская автономная область, Ярославская область), либо число депутатов не указано (Ленинградская, Костромская, Брянская области). В Ленинградской области право инициировать расследование было предложено всем трем имеющимся в области уполномоченным (по правам ребенка, человека, предпринимателей) [38].

Исходя из вышесказанного, полагаем очевидной, при сохранении многообразия форм правовой регламентации парламентского контроля на региональном уровне, необходимость унификации понятийно-терминологического аппарата этого института, отражающего его сущность и характерные признаки, а также законодательного закрепления внутренних конститутивных принципов и процедур, обеспечивающих включение субъектов регионального парламентского контроля в систему мониторинга и процесса наблюдения, определения, оценки и информации об отклонениях действительных значений от

заданных в деятельности органов исполнительной власти и других структур государственного механизма на региональном уровне в целях соблюдения Конституции РФ, федерального и регионального законодательства, укрепления законности и защиты конституционных прав и свобод граждан.

Эмпирический анализ

К числу важнейших параметров регионального парламентского контроля относятся субъекты его реализации, собственно формы контроля, организационное и информационное обеспечение.

Следует отметить, что по сравнению с нормами федерального законодательства перечни субъектов парламентского контроля в субъектах Федерации характеризуются значительными различиями. Помимо органов законодательной власти субъекта, комитетов и комиссий, депутатов, контрольно-счетных палат, субъектами парламентского контроля указаны рабочие группы (Архангельская область), фракции (Калужская область), депутатская комиссия по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения депутатского расследования (Воронежская область), или специально созданный орган парламентского контроля – Контрольный комитет Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) [41].

Способы закрепления перечней субъектов парламентского контроля региональными парламентариями были выбраны различные: от лаконичного указания (например, в законе Владимирской области – «Законодательное Собрание или создаваемые ими органы») до детального перечисления всех видов субъектов (так поступили законодатели Магаданской области, включив в число субъектов контроля Магаданскую областную Думу; комитеты Магаданской областной Думы; комиссию Магаданской областной Думы по регламенту и депутатской этике; временные комиссии, рабочие группы, образованные Магаданской областной Думой в целях осуществления парламентского контроля; депутатов Магаданской областной Думы, Контрольно-счетную палату Магаданской области).

Региональная практика правовой регламентации форм парламентского контроля сформирована исходя из особенностей системы органов государственной власти конкретного субъекта Российской Федерации.

Если базовый Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» содержит закрытый перечень форм контроля

и включает в себя 18 позиций, то региональные парламентарии предусмотрели от 3 до 30 форм контроля. При этом в одних субъектах Российской Федерации перечень форм закрытый, в других – открытый.

Субъекты Российской Федерации закрепили в качестве форм контроля и такие, которые отсутствуют на федеральном уровне, например:

- истребование информации (Амурская, Иркутская области);

- образование рабочих групп для изучения работы по исполнению законов области и нормативных правовых актов и проведения проверок (Владимирская область); депутатские обращения (Калужская область);

- осуществление анализа правового регулирования по отдельным направлениям деятельности (Новгородская область);

- проверка результатов устранения нарушений, выявленных в ходе осуществления контрольных мероприятий (Новгородская область);

- заслушивание региональным законодательным органом власти ежегодных докладов о своей деятельности уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, а также ежегодного доклада Общественной палаты (Чеченская Республика, Архангельская, Магаданская области);

- заслушивание в целях получения информации по вопросам, связанным с обстоятельствами, носящими чрезвычайный характер, Председателя Центральной избирательной комиссии Республики (Республика Северная Осетия – Алания);

- проведение круглых столов, конференций, совещаний по вопросам, связанным с контролем (Вологодская область);

- отчет начальника УМВД по области о деятельности полиции (Брянская и Орловская области);

- рассмотрение вопроса о выражении недоверия губернатору (Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Кировская области);

- проведение мониторинга правоприменения нормативных правовых актов (Вологодская и Орловская области);

- рассмотрение ежегодного доклада о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения на территории области (Вологодская область);

- публичный отчет главы республики о результатах независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, которые расположены на территории республики и их учредителем

является республика, а также о принимаемых мерах по совершенствованию их деятельности (Республика Северная Осетия – Алания);

– участие парламентариев в работе координационных и совещательных органов правительства субъекта РФ (Республика Ингушетия);

– работа депутатов с избирателями, обращениями граждан (Кировская область);

– проведение депутатской проверки (Орловская, Иркутская области) и др.

Редкой формой контроля является закрепленная в законодательстве Астраханской области и Алтайского края интерpellация. Так, в законе Алтайского края регламентировано, что депутаты Законодательного Собрания в количестве не менее 1/3 от общего числа депутатов могут направить особый депутатский запрос губернатору с требованием сообщить письменно или устно о намерении решения проблем, имеющих общекраевое значение.

Анализ законодательного закрепления региональными парламентами процедурных вопросов осуществления различных форм парламентского контроля свидетельствует о лаконичности соответствующих правовых предписаний, плановом характере проведения контрольных процедур, воспроизведении на региональном уровне полномочий федерального законодательного органа по итогам проверочных мероприятий с некоторым расширением подобных возможностей.

К числу полномочий, которые сформулированы по аналогии с федеральными, относятся:

а) предложение главе субъекта, другим органам власти и руководителям организаций принять меры по устранению выявленных нарушений и привлечению должностных лиц к юридической ответственности, а также по устранению причин и условий, способствовавших совершению нарушений (Астраханская, Волгоградская, Магаданская, Оренбургская области и др.);

б) оценивание деятельности правительства субъекта РФ, руководителей иных исполнительных органов государственной власти субъекта РФ (Архангельская, Волгоградская, Магаданская области);

в) обращение в правоохранительные органы и органы государственного контроля и надзора (Архангельская, Астраханская, Волгоградская, Магаданская, Воронежская области);

г) освобождение от должности лица, назначение на должность и освобождение от должности которого отнесено к ведению органа законодательной власти субъекта РФ (Волгоградская, Магаданская, Оренбургская, Мурманская области);

д) обращение к лицам, имеющим в соответствии с законодательством право принимать решения об освобождении от должности лиц, деятельность которых, по мнению органа законодательной власти субъекта РФ, носила неудовлетворительный характер, либо право вносить представления об отстранении указанных лиц от должности (Архангельская, Волгоградская области).

Правомочия регионального законодательного органа власти по итогам проведенного контроля, не предусмотренные аналогичными нормами федерального законодательства о парламентском контроле, можно разделить на три группы:

1-я группа – принятие рекомендаций. Рекомендации могут быть адресованы главе субъекта Федерации, правительству и иным органам исполнительной власти субъекта РФ, органам местного самоуправления, руководителям организаций. Указанные рекомендации либо касаются вопросов совершенствования деятельности указанных органов при реализации законодательства субъекта РФ (Астраханская, Архангельская, Магаданская области), либо содержат предложения внести изменения в нормативные правовые акты, принятые ими в рамках реализации законов субъекта РФ (Архангельская область, Республика Бурятия);

2-я группа – решения кадрового характера. Сюда относится рассмотрение вопросов о недоверии главе субъекта Федерации, правительству региона, а также руководителям региональных исполнительных органов, в назначении которых участвовал орган законодательной власти субъекта РФ (Республика Северная Осетия – Алания, Республика Ингушетия, Магаданская, Оренбургская, Воронежская области);

3-я группа – предложения по дальнейшему взаимодействию с органами федеральной или региональной власти, выражающиеся, например, в направлении обращения органа законодательной власти субъекта РФ в федеральные органы государственной власти (Архангельская область), а также рекомендации правительству субъекта РФ о необходимости разработки им законопроекта (Архангельская, Магаданская области) или разработка депутатами органа законодательной власти субъекта РФ законопроекта субъекта РФ (Республика Ингушетия, Архангельская область, Чукотский автономный округ), проекта федерального закона для внесения его органом законодательной власти субъекта РФ в порядке реализации права законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Обращаясь к анализу практики применения норм о контрольной деятельности региональных законодателей, следует отметить, что довольно распространенной формой парламентского контроля в субъектах РФ являются парламентские слушания. Рекомендации по итогам парламентских слушаний адресованы широкому кругу лиц: главам субъектов РФ, региональным министрам, главам муниципальных образований, уполномоченным по правам человека, уполномоченным по правам ребенка, уполномоченным по правам коренных малочисленных народов – и включают в себя перечень достаточно конкретных мер, реализация которых направлена на преодоление недостатков, ставших предметом обсуждения на парламентских слушаниях. Как правило, результаты парламентских слушаний оформляются постановлением регионального законодательного собрания (например, Республика Саха (Якутия), Республика Мордовия [42, 43]), они привлекают широкое общественное внимание и публикуются в средствах массовой информации, на сайтах региональных парламентов и в справочно-правовых системах.

Изучение практики информационного сопровождения регионального парламентского контроля свидетельствует об отсутствии системности в информировании граждан о его результатах. Зачастую региональный законодатель ограничивается лишь общей нормой о том, что парламент обеспечивает общедоступность информации о парламентском контроле, в том числе через средства массовой информации и сеть «Интернет», за исключением информации ограниченного доступа, а на практике сведения об итогах парламентского контроля размещаются фрагментарно, поиск соответствующей информации на сайтах либо затруднен, либо она вообще отсутствует.

Результаты

Подытоживая обзор законодательства о парламентском (депутатском) контроле и аспектов его правоприменения на региональном уровне, констатируем наличие определенных тенденций:

а) многообразии форм источников права, в которых содержатся нормы о понятии, задачах, принципах, формах реализации контроля, создает двойственную ситуацию: с одной стороны, свидетельствует о формировании системы законодательства в сфере осуществления парламентского (депутатского) контроля; с другой стороны, порождает правовую неопределенность, приводит к наличию дефектов законодательства, пробелов, фрагментарности изложения процедурных вопросов или, напротив, избыточному дублированию федерального законодательства;

б) правовая активность региональных законодателей, направленная на повышение реализации контрольных полномочий парламента, нашла свое отражение в принятии специального законодательства (законов о парламентском или депутатском контроле), основанного на учете особенностей региональной системы власти;

в) имеется правовое дублирование не только федеральных норм, но и нередко буквальное копирование законодательных норм других субъектов Российской Федерации;

г) установление на региональном уровне более широкого спектра объектов парламентского контроля, а также нормативное закрепление разнообразных форм реализации контрольных полномочий позволяют подвергнуть контролю различные сферы отношений, изучить фактические данные о состоянии дел в различных сферах, затрагивающих интересы населения региона, что способствует получению объективной информации, необходимой, например, для планирования и корректировки законодательной деятельности в субъекте Федерации;

д) усиление контрольной деятельности региональных парламентов проявляется во введении на законодательном уровне обязательности отчетности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (однако не удалось найти правовые нормы, четко формулирующие юридические последствия признания результатов деятельности соответствующего лица региональными депутатами неудовлетворительными);

е) факт принятия субъектами Федерации специальных правовых актов способствовал развитию таких форм парламентского контроля, как проведение парламентских слушаний и депутатского расследования. Полагаем, что депутатские расследования могут быть действенным инструментом в системе сдержек и противовесов, однако потенциал данной формы в должной степени на практике пока не раскрыт. Примеры эффективной реализации норм о депутатском расследовании на региональном уровне найти проблематично;

ж) большинство закрепленных региональными парламентариями форм контроля имеют информационный или рекомендательный характер (слушания, отчеты, круглые столы), что не позволяет в полной мере обозначить влияние парламента на практику применения принимаемых законов в субъекте РФ;

з) фрагментарность размещения информации о планах контрольной деятельности парламентов субъектов Российской Федерации и их

реализации на официальных сайтах затрудняет проведение анализа эффективности той или иной формы контроля;

и) региональный парламентский контроль как государственно-правовой институт находится в стадии развития, нуждается в определенной поддержке на федеральном уровне и региональной унификации. Представляется перспективным принятие федерального закона «Об общих принципах парламентского контроля в субъектах Российской Федерации», который бы определял основные понятия, цели, принципы, субъектов, процедуры и параметры его осуществления в российских регионах.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).
2. О парламентском контроле : федер. закон от 7.05.2013 № 77-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2304; 2022. № 12, ст. 1785.
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2021 № 4314-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973.
4. *Зайцева И. В.* Формы непосредственного парламентского контроля за органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (На примере Дальневосточного федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 28 с.
5. *Лолаева А. С.* Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2014. 26 с.
6. *Петухова Н. В.* Парламентский контроль в системе народного представительства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 32с.
7. *Галуева В. А.* Отчеты высших исполнительных органов государственной власти как форма парламентского контроля в России: федеральный и региональный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2015. 26 с.
8. *Азаров Д. В.* Конституционно-правовое регулирование регионального парламентского контроля как механизма обеспечения разделения и взаимодействия властей в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 27 с.
9. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 (ред. от 24.11.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. О Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгея : закон Республики Адыгея от 10.07.2006 № 15 (ред. от 04.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. О контрольных полномочиях : закон Республики Бурятия от 07.10.2014 № 677-V. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области : закон Кировской области от 01.11.2022 № 119-ЗО // Законодательное Собрание Кировской области : [сайт]. URL: <https://zsko.ru/documents/local-laws/9734.html> (дата обращения: 10.11.2022).
13. О контроле за исполнением законов Пермского края : закон Пермского края от 06.03.2007 № 21-ПК. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. Об осуществлении Думой Ставропольского края контроля за соблюдением и исполнением законов Ставропольского края : закон Ставропольского края от 14.10.2002 № 43-КЗ (ред. от 30.05.2022) // Дума Ставропольского края : [сайт]. URL: <https://www.dumask.ru/official/zakonodatelnye-osnovy-deyatelnosti/item/2780> (дата обращения: 27.10.2022).
15. Об осуществлении Законодательной Думой Хабаровского края контроля за соблюдением и исполнением законов Хабаровского края : закон Хабаровского края от 26.03.2006 № 109 (ред. от 27.07.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/995108148> (дата обращения: 27.10.2022).
16. О порядке осуществления Государственным Собранием – Эл Курултай Республики Алтай контроля за соблюдением и исполнением законов Республики Алтай : закон Республики Алтай от 27.04.2009 № 10-РЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
17. О контроле Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан за исполнением законов Республики Башкортостан : закон Республики Башкортостан от 01.11.2011 № 457-з (ред. от 07.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. О контроле Государственным Советом Удмуртской Республики за исполнением законов Удмуртской Республики : закон Удмуртской Республики от 30.12.2005 № 85-рз (ред. от 07.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
19. О порядке осуществления Думой Чукотского автономного округа контроля за соблюдением и исполнением законов Чукотского автономного округа : закон Чукотского АО от 29.05.2006 № 51-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
20. О парламентском контроле в Республике Ингушетия : закон Республики Ингушетия от 04.06.2014 № 23-РЗ (ред. от 30.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
21. О парламентском контроле в Республике Татарстан : закон Республики Татарстан от 12.01.2016 г. № 2-ЗРТ (ред. от 27.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

22. О парламентском контроле в Чеченской Республике : закон Чеченской Республики от 07.07.2014 № 28-рз (ред. от 26.07.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/412385375> (дата обращения: 20.10.2022).
23. О парламентском контроле в Астраханской области : закон Астраханской области от 31.10.2017 № 64/2017-ОЗ (ред. от 30.08.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
24. О парламентском контроле : закон Волгоградской области от 20.12.2013 № 176-ОД (ред. от 11.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
25. О парламентском контроле в Магаданской области : закон Магаданской области от 03.06.2016 № 2042-ОЗ (ред. от 09.08.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
26. О депутатском расследовании Народного Хурала Республики Бурятия : закон Республики Бурятия от 13.11.2014 № 765-V (ред. от 29.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
27. О парламентском расследовании Народного Собрания Республики Дагестан : закон Республики Дагестан от 27.12.2011 г. № 93 (ред. от 04.07.2014). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
28. О парламентском расследовании : закон Чеченской Республики от 20.05.2007 № 25-рз (ред. от 23.04.2018). URL: <https://docs.cntd.ru/document/906801489> (дата обращения: 20.10.2022).
29. О порядке внесения и рассмотрения депутатского запроса : закон города Москвы от 22.11.1995 № 24. (ред. от 04.04.2001). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
30. О порядке внесения и рассмотрения депутатских запросов : закон Санкт-Петербурга от 06.03.2013 № 99-19 (ред. от 08.04.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
31. О статусе депутата краевого Законодательного Собрания : закон Алтайского края от 11.02.2011 № 7-ЗС (ред. от 31.08.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/940001152> (дата обращения: 27.10.2022).
32. О статусе депутата Народного Собрания Республики Дагестан : закон Республики Дагестан от 13.07.1995 № 1 (ред. от 11.11.2022 URL: <https://docs.cntd.ru/document/802037539> (дата обращения: 27.11.2022).
33. О статусе депутата Законодательного Собрания Республики Карелия : закон Республики Карелия от 25.07.2002 № 612-ЗПК. URL: <https://docs.cntd.ru/document/919312094> (дата обращения: 27.10.2022).
34. О парламентском контроле в Алтайском крае : закон Алтайского края от 04.05.2016 № 30-ЗС (ред. от 31.08.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.10.2022).
35. О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области : закон Кировской области от 01.11.2022 № 119-ЗО // Правительство Кировской области : [сайт]. URL: <http://kirovreg.ru> (дата обращения: 02.11.2022).
36. О депутатском расследовании : закон Брянской области от 11.10.2006 № 88-з (ред. от 06.11.2007). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
37. О депутатском расследовании Костромской областной Думы : закон Костромской области от 12.06.2006 № 49-4-ЗКО (ред. от 26.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
38. О депутатском расследовании Законодательного собрания Ленинградской области : закон Ленинградской области от 30.11.2018 № 126-оз (ред. от 07.10.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
39. О депутатском расследовании Ярославской областной Думы : закон Ярославской области от 06.10.2015 № 80-з (ред. от 29.11.2018). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
40. О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ (ред. от 07.05.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 1, ст. 7 ; 2013. № 19, ст. 2315.
41. О контрольном комитете Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 16.03.1995 3 № 55-I (ред. от 21.10.2021). URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911716> (дата обращения: 21.10.2022).
42. О рекомендациях парламентских слушаний на тему «О развитии научно-технического потенциала Республики Саха (Якутия)» : постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 17.02.2021 ГС № 582-VI. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406233316> (дата обращения: 19.10.2022).
43. О рекомендациях парламентских слушаний на тему «О стратегических направлениях развития Республики Мордовия» : постановление Государственного Собрания Республики Мордовия от 01.12.2021 № 81-VIII. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577998155> (дата обращения: 19.10.2022).

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 6 October 2022) (in Russian).
2. On parliamentary control. Federal Law 77-FZ of 7.05.2013 (an edition of 14.03.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2013, no. 19, art. 2304; 2022, no. 12, art. 1785 (in Russian).
3. On the general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation. Federal

- Law 4314-FZ of 21.12.2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 52 (pt. I), art. 8973 (in Russian).
4. Zajceva I. V. *Forms of Direct Parliamentary Control Over the Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation: By the example of the Far Eastern Federal districts*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Vladivostok, 2004. 28 p. (in Russian).
 5. Lolaeva A. S. *Parliamentary Control in the Subjects of the Russian Federation: Issues of Theory and Practice*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2014. 26 p. (in Russian).
 6. Petukhova N. V. *Parliamentary Control in the System of the People's Representation of the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2017. 32 p. (in Russian).
 7. Galueva V. A. *Reports of the Highest Executive Bodies of State Power as a Form of Parliamentary Control in Russia: Federal and Regional Aspects*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Rostov-on-Don, 2015. 26 p. (in Russian).
 8. Azarov D. V. *Constitutional and Legal Regulation of Regional Parliamentary Control as a Mechanism for Ensuring Separation and Interaction of Authorities in the Subjects of the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2014. 27 p. (in Russian).
 9. Constitution (Basic Law) of the Republic of Sakha (Yakutia) of 04.04.1992 (an edition of 24.11.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 10. On the State Council – Khase of the Republic of Adygea. Law of the Republic of Adygea 15 of 10.07.2006 (an edition of 04.07.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 11. On control powers. Law of the Republic of Buryatia 677-V of 07.10.2014. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 12. On the control activities of the Legislative Assembly of the Kirov region. Law of the Kirov region 119-ZO of 01.11.2022. *Legislative Assembly of the Kirov region*. Site. Available at: <https://zsko.ru/documents/local-laws/9734.html> (accessed 10 November 2022) (in Russian).
 13. On control over the execution of the laws of the Perm Krai. Law of the Perm Krai 21-PC of 06.03.2007. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 14. On the implementation of control over the observance and enforcement of the laws of the Stavropol Krai by the Duma of the Stavropol Krai. Law of the Stavropol Krai 43-KZ of 14.10.2002 (an edition of 30.05.2022). *Duma of the Stavropol Krai*. Site. Available at: <https://www.dumask.ru/official/zakonodatelnye-osnovydeyatelnosti/item/2780> (accessed 27 November 2022) (in Russian).
 15. *On the implementation of control over the observance and enforcement of the laws of the Khabarovsk Krai by the Legislative Duma of the Khabarovsk Krai*. Law of the Khabarovsk Krai 109 of 26.03.2006 (an edition of 27.07.2022). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/995108148> (accessed 27 November 2022) (in Russian).
 16. On the procedure for the implementation of control over the observance and execution of the laws of the Altai Republic by the State Assembly – El Kurultai of the Altai Republic. Law of the Altai Republic 10-RZ of 27.04.2009. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 17. On control over the execution of the laws of the Republic of Bashkortostan. Law of the Republic of Bashkortostan 457-z of 01.11.2011 (an edition of 07.12.2020). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 18. On the control over the execution of the laws of the Udmurt Republic by the State Council of the Udmurt Republic. Law of the Udmurt Republic 85-rz of 30.12.2005 (an edition of 07.07.2016). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 19. On the procedure for the implementation of control over the observance and enforcement of the laws of the Chukotka Autonomous Okrug by the Duma of the Chukotka Autonomous Okrug. Law of the Chukotka Autonomous Okrug 51-OZ of 29.05.2006. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 20. On Parliamentary Control in the Republic of Ingushetia. Law of the Republic of Ingushetia 23-RZ of 04.06.2014 (an edition of 30.10.2017). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 21. On parliamentary control in the Republic of Tatarstan. Law of the Republic of Tatarstan 2-ZRT of 12.01.2016 (an edition of 27.06.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 22. *On Parliamentary control in the Chechen Republic*. Law of the Chechen Republic 28-rz of 07.07.2014 (an edition of 26.07.2022). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/412385375> (accessed 20 November 2022) (in Russian).
 23. On Parliamentary control in the Astrakhan Region. Law of the Astrakhan Region 64/2017-OZ of 31.10.2017 (an edition of 30.08.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 24. On Parliamentary control. Law of the Volgograd Region 176-OD of 20.12.2013 (an edition of 11.03.2015). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 25. On parliamentary control in the Magadan Region. Law of the Magadan Region 2042-OZ of 03.06.2016 (an edition of 09.08.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 26. On the deputy investigation of the People's Hural of the Republic of Buryatia. Law of the Republic of Buryatia 765-V of 13.11.2014 (an edition of 29.04.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 27. On the parliamentary investigation of the People's Assembly of the Republic of Dagestan. Law of the Republic of Dagestan 93 of 27.12.2011 (an edition of 04.07.2014). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 28. *On parliamentary investigation*. Law of the Chechen Republic 25-rz of 20.05.2007 (an edition of 23.04.2018). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/906801489> (accessed 20 November 2022) (in Russian).

29. On the procedure for submitting and considering a deputy's request. Law of the City of Moscow 24 of 22.11.1995 (an edition of 04.04.2001). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
30. On the procedure for submitting and considering deputy requests. Law of St. Petersburg 99-19 of 06.03.2013 (an edition of 08.04.2016). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
31. *On the status of a deputy of the regional Legislative Assembly. Law of the Altai Krai 7-ZS of 11.02.2011 (an edition of 31.08.2022)*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/940001152> (accessed 27 October 2022) (in Russian).
32. *On the status of a deputy of the People's Assembly of the Republic of Dagestan. Law of the Republic of Dagestan 1 of 13.07.1995 (an edition of 11.11.2022)*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/802037539> (accessed 27 November 2022) (in Russian).
33. *On the status of a deputy of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia. Law of the Republic of Karelia 612-ZRK of 25.07.2002*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/919312094> (accessed 27 October 2022) (in Russian).
34. On parliamentary control in the Altai Krai. Law of the Altai Krai 30-ZS of 04.05.2016 (an edition of 31.08.2022). *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 27 October 2022) (in Russian).
35. On the control activities of the Legislative Assembly of the Kirov region: Law of the Kirov region dated 01.11.2022 No. 119-ZO. *Government of the Kirov region*. Site. Available at <http://kirovreg.ru> (accessed 27 October 2022) (in Russian).
36. On the deputy investigation. Law of the Bryansk Region 88-z of 11.10.2006 (an edition of 06.11.2007). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
37. On the deputy investigation of the Kostroma Regional Duma. Law of the Kostroma Region 49-4-ZKO of 12.06.2006 (an edition of 26.04.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
38. On the deputy investigation of the Legislative Assembly of the Leningrad Region. Law of the Leningrad Region 126-oz of 30.11.2018 (an edition of 07.10.2022). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
39. On the deputy investigation of the Yaroslavl Regional Duma. Law of the Yaroslavl region 80-z of 06.10.2015 (an edition of 29.11.2018). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
40. On the Parliamentary Investigation of the Federal Assembly of the Russian Federation. Federal Law 196-FZ of 27.12.2005. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 1, art. 7; 2013, no. 19, art. 2315 (in Russian).
41. *On the Control Committee of the State Assembly (Il Tumen) Republic of Sakha (Yakutia). Law of the Republic of Sakha (Yakutia) Z 55-I of 16.03.1995 (an edition of 21.10.2021)*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/804911716> (accessed 21 October 2022) (in Russian).
42. *On the recommendations of the parliamentary hearings on the topic "On the development of the scientific and technical potential of the Republic of Sakha (Yakutia)". Resolution of the State Assembly (Il Tumen) Republic of Sakha (Yakutia) GS no. 582-VI of 17.02.2021*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406233316> (accessed 19 October 2022). (in Russian).
43. *On the recommendations of the parliamentary hearings on the topic "On strategic directions of development of the Republic of Mordovia". Resolution of the State Assembly of the Republic of Mordovia no. 81-VII P of 01.12.2021*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/577998155> (accessed 19 October 2022) (in Russian).

Поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 72–78

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 72–78

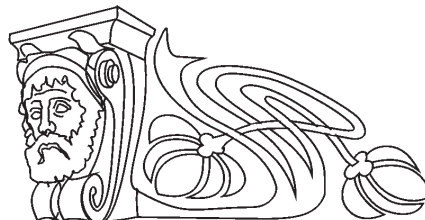
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-72-78>, EDN: FLVEYT

Научная статья

УДК 347.254

Проблемные аспекты судебной защиты прав собственников жилых помещений при переселении из аварийного жилья в Российской Федерации

Е. В. Бердникова ✉, С. Н. Соловых

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бердникова Елена Валерьевна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Соловых Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, solovih.sergej@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2588-3853>

Аннотация. Введение. Одним из наиболее актуальных и одновременно проблемных направлений защиты жилищных прав в России выступает защита прав граждан при переселении из ветхого и аварийного жилья. Расселение из непригодного для проживания жилищного фонда является одним из важнейших направлений социальной политики Российской Федерации. Вместе с тем не всегда и не во всех субъектах Российской Федерации процесс переселения граждан проходит бесконфликтно и с соблюдением требований федерального законодательства. Нередко права граждан нарушаются органами местного самоуправления, ответственными за их расселение, что заставляет их прибегать к судебным и иным процедурам юридической защиты. **Теоретический анализ.** Внесение изменений в Жилищный кодекс РФ в части введения в действие ч. 8.2 ст. 32 создало правовую неопределенность в понимании вопросов развития жилищных правоотношений во времени и содержания принципа обратной силы закона. На практике это привело к многочисленным судебным спорам между органами местного самоуправления, настаивающими на необходимости прямого непосредственного применения данной нормы, и гражданами, которые приобрели в собственность жилые помещения в домах, признанных аварийными, и утратили право на получение нового жилья взамен непригодного для проживания. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что суды первой, апелляционной и кассационной инстанций при рассмотрении одной и той же категории дел по-разному применяют нормы ч. 8.2 ст. 32 Жилищного кодекса РФ. В одних случаях суды принимали сторону органов местного самоуправления, определяя жилищные отношения как длящиеся во времени, другие вставали на защиту позиций граждан, которые апеллировали к фактам приобретения жилья и включения их в региональные ведомственные программы по переселению до внесения соответствующих изменений в жилищное законодательство. Важную роль в устранении неопределенности в судебной практике сыграл Верховный Суд РФ, своим решением подтвердивший правильность позиций граждан. **Результаты.** Предложены направления совершенствования действующего жилищного законодательства, которые позволят обеспечить в том числе соблюдение и защиту прав граждан

Ключевые слова: жилищное законодательство, аварийное жилье, защита жилищных прав граждан, жилищные правоотношения

Для цитирования: Бердникова Е. В., Соловых С. Н. Проблемные аспекты судебной защиты прав собственников жилых помещений при переселении из аварийного жилья в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 72–78. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-72-78>, EDN: FLVEYT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problematic aspects of judicial protection of the rights of owners of residential premises during relocation from unsafe housing in the Russian Federation

E. V. Berdnikova ✉, S. N. Solovykh

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Berdnikova, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Sergei N. Solovykh, solovih.sergej@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2588-3853>

Abstract. Introduction. One of the most relevant and at the same time problematic areas of protection of housing rights in Russia is the protection of the rights of citizens during relocation from dilapidated and unsafe housing. The resettlement from the uninhabitable housing stock is one of the most important areas of the social policy of the Russian Federation. At the same time, the process of resettlement of

citizens does not always and not in all subjects of the Russian Federation proceed without conflict and in compliance with the requirements of federal legislation. The rights of citizens are often violated by local governments responsible for their resettlement, which forces them to resort to judicial and other legal protection procedures. **Theoretical analysis.** The introduction of amendments to the Housing Code of the Russian Federation in terms of the introduction of part 8.2 of article 32 created legal uncertainty in understanding the development of housing legal relations over time and the content of the principle of retroactive effect of the law. In practice, this has led to numerous litigations between local governments, that insist on the need for direct application of this rule, and citizens who have acquired ownership of residential premises in houses recognized as unsafe and have lost the right to receive new housing instead of uninhabitable. **Empirical analysis.** It was revealed that the courts of the first appeal and cassation instances, when considering the same category of cases, apply the norms of part 8.2 of article 32 of the Housing Code of the Russian Federation in different ways. In some cases, the courts took the side of local governments, defining housing relations as continuing in time, others defended the positions of citizens who appealed to the facts of acquiring housing and including them in regional departmental resettlement programs before the relevant changes to housing legislation were made. An important role in eliminating uncertainty in judicial practice was played by the Supreme Court of the Russian Federation, which, by its decision, confirmed the correctness of the positions of citizens. **Results.** The authors proposed the directions for improving the current housing legislation, which, according to their opinion, will ensure, among other things, the observance and protection of the rights of citizens.

Keywords: housing legislation, unsafe housing, protection of citizens' housing rights, housing legal relations

For citation: Berdnikova E. V., Solovykh S. N. The problematic aspects of judicial protection of the rights of owners of residential premises during relocation from unsafe housing in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 72–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-72-78>, EDN: FLVEYT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одним из наиболее актуальных и одновременно проблемных направлений защиты жилищных прав в России выступает защита прав граждан при переселении из ветхого и аварийного жилья. По состоянию на 2021 г. согласно данным, содержащимся в Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года, из 2,5 млрд кв. м жилого фонда многоквартирных домов около 100 млн кв. м жилья имеет износ более 65% [1]. В среднем ежегодный прирост аварийного жилья в России составляет порядка 2 млн кв. м, что говорит о весьма высокой степени интенсивности данного процесса и приводит к тому, что не все жители аварийных домов переселяются в назначенные сроки и продолжают проживать в помещениях, представляющих зачастую угрозу жизни и здоровью граждан. Основные трудности полноценной реализации государственной жилищной политики в данном направлении включают весьма широкий спектр проблем социально-экономического характера. В частности, к ним следует отнести и высокие темпы прироста аварийного жилья, превышающие показатели процесса расселения непригодного жилищного фонда, и низкую бюджетную обеспеченность регионов, в связи с чем не всегда возможно реализовать строительство комфортного жилья для переселенцев, и иные риски, которые напрямую влияют на скорость и качество действующего механизма для «аварийников».

Расселение из непригодного для проживания жилищного фонда – одно из важнейших направлений социальной политики Российской

Федерации, в рамках которой реализуется национальный проект «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда», направленный на предоставление нового и комфортного жилья лицам, включенным в программы переселения. Президент РФ В. В. Путин неоднократно отмечал, что аварийное жилье является одной из ключевых проблем в стране. Глава государства в ходе рабочих встреч и выступлений постоянно акцентирует внимание членов Правительства РФ и руководителей российских регионов на необходимости ускорения процесса переселения граждан из «трущоб».

Во многих регионах Российской Федерации разработаны и утверждены адресные программы по переселению граждан из аварийного и ветхого жилищного фонда, которые предусматривают поэтапное решение проблемы с учетом возможностей бюджетного финансирования всех уровней и привлечения внебюджетных ресурсов [2, с. 82]. Вместе с тем не всегда и не во всех субъектах РФ процесс переселения граждан проходит бесконфликтно и с соблюдением требований федерального законодательства. Нередко права граждан нарушаются органами местного самоуправления, ответственными за их расселение, что заставляет «аварийников» прибегать к судебным и иным процедурам юридической защиты. Так, Н. Н. Никифорова отмечает, что местная администрация, расселяющая аварийное жилье, нередко стремится предоставить выселяемым собственникам другое специально построенное для этих целей помещение, которое их не устраивает ни по размеру, ни по месту расположения, ни по качеству. Попытки принудительно переселить

собственников в такое жилье носят массовый характер, о чем свидетельствуют материалы судебной практики [3, с. 75].

Теоретический анализ

Действующее законодательство достаточно четко закрепляет механизм расселения аварийного жилья, системообразующие нормы, регулирующие данную сферу, содержатся в Жилищном кодексе РФ [4] и ряде иных федеральных законов. Вместе с тем новелла п. 8.2 ст. 32 ЖК РФ, введенного в соответствии с изменениями от 27.12.2019 г., вызвала не только широкий общественный резонанс, но и всплеск судебных гражданских дел, в которых участниками стали сотни жителей аварийных домов, включенных в региональные целевые программы по переселению на 2019–2024 гг. Основной смысл данных нововведений заключался в том, что граждане, приобретшие право собственности на жилое помещение в многоквартирном доме после признания его в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, имеют право только на выплату возмещения за изымаемое жилое помещение, размер которого не может превышать стоимости приобретения ими такого жилого помещения. Исключение составили лишь граждане, право собственности у которых в отношении таких жилых помещений возникло в порядке наследования. Для них, как и для иных жильцов, приобретших право собственности до признания дома аварийным, Жилищным кодексом РФ установлен механизм, предполагающий право выбора собственника: предоставление либо компенсации, либо жилого помещения, что подтверждается и многочисленными позициями Верховного Суда РФ.

Жилищный кодекс РФ закрепляет в ч. 8 ст. 32 возможность предоставления нового жилого помещения взамен изымаемого на основе соглашения, заключаемого между органом власти и собственником.

Право выбора компенсации либо нового жилья для собственника изымаемого помещения отражено в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой в случае если жилой дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения в таком доме в силу п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» [5] имеет право на предоставление другого жилого помещения в собственность либо его выкуп.

При этом собственник жилого помещения имеет право выбора любого из названных способов обеспечения его жилищных прав [6].

Жилищное законодательство устанавливает широкий состав компенсационной выплаты для собственников изымаемых аварийных помещений, в который должна включаться рыночная стоимость самого изымаемого помещения, а также общего имущества в многоквартирном доме (лифты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, инженерные коммуникации, крыши, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование и т.д.) с учетом доли в праве общей собственности. Кроме того, при определении размера компенсационной выплаты в связи с изъятием должны учитываться все убытки, которые несет собственник, обусловленные изменением места жительства, необходимостью временной аренды иного помещения, переездом, оплатой услуг риэлтора, оформлением права собственности, в том числе упущенную выгоду. Верховный Суд РФ расширил нормативное содержание выкупной цены жилого помещения, установив, что гражданам может принадлежать на праве общей собственности и земельный участок, в отношении которого проведен государственный кадастровый учет [7], что, в свою очередь, детерминирует включение в расчет еще и доли в праве собственности на земельный участок. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, содержащейся в Обзоре судебной практики от 29 апреля 2014 г., выкупная цена изымаемого жилого помещения также включает в себя сумму компенсации за непроизведенный капитальный ремонт [6]. Вместе с тем, как отмечает И. В. Попова, в настоящее время визуализируется отсутствие единого, общепризнанного подхода к определению выкупной цены за аварийное жилье, а потому ввиду отсутствия единой общепринятой методики в каждом регионе выкупная стоимость определяется оценщиками с учетом собственного опыта и представлений собственника относительно размера возмещения [8, с. 34].

Так или иначе, действующее жилищное законодательство устанавливает отдельный порядок расчета размера возмещения за изымаемое жилое помещение для граждан, которые приобрели право собственности в многоквартирном доме после признания его в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу или реконструкции в соответствии с ч. 8.2 ст. 32 ЖК РФ. В целом данное нововведение имеет благие цели и призвано пресечь злоупотребления в виде мошенничества в процедурах переселе-

ния из аварийного жилья [9], которые до этого имели место в отдельных регионах. Вместе с тем усовершенствование ст. 32 Жилищного кодекса РФ продемонстрировало на практике и обратный эффект, послужив отправной точкой многочисленных неправомерных действий органов местного самоуправления, которые стали применять данную норму непосредственно с момента внесения указанных изменений к гражданам, которые приобрели право собственности на жилое помещение после признания дома аварийным, но уже являлись участниками утвержденной программы переселения, что, по сути, противоречит тому же жилищному законодательству, так как в ч. 1 ст. 6 ЖК РФ указано, что акты жилищного законодательства не имеют обратной силы и применяются к жилищным отношениям, возникшим после введения их в действие.

В результате неправильного истолкования и применения ч. 8.2 ст. 32 ЖК РФ пострадала значительная часть добросовестных приобретателей, которые не были проинформированы надлежащим образом об аварийности жилых помещений, поскольку ни в договорах купли-продажи, ни в документах, выданных государственным регистрирующим органом, не содержалось указания на то, что приобретаемое жилье расположено в доме, признанном аварийным. Кроме того, законодательство не содержало и до сих пор не содержит запрета на приобретение в собственность жилых помещений в домах, признанных аварийными и подлежащими сносу. Согласно ч. 5 ст. 32 Жилищного кодекса РФ собственник жилого помещения даже после вынесения органом публичной власти решения об изъятии земельного участка, на котором расположен аварийный дом, может владеть, пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению вплоть до заключения соглашения об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд либо вступления в законную силу решения суда о его принудительном изъятии.

Определенные позитивные изменения в части информирования покупателей об аварийности приобретаемого жилья появились сравнительно недавно: 26 мая 2021 г. в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» были внесены изменения, устанавливающие, что выписка из Единого государственного реестра недвижимости должна содержать в том числе сведения о признании многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции и (или) о признании жилого помещения, в том числе жилого дома, непригодным для проживания [10].

Эмпирический анализ

Судебная практика, образовавшаяся в связи с вступлением в силу п. 8.2 ст. 32 ЖК РФ, продемонстрировала диаметрально противоположный подход к тому, должна ли данная норма применяться к тем, кто приобрел жилое помещение в аварийном доме после признания его таковым, но до ее введения в действие. Анализ вынесенных судебных решений по жилищным спорам между гражданами и органами публичной власти говорит о разном подходе судей к пониманию обратной силы закона. В частности, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2020 говорится о том, что отношения, регулируемые жилищным законодательством, как правило, носят длящийся характер, и, соответственно, права и обязанности субъектов этих отношений могут возникать и после того, как возникло само правоотношение, а потому если на момент вынесения судебного решения не предусмотрено предоставление равнозначного помещения, то и основания для этого отсутствуют [11]. При этом суды, выносящие решения в пользу органов власти, как правило, игнорировали в целом положения ст. 6 ЖК РФ, обеспечивающие стабильность и определенность жилищных правоотношений.

В отдельных случаях органы власти, неверно толкуя нормы материального права, апеллировали к тому, что на момент введения в действия ч. 8.2 ст. 32 ЖК РФ правоотношения, связанные с признанием многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу, а также последующим расселением проживающих в нем лиц, являлись длящимися, поскольку решение об изъятии земельного участка, на котором расположен аварийный дом, не было принято. А значит, в процессе таких правоотношений на различных их этапах возникают жилищные права и обязанности, при урегулировании которых необходимо учитывать изменения норм материального права.

Неопределенности в данном вопросе добавило и Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 17.04.2020 № 15026-МЕ/06, из которого следует, что под действие ч. 8.2 ст. 32 Жилищного кодекса РФ подпадают все случаи перехода права собственности (кроме наследования) после даты признания многоквартирного дома аварийным. Таким образом, при изъятии жилого помещения (заключения с конкретным собственником соглашения об изъятии), осуществляемом после 28.12.2019, размер возмещения за изымаемое жилое помещение должен определяться в соответствии с ч. 7 ст. 32 ЖК РФ с учетом положений ч. 8.2 ст. 32 Жилищного ко-

декса [12]. Несмотря на то что данный документ не является нормативным правовым актом, носит не обязательный, а рекомендательный характер, судьи всех инстанций активно использовали его положения при вынесении решений.

По общим правилам жилищного законодательства жилой дом признается аварийным на основании решения органа публичной власти, в котором, помимо прочего, указывается срок расселения и сноса. При этом зачастую в связи с бездействием администраций муниципальных образований данный пункт документа не исполняется вовремя, что также приводит к тому, что решение органов власти об изъятии земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, признанный аварийным, принимается по истечении многих лет. Действующее законодательство не содержит четкого указания, когда должно быть принято решение об изъятии земельного участка, что, на наш взгляд, является не совсем верным. Поскольку жилой дом признается аварийным, именно с момента вынесения данного решения у администрации должна возникать обязанность по обеспечению условий для осуществления гражданами права на безопасное жилище, в том числе путем изъятия для муниципальных нужд как земельного участка, на котором расположен дом, так и каждого жилого помещения в указанном доме в целях исполнения обязанности по ликвидации аварийного жилищного фонда и переселения граждан.

Включение жилого помещения, находящегося в доме, признанном аварийным, в ведомственную целевую программу по переселению из аварийного жилищного фонда должно рассматриваться как юридический факт для возникновения правоотношений, регулируемых действующим жилищным законодательством. Таким образом, суды в спорах граждан с органами власти должны были учитывать при вынесении решения факт приобретения жилых помещений до принятия соответствующих изменений, а также факт включения их в программу переселения из аварийного жилья.

В настоящее время сформирована устоявшаяся судебная практика кассационных судов, согласно которой доводы органов местного самоуправления о том, что право собственности на жилое помещение возникло у граждан после признания многоквартирного жилого дома аварийным и подлежащим сносу, в связи с чем они имеют право только на выплату возмещения в определенном законом размере, а предоставление равнозначного жилого помещения действующим законодательством не предусмотрено, основаны на неверном толковании норм права [13].

Думается, что юридическую точку в огромном массиве судебных дел поставил Верховный Суд РФ, который своими решениями обеспечил правовую защиту прав граждан в спорах с органами местного самоуправления. Во-первых, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, сформулированной в Кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2021 № 48-КАД20-12-К7, объектом региональной адресной программы является жилищный фонд как совокупность жилых помещений многоквартирных домов, признанных в установленном порядке аварийными, подлежащими сносу и расселению, а потому администрация не вправе произвольно выводить за рамки действия данной программы отдельное помещение, расположенное в них. Во-вторых, Верховный Суд РФ разъяснил правила применения норм жилищного законодательства во времени следующим образом: «...общим принципом действия норм жилищного права во времени законодателем определен принцип прямого действия во времени. Реализация данного принципа действия нормативного акта во времени в том числе предполагает, что все случаи ретроактивности (обратной силы) и ультраактивности (переживания) должны быть прямо перечислены в тексте нормативного акта, содержащего нормы жилищного права» [14]. Верховный Суд РФ указал, что право собственности на спорное жилое помещение у заявителя возникло до принятия соответствующих новелл, при этом федеральный закон, которым данные изменения были внесены, не содержал положений о распространении нового правового регулирования на отношения, возникшие из договоров, заключенных до его вступления в силу, в связи с чем норма ч. 8 ст. 32 ЖК РФ, как не имеющая обратной силы, не может применяться к такого рода жилищным спорам.

Нормы жилищного права должны реализовываться на основе принципа прямого действия во времени, и отсутствие в федеральном законе оговорки о его обратной силе должно трактоваться в пользу заявителя, который имеет право на возмещение за изымаемое имущество по правилам, установленным до внесения соответствующих изменений, поскольку, действуя добросовестно в условиях правовой определенности, собственник был вправе рассчитывать на защиту своих прав с учетом действующего на момент приобретения жилого помещения законодательства.

Фактически доводы органов местного самоуправления, которые апеллировали к применению в вышеупомянутых судебных делах норм

ч. 8.1 и 8.2 ст. 32 Жилищного кодекса РФ, входят в противоречие с фундаментальным принципом, сформулированным в ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, запрещающей издание в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина. Кроме того, согласно сформулированной в решениях Конституционного Суда Российской Федерации правовой позиции принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства играет ключевую роль и должен соблюдаться при реализации законодательной политики государства, особенно в процессе регулирования социальной сферы. В содержание данного принципа высший орган конституционного правосудия включает правовую определенность, сохранение стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной и правоприменительной политики. Это видится особенно важным в первую очередь для граждан как субъектов соответствующих правоотношений, которые должны в целом предвидеть последствия своего правового поведения, быть уверены в неизменности своего правового статуса и приобретаемых на его основе государственных гарантий и защиты, т. е. в том, что их действующие на данный момент права и свободы будут уважаться и реализовываться в будущем (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П, от 2 мая 2020 г. № 32-П и др.).

Результаты

Исходя из вышесказанного, можно предложить следующие направления совершенствования действующего жилищного законодательства, которые, на наш взгляд, позволят обеспечить в том числе соблюдение и защиту прав граждан.

1. Наложить полный запрет на сделки с жилыми помещениями, находящимися в многоквартирных домах, признанных аварийными, с момента вынесения решения о признании дома непригодным для проживания.

2. В целях минимизации рисков бездействия органов местного самоуправления при переселении граждан из аварийного жилья, к которым в первую очередь можно отнести непринятие мер, определенных ч. 10 ст. 32 Жилищного кодекса РФ, следует закрепить в жилищном законодательстве четкие сроки издания органом местного самоуправления решения об изъятии земельного участка и помещений, расположенных в аварийном доме.

3. В процессе расселения аварийных домов визуализируется еще одна проблема, связанная с тем, что аварийное жилье расселяется неравномерно: часть жильцов получают новое жилье или компенсацию и освобождают занимаемые аварийные помещения, а часть жильцов в силу разных причин остаются проживать в данном здании. В связи с вышесказанным в целях обеспечения безопасности жильцов аварийных домов следует предусмотреть обязанность органов местного самоуправления соблюдать жесткие сроки и требования единовременного расселения всех жилых помещений аварийного дома в их совокупности.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 45, ст. 7815.
2. Матияшук С. В. Расселение граждан из ветхого и аварийного жилья // Гражданин и право. 2009. № 8. С. 82–84.
3. Никифорова Н. Н. Защита прокурором конституционного права граждан на жилище при расселении аварийного жилья // Криминалист. 2019. № 4 (29). С. 73–77.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. 1), ст. 14 ; 2022. № 48, ст. 8330.
5. О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства : федер. закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.12.2022).
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 4.
8. Попова И. В. Особенности определения выкупной цены аварийного жилья // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2019. № 1–2 (29–30). С. 33–41.
9. Генпрокуратура : В Саратове чиновники помогли аферистке похитить более 10 миллионов при реализации федеральной программы переселения. URL: <https://nversia.ru/news/genprokuratura-v-saratove-chinovniki->

- pomogli-aféristke-pohitit-bolee-10-millionov-pri-realizacii-federalnoy-programmy-pereseleniya/ (дата обращения: 12.12.2022).
- О государственной регистрации недвижимости : федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2022).
 - Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2020 г. № 88-14728/2020. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9410699&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 12.12.2022).
 - О переселении граждан из аварийного жилищного фонда : письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 17.04.2020 № 15026-МЕ/06. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 - Определение Первого кассационного суда от 13.05.2021 № 88-9708/2021. URL: http://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10231938&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 12.12.2022).
 - Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 1-КГ22-9-К3 от 12.07.2022. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2138618 (дата обращения: 12.12.2022).
 - Review of judicial practice in cases related to ensuring the housing rights of citizens in the event that a residential building is recognized as emergency and subject to demolition or reconstruction (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.04.2014). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2014, no. 7 (in Russian).
 - Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the third quarter of 2012 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2012). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no. 4 (in Russian).
 - Popova I. V. Features of determination of the redemption price of the hazardous dwelling. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, Systems, Networks in the Economy, Technology, Nature and Society], 2019, no. 1–2 (29–30), pp. 33–41 (in Russian).
 - Genprokuratura: V Saratove chinovniki pomogli aferistke pokhitit' bolee 10 millionov pri realizatsii federal'noy programmy pereseleniya* (Prosecutor General's Office: Officials in Saratov helped a swindler steal more than 10 million during the federal resettlement program). Available at: <https://nversia.ru/news/genprokuratura-v-saratove-chinovniki-pomogli-aféristke-pohitit-bolee-10-millionov-pri-realizacii-federalnoy-programmy-pereseleniya> (accessed 12 December 2022) (in Russian).
 - On state registration of real estate. Federal Law 218-FZ of 13.07.2015 (an edition of 28.12.2022). *Oftisial'nyi internet-portal pravovoy informatsii* (Official Internet portal of legal information). Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed 28 December 2022) (in Russian).
 - Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 24.09.2020 no. 88-14728/2020*. Available at: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9410699&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (accessed 12 December 2022) (in Russian).
 - On the resettlement of citizens from emergency housing stock. Letter of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation no. 15026-ME/06 of 17.04.2020. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 - Ruling of the First Court of Cassation of 13.05.2021 no. 88-9708/2021. Available at: http://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10231938&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (accessed 12 December 2022) (in Russian).
 - Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation in case no. 1-KG22-9-KZ of 12.07.2022*. Available at: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2138618 (accessed 12 December 2022) (in Russian).

Поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022
The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022

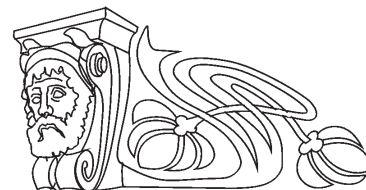

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 79–84
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 79–84
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-79-84>, EDN: AUKESP

Научная статья
УДК 340

Роль правовой пропаганды в укреплении идеологических основ общества

Е. Н. Тогузаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тогузаева Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Аннотация. Введение. Развитие национальной правовой системы не может происходить в отрыве от правовой идеологии, в свою очередь, правовая идеология определяет цели воздействия правовой пропаганды: идеи-ценности, которые являются ключевыми в воздействующем характере пропаганды, остаются базисными и в правовой идеологии. Несмотря на то что идеи-ценности задают цели воздействия правовой пропаганды, эффективность самой пропаганды напрямую зависит от этих ценностных идей. **Теоретический анализ.** Непосредственное влияние правовой пропаганды выражается в усвоении личностью тех стереотипов и моделей поведения, на которые личность была нацелена. Косвенное (опосредованное) влияние правовой пропаганды также возможно, например, в тех случаях, когда целенаправленного воздействия не было, однако результат проявляется в подкреплении уже сформированных ранее установок, косвенное влияние возможно через субъектов-посредников, а также при влиянии социальной среды. Любое действующее право является индикатором тех представлений о праве, которые сложились в том или ином обществе и само по себе также обладает правопробандистским эффектом. Правовая пропаганда не исчерпывается только своей правовой составляющей, идеологическая составляющая включает и субъективные компоненты, отвечающие за восприятие и осмысление правового поведения, будь то политический опыт адресата, его чувство справедливости и гражданской ответственности. Соответственно, прослеживается зависимость эффективности восприятия правовой пропаганды и от уровня правосознания: на уровне профессионального правосознания, считаем, можно отметить высокий уровень восприятия правовой пропаганды (в зависимости от источника пропаганды, научности приемов, манипулятивных средств, чувствительности к общественным оценкам, критичности осмысления и др.). **Результаты.** Развернутая система государственной пропаганды, в том числе и правовой, обеспечивает формирование единых ценностных ориентиров в обществе. Государственная пропаганда многопланова, однако она всегда находится в русле правового поля. Делается вывод, что пропаганда является одним из тех деятельностных компонентов, средств, которые обеспечивают реальную действенность правовой идеологии. Если правовую идеологию представлять как сложный механизм воздействия для формирования определенного поведения, то пропаганда есть средство работы этого механизма, при этом как в деятельности государственных структур, так и в работе институтов гражданского общества. Подчеркивается, что поскольку правовая идеология всегда привязывается к результатам правового осознания мира, то специфика воздействия правовой идеологии обеспечивается правовой пропагандой.

Ключевые слова: правовая пропаганда, правовая идеология, государственная пропаганда, профессиональное правосознание

Для цитирования: Тогузаева Е. Н. Роль правовой пропаганды в укреплении идеологических основ общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 79–84. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-79-84>, EDN: AUKESP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of legal propaganda in strengthening the ideological foundations of society

E. N. Toguzaeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina N. Toguzaeva, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Absract. Introduction. The development of the national legal system cannot take place in isolation from the legal ideology. In its turn, the legal ideology determines the goals of the influence of legal propaganda: the ideas-values, that are key to the influencing nature of propaganda, remain basic in the legal ideology. Despite the fact that ideas-values set the goals of the impact of legal propaganda, the effectiveness of the propaganda itself depends directly on these value ideas. **Theoretical analysis.** The direct influence of legal propaganda is expressed in the assimilation by the individual of those stereotypes and behavior patterns that the individual was aimed at. Indirect (mediated) influence of legal propaganda is also possible. Indirect influence can be spotted in cases where there was no targeted impact, but the result is manifested in the reinforcement of previously formed attitudes, possibly through intermediary subjects, as well as under the influence of the social environment.

Any law in force is an indicator of those ideas about law that have developed in a particular society and in itself also has a law-propaganda effect. Legal propaganda is not limited to its legal component: the ideological component also includes subjective components responsible for the perception and understanding of legal behavior, whether it is the political experience of the addressee, his / her sense of justice and civic responsibility. Accordingly, there is a dependence of the effectiveness of the perception of legal propaganda on the level of legal awareness: at the level of professional legal awareness, we believe that a high level of perception of legal propaganda can be registered (depending on the source of propaganda, scientific methods, manipulative means, sensitivity to public assessments, critical comprehension, etc.). **Results.** An extensive system of state propaganda, including legal propaganda, ensures the formation of common value orientations in society. State propaganda is multifaceted, but it is always in line with the legal field. It is concluded that propaganda is one of those active components, means that ensure the real effectiveness of legal ideology. If the legal ideology is presented as a complex mechanism of influence for the formation of certain behavior, propaganda is the means of operation of this mechanism, both in the activities of state structures and in the work of civil society institutions. It is emphasized that since the legal ideology is always tied to the results of the legal understanding of the world, the specific impact of the legal ideology is ensured by legal propaganda.

Keywords: legal propaganda, legal ideology, state propaganda, professional legal awareness

For citation: Toguzueva E. N. The role of legal propaganda in strengthening the ideological foundations of society. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 79–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-79-84>, EDN: AUKESP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Идеология, являясь системой идей и системой ценностей, стабильно привлекает внимание ученых разных специальностей. Системность, теоретическая обоснованность, концептуальная оформленность идей, ценностей представляются нам одними из важнейших черт идеологии, при этом в зависимости от сущности идеологии и ее природы взгляды и идеи могут быть различные: политические, философские, религиозные, нравственные и правовые. «Правовая идеология в общеправовом плане представляет собой лишь те знания, которые соответствуют достижению целевой установки, определяемой конкретными социальными интересами» [1, с. 89].

В общей теории права наиболее часто о правовой идеологии говорят как об одном из структурных элементов правосознания, наряду с правовой психологией. Чувства, эмоции и переживания, которые «обрамляют» восприятие права, относят к правовой психологии, фактически это субъективное восприятие правовых явлений, которое далеко не всегда совпадает с объективной реальностью. Правовую идеологию представляют как систематизированные представления о праве, в основе которых лежат идеи, знания, ориентиры, концепции, отражающие взгляд на правовые явления общественной жизни, правовую действительность и на право в целом. При этом, как отмечается во многих правовых исследованиях, идеология не просто включает в себя определенные ценности, а имеет нормативный характер. Как, например, справедливо отмечает А. Н. Буховец в своем диссертационном исследовании, «Конституция и иные законодательные акты представляют собой материализацию идеологических постулатов какой-либо части социума, социальных групп или субъектов власти, а в идеале – всего

общества» [2, с. 6–7]. А профессор А. М. Цалиев подчеркивает, что конституционные нормы, закрепляющие признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, признание свободы мысли слова и других основных прав и свобод человека, фактически составляют основу государственной идеологии России [3].

Нормативный подход понимания правовой идеологии нам близок, согласно ему правовая идеология не включается в понятие права, но, тем не менее, ее влияние на право не отвергается, например, на стадии законотворчества.

Развитие национальной правовой системы не может происходить в отрыве от правовой идеологии. Какова же роль правовой пропаганды в правовой идеологии? Правовая идеология определяет цели воздействия пропаганды. Те идеи-ценности, которые являются ключевыми в воздействующем характере пропаганды, остаются базисными и в правовой идеологии. Несмотря на то что идеи-ценности задают цели воздействия пропаганды, эффективность самой пропаганды напрямую зависит от этих ценностных идей.

Профессор П. А. Астафичев, исследуя конституционный запрет на государственную идеологию, подчеркивает важность понимания различия между пропагандой и идеологией, подчеркивая, что в отличие от идеологии пропаганда не является конституционно противоправной, при запрете лишь отдельных видов пропаганды в целом она даже поощряется, поскольку предполагает свободный мировоззренческий выбор объекта пропаганды, не принуждая к нему [4].

Теоретический анализ

Формирование правовой идеологии осуществляется посредством нравственного и правового воспитания, правового обучения, правовой пропаганды. Иногда этот ряд про-

должают перечислением средств и инструментов воздействия, таких как СМИ, искусство, литература, кинематограф, коммуникативные приемы и другие, однако нам представляется несколько некорректным такое перечисление как однопорядковых категорий, поскольку в таком случае отождествляются формы и инструменты/средства:

1) формы правового воспитания имеют цель развить правосознание, внедрить правовые представления в массовое сознание и обозначить пути такого внедрения, это то, с помощью чего формируется правовая идеология. В этих формах может быть заложен пропагандистский, воспитательно-образовательный контекст;

2) инструменты/средства используются для достижения поставленных в первом случае целей.

Непосредственное влияние пропаганды выражается в усвоении личностью тех стереотипов и моделей поведения, на которые пропаганда была нацелена. Косвенное (опосредованное) влияние правовой пропаганды также возможно. Косвенное влияние следует отметить в тех случаях, когда целенаправленного воздействия не было, однако результат проявляется в подкреплении уже сформированных ранее установок, возможно через субъектов-посредников, а также при влиянии социальной среды. Любое действующее право является индикатором тех представлений о праве, которые сложились в том или ином обществе, и само по себе также обладает правопробандистским эффектом.

Сложившимся подходом считается рассмотрение правовой пропаганды наряду с правовым обучением как формы правового воспитания [5]. Средства же правовой пропаганды более динамичны, соответствуют развитию современного общества и отвечают последним тенденциям технологизации и интернетизации в обществе. И если еще лет пятнадцать назад письменные и устные средства правовой пропаганды были бы названы самыми успешными, то сейчас на первый план выступают такие средства, которые носят комбинированный характер (сочетая в себе элементы графического, аудиовизуального, электронного и другого контента, вплоть до виртуальных возможностей), что обеспечивает реализацию целей и задач правовой пропаганды. Особый импульс к развитию таких средств и усилению их роли придал кризис, связанный с распространением пандемии коронавирусной инфекции, форсированным переходом в онлайн, неизбежной активизацией правового регулирования в этой сфере. Новые условия

пандемического дискурса выявили преимущества и недостатки онлайн-коммуникации, что не могло не сказаться на характере средств правовой пропаганды.

Как отмечает в своих исследованиях А. М. Михайлов, «для действительности правовой идеологии недостаточно лишь официально установления и закрепления законодателем определенных идей в формальных источниках права. Необходимо, чтобы правовые идеи реально осуществляли свое воздействие на сознание и поведение субъектов правовой системы посредством установления и актуализации комплекса ценностей и целей, формирования установок и представлений в общественном и групповом правосознании, соответствующей ориентации правового поведения. Без осуществления своих базовых функций правовые идеи перестают являться частью правовой идеологии, представляя собой лишь декларации» [6, с. 32]. Такое реальное воздействие обеспечивается правовой пропагандой.

Справедливо сказано, «что политико-правовые идеи, воззрения, принципы и нормы, составляющие содержание правовой пропаганды, сами по себе, автоматически не овладевают сознанием людей. Необходима кропотливая, умелая, творческая работа пропагандистов по их отбору, разъяснению, донесению до разума и чувств каждого человека с целью превращения в личные убеждения, внутренний ориентир поведения людей» [7, с. 55]. И от того, насколько совершенны используемые пропагандистом средства и методы правовой пропаганды и насколько умело он ими пользуется, в немалой степени зависит эффективность всей его работы.

Правовая пропаганда не исчерпывается только своей правовой составляющей, идеологическая составляющая включает и субъективные компоненты, отвечающие за восприятие и осмысление правового поведения, будь то политический опыт адресата, его чувство справедливости и гражданской ответственности. Соответственно, прослеживается зависимость эффективности восприятия правовой пропаганды и от уровня правосознания: на уровне профессионального правосознания считаем возможным отметить высокий уровень правовой пропаганды (с другими уровнями имеются различия по источнику пропаганды, научности приемов, манипулятивным средствам, чувствительности к общественным оценкам, критичности осмысления и др.). На уровне профессионального правосознания можно говорить о признаках утонченности правовой

пропаганды, к примеру, считаем, что сам высокий уровень юридической техники, отмеченный как качество нормативно-правового акта, уже можно считать оказывающим пропагандистское воздействие. Только в таком случае речь будет идти исключительно о тех субъектах, которые способны оценить такое качество правового акта. А качественный с точки зрения юридической техники нормативно-правовой акт, в свою очередь, не поставит под сомнение легитимность действий законотворческого органа, своевременность и актуальность принятия акта. Безусловно, указанное выше пропагандистское воздействие не будет считаться нацеленным на конкретный результат, поскольку здесь уместно говорить о косвенном воздействии правовой пропаганды, а пропагандистские нарративы в таком случае не будут восприимчивы к заимствованию, если адресатом окажется субъект, у которого не сформировалось профессиональное правосознание. В том же случае, когда правовая пропаганда происходит при максимальной согласованности с убеждениями и правосознанием личности, она не воспринимается ею как пропаганда.

Характерными особенностями правовой пропаганды представляется возможным назвать следующие:

- 1) правовая пропаганда является идеологическим процессом;
- 2) обязательно содержит сформулированную цель (при этом сформулированная цель не всегда сфокусирована на результат в качестве действия, часто она может быть сформулирована как «развенчание» сомнений в правильности своих действий с учетом действующего законодательства);
- 3) направлена на распространение правовых ценностей, правовых идей, правовой политики;
- 4) реализуется в контексте системы правового воспитания;
- 5) в отличие от других видов пропаганды, содержит максимум значимой в содержательном плане информации (она максимально близка к правовому информированию и в меньшей степени использует психологические манипуляции по сравнению с политической, культурной, нравственной, религиозной пропагандой);
- 6) сокращает сроки формирования в обществе необходимых стереотипов, принятия правовых идей и правовых реалий, отличается особой эффективностью воспитательного воздействия на адресата по сравнению с иными формами правового воспитания.

Появление правовой пропаганды ученые связывают с периодом становления раннекласс-

сового общества, подчеркивая ее непосредственную связь с формированием государственности. Так, П. С. Гуревич проводит связь появления правовой пропаганды с периодами, когда складывается историческая потребность господствующих классов оправдать социальное неравенство, навязать массам общественные идеи, выражающие интересы этих классов, в связи с чем речь идет о тех периодах, когда можно говорить о сформированной системе правовых норм [8, с. 109]. Однако возникает вопрос, всегда ли правовую пропаганду можно считать государственной? Очевидно, что нет, поскольку активно такую деятельность ведут и негосударственные структуры.

Всегда ли государственная пропаганда является политической? В этом вопросе, на наш взгляд, важно разобраться не в соотношении указанных категорий, а в их понимании и подходах к пониманию. Политологи чаще отождествляют государственную пропаганду с политической либо определяют их одну через другую. Зачастую государственную пропаганду понимают как политическую технологию, направленную на обеспечение поддержки (одобрения) обществом определенного типа государственности [9, с. 16]. Однако считаем, что такой подход значительно сужает понимание государственной пропаганды. Понимание государственной пропаганды только с учетом политического контента выводит за рамки большую часть деятельности государственных органов, которые также реализуют пропагандистскую функцию, но в меньшей степени являются политическими (достаточно вспомнить о пропаганде традиционных семейных ценностей, пропаганде многодетности, осознанного материнства, которая уже нашла отражение в законодательстве современной России). Приведенные примеры скорее из области социально-этической, чем политической. Однако в обязанностях многих государственных органов уже отражена такая пропагандистская деятельность, и ежегодно составляются планы соответствующих мероприятий (так, к примеру, органы государственной власти в области физической культуры и спорта обязаны вести активную пропагандистскую деятельность, ориентированную на популяризацию ценностей здорового образа жизни в российском обществе и привлечение населения к ведению здорового образа жизни). Конечно, в данной сфере неопределимую роль играет и негосударственный сектор, что уже выходит за рамки сугубо «государственной пропаганды». И если

в политическом контексте все чаще на первом плане видно манипулятивное воздействие на общество – как конечный ориентир, то в приведенных нами примерах правильнее говорить о ценностно-стабилизирующем воздействии. Отождествление понятий государственной и политической пропаганды некорректно также, учитывая и то, что последняя может исходить не только от государства, но и от негосударственных структур и организаций, в том числе может реализовываться другими элементами политической системы – политическими партиями, профсоюзными организациями и др. Таким образом, далеко не всю политическую пропаганду можно назвать государственной.

Однако даже если рассматривать пропаганду здорового образа жизни как одно из направлений государственной спортивной политики, пропаганду традиционных семейных ценностей как социальный заказ со стороны государства и направление социальной политики и т.д., то даже в этом случае считаем ошибочным отождествлять государственную пропаганду с политической, поскольку о последней уместнее говорить в контексте избирательного ресурса и управленческого предназначения. Кроме того, политическая пропаганда носит политический характер и не всегда урегулирована нормой права, может являться чем-то вроде политического обыкновения.

Если политическая пропаганда есть политическая технология, «ориентированная на управление обществом путем формирования у реципиентов прочих социальных установок и стереотипов, отвечающих интересам коммуникатора» [9, с. 10–11], то правовая пропаганда позволяет формировать социально-правовые установки, влиять на правовое поведение, поэтому о видовом разнообразии пропаганды и о ее сущностном содержании можно судить по целевым установкам пропагандистских действий. Однако следует отметить, что последнее в современных условиях реализовать все сложнее и сложнее ввиду размывания образов правомерного поведения и популяризации идеи правового нигилизма.

Результаты

Развернутая система государственной пропаганды, в том числе и правовой, обеспечивает формирование единых ценностных ориентиров. Государственная пропаганда многопланова, однако она всегда находится в русле правового поля. Считаем, что правовая пропаганда является одним из тех деятельностных компонен-

тов, средств, которые обеспечивают реальную действительность правовой идеологии. Если правовую идеологию представлять как сложный механизм воздействия для формирования определенного поведения, то пропаганда есть средство работы данного механизма, при этом как в деятельности государственных структур, так и в работе институтов гражданского общества. Поскольку правовая идеология всегда связана с результатами правового осознания мира, отражает отношение человека к праву, то специфика воздействия правовой идеологии обеспечивается правовой пропагандой. А ввиду многозначности содержания социальных ценностей можно говорить и о разновидности и разносубъектной правовой пропаганде.

Список литературы

1. Реуф В. М., Сальников П. П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 3. С. 89–95.
2. Буховец А. Н. Идеологическая функция государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 20 с.
3. Цалиев А. М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 40–43.
4. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-12-18>
5. Бондарев А. С. Правовая пропаганда и обучение – формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. Вып. 1 (1). С. 4–16.
6. Михайлов А. М. Правовая идеология и юридическая догматика // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 31–52. <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2017.1.19220>
7. Правовая пропаганда. В помощь идеологическому работнику / под ред. А. В. Мицкевича. М. : Юридическая литература, 1981. 208 с.
8. Гуревич П. С. Пропаганда в идеологической борьбе. М. : Высшая школа, 1987. 262 с.
9. Абдулова В. Ф. Современная государственная пропаганда: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань. 2007. 23 с.

References

1. Reuf V. M., Salnikov P. P. Legal ideology and legal ideals: Some debatable aspects of understanding and

- correlation. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 3, pp. 89–95 (in Russian).
2. Bukhovets A. N. *The Ideological Function of the State*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2002. 20 p. (in Russian).
 3. Tsaliev A. M. On the necessity of state ideology in the Russian Federation. *Russian Justice*, 2019, no. 5, pp. 40–43 (in Russian).
 4. Astafichev P. A. Constitutional prohibition of state or mandatory ideology: On doctrinal understanding and justification. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2022, no. 8, pp. 12–18 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-12-18>
 5. Bondarev A. S. Law propaganda and law training – the law education forms: Notion and means influence. *Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*, 2008, iss. 1 (1), pp. 4–16 (in Russian).
 6. Mikhailov A. M. Legal ideology and legal dogma. *Genesis: Historical Research*, 2017, no. 1, pp. 31–52 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2017.1.19220>
 7. Mitskevich A. V. (ed.) *Pravovaya propaganda. V pomoshch ideologicheskomu rabotniku* [Legal Propaganda. To Help the Ideological Worker]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 208 p. (in Russian).
 8. Gurevich P. S. *Propaganda v ideologicheskoy bor'be* [Propaganda in the Ideological Struggle]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 262 p. (in Russian).
 9. Abdulova V. F. *Modern State Propaganda: Theoretical and Applied Aspects*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Politic). Kazan, 2007. 23 p. (in Russian).

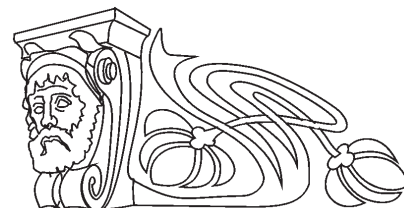
Поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 85–95
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 85–95
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-85-95>, EDN: AKKMRE

Научная статья
УДК 340.113

Правовая природа судебного примирения

Т. А. Дураев^{1,2}, Н. В. Тюменева¹ ✉

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Дураев Таулан Азреталиевич, кандидат юридических наук, ¹доцент кафедры таможенного, административного и финансового права; ²доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера, taulan-d@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9327-6900>

Тюменева Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, tumeneva82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>

Аннотация. Введение. В статье исследуется правовая природа судебного примирения с участием судебного примирителя, отмечается дискуссионность рассматриваемой темы. Констатируется необходимость раскрытия правовой природы судебного примирения для уяснения его места в правовой системе России и раскрытия функциональных связей с другими смежными институтами материального и процессуального права. **Постановка проблемы.** Утверждается, что успешность внедрения института судебного примирения в юридическую практику зависит от раскрытия его правовой природы в системе правозащитных средств и механизмов. Вместе с тем сохранению неопределенности в данном вопросе способствует неясность самого термина «правовая природа». Обосновывается, что в содержание термина «правовая природа» входят разнообразные признаки явления, которые должны быть последовательно раскрыты в процессе познания. Отмечается, что правовая природа судебного примирения сложная, дуалистичная. Это выражается в сочетании судебных (юрисдикционных) и внесудебных (неюрисдикционных, альтернативных) характеристик, что наглядно раскрывается в дуализме правового статуса судебного примирителя. **Теоретико-эмпирический анализ.** Анализ законодательства показывает, что, с одной стороны, судебный примиритель – это бывший судья, который обладает огромным практическим опытом судопроизводства и видением перспектив решения дела, с другой – судебный примиритель, оставаясь частью судебной системы, при осуществлении судебного примирения свободен от жесткой консервативно-корпоративистской судейской дисциплины и может без излишнего формализма и решения дела по существу предложить сторонам взаимовыгодные для них условия примирения, при которых правовой конфликт будет исчерпан. **Результаты.** Авторы приходят к выводу о том, что двойственность правовой природы судебного примирения обусловлена конвергенционными процессами, происходящими в российском праве, и тенденциями, связанными с изменением конфигурации судебной власти.

Ключевые слова: примирительные процедуры, судебное примирение, судья-примиритель, юрисдикция, неюрисдикционный процесс, судопроизводство, правовая природа

Для цитирования: Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Правовая природа судебного примирения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 85–95. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-85-95>, EDN: AKKMRE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The legal nature of judicial reconciliation

T. A. Duraev^{1,2}, N. V. Tyumeneva¹ ✉

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia

Taulan A. Duraev, taulan-d@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9327-6900>

Natalia V. Tyumeneva, tumeneva82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>

Abstract. Introduction. The article examines the legal nature of judicial reconciliation with the participation of a judicial conciliator (hereinafter referred to as judicial reconciliation), and highlights the debatable nature of the topic under consideration. The authors state that it is necessary to disclose the legal nature of judicial reconciliation in order to clarify its place in the legal system of Russia and to identify functional links with other related institutions of substantive and procedural law. **Problem statement.** The article argues that the success of the introduction of the institution of judicial reconciliation into legal practice depends on the disclosure of its legal nature in the system of human

rights tools and mechanisms. At the same time, the ambiguity of the term of “legal nature” itself contributes to uncertainty in this matter. It is proved that the content of the term of “legal nature” includes various signs of the phenomenon, which must be consistently disclosed in the process of cognition. The authors emphasize that the legal nature of judicial reconciliation is complex, dualistic. This is expressed in a combination of judicial (jurisdictional) and extra-judicial (non-jurisdictional, alternative) characteristics, which is clearly revealed in the dualism of the legal status of the judicial conciliator. **Theoretical and empirical analysis.** The analysis of the legislation shows that, on the one hand, a judicial conciliator is a former judge who has extensive practical experience in legal proceedings and a vision of the prospects for resolving the case; on the other hand, the judicial conciliator, while remaining part of the judicial system, is free from rigid conservative-corporatist judicial discipline when conducting judicial reconciliation and can, without excessive formalism and substantive resolution of the case, offer the parties mutually beneficial reconciliation conditions, under which the legal conflict will be resolved. **Results.** The authors conclude that the duality of the legal nature of judicial reconciliation is due to the convergence processes that take place in the Russian law and trends associated with the change in the configuration of the judiciary.

Keywords: conciliation procedures, judicial reconciliation, judge-conciliator, jurisdiction, non-jurisdictional process, legal proceedings, legal nature

For citation: Duraev T. A., Tyumeneva N. V. The legal nature of judicial reconciliation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 85–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-85-95>, EDN: AKKMRE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Расширение правового регулирования спектра общественных отношений, их неизбежное усложнение в совокупности с нарастанием социальной конфликтности и постоянным увеличением правовых споров требует оптимизации судебной нагрузки за счет поиска новых процессуальных форм разрешения правовых конфликтов. Решению этой проблемы отчасти способствовала активизация внесудебных (неюрисдикционных, или альтернативных) способов разрешения споров – медиации, переговоров, посредничества и пр. В силу различных причин их практическая востребованность оказалась весьма невысокой, поэтому они не смогли составить конкуренцию судебным способам защиты нарушенных прав, которые традиционно сохраняют свое приоритетное значение в правовой системе России. Это означает, что предпринятая государством попытка разгрузить суды успехом пока не увенчалась.

В 2019 г. в процессуальном законодательстве появился институт судебного примирения [1]. Его внедрение в правовую систему России и роль в ней объясняется различными причинами. Во-первых, конституционная норма, закрепленная в ч. 2 ст. 45 о свободе выбора способов защиты прав и свобод личности, обязывает государство расширять перечень форм и способов защиты прав и законных интересов субъектов, в том числе и за счет привлечения альтернативных (внесудебных) практик по защите и самозащите прав.

Во-вторых, одни ученые (и их большинство) сходятся во мнении, что основная причина появления института судебного примирения такая же, как и в зарубежных странах, – разгрузка и упрощение процессуального законодательства [2, с. 5], другие – связывают его возникновение

с интенсивно идущими конвергенционными процессами [3, с. 62], в которых сфера защиты субъективных прав претерпевает модернизацию в направлении ее эффективности [4, с. 8–9] и расширения способов и форм [5, с. 338], третьи – видят в институте судебного примирения способ оптимизации судопроизводства [6] в целях снижения судебной нагрузки и финансовых затрат, экономии средств процессуальной защиты [7].

Ряд авторов называют и менее прагматичные причины, имеющие духовно-нравственные основания. Речь идет о необходимости повышения авторитета и доверия к судебной власти, ключевую роль в которой должна сыграть личность самого судьи, которому необходимо «стать свободным, самостоятельным и творческим государственным деятелем» [8, с. 136]. Решение этой проблемы требует комплексной модернизации процессуального законодательства и пересмотра роли судьи в процессе, что реализуемо в долгосрочной перспективе. Пока же законодатель попытался повысить уровень доверия к судебной власти с помощью внедрения в процесс судопроизводства неюрисдикционных практик при возникновении воли сторон к примирению.

Думается, что все названные причины актуальны и оправданны.

Постановка проблемы

В силу своей новизны судебное примирение пока еще не получило широкой апробации на практике, но с теоретической точки зрения этот институт вызывает большой интерес из-за своей особенной, нетипичной для российского процессуального права правовой природы. Процессуалистам уже удалось сделать первые выводы о специфике ее проявления в сфере арбитража-

ного [9, с. 176], гражданского и административного судопроизводства [10, с. 37]; провести сравнительно-правовой анализ судебного примирения с другими смежными примирительными процедурами, в частности с судебной медиацией [11, с. 129], а также рассмотреть особенности правового статуса судебного примирителя [12, с. 138].

В проведенных исследованиях весьма обстоятельно раскрыты отдельные признаки, характеристики, значение судебного примирения, однако они не «сведены» в единую систему, необходимую для формирования представления о правовой природе рассматриваемого феномена. Полагаем, из-за отсутствия комплексного анализа судебного примирения и установления его правовой природы продолжает сохраняться неопределенность по вопросу о характере отношений, возникающих между судебным примирителем, сторонами и судом (какой характер они носят, материальный или процессуальный, не ясно); отсутствием критериев качества судебного примирения, что заметно затрудняет формирование адекватных механизмов контроля за его осуществлением и ответственности для судебного примирителя (полагаем, что именно по этой причине в действующем законодательстве отсутствуют меры ответственности судебного примирителя в случае причинения вреда сторонам, неквалифицированного проведения переговоров, допущения ошибки и пр.) и т.д. [13, с. 93]. Для успешного решения поставленных вопросов, а также интегрирования судебного примирения в российскую юридическую практику важно последовательно и системно подойти к проблеме, и первый шаг в этом направлении логично сделать с раскрытия правовой природы судебного примирения.

Но для начала необходимо определиться, что мы будем понимать под термином «правовая природа», ибо «надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию» [14, с. 93]. Термин «правовая природа» в нашем исследовании играет вспомогательную роль, указывая, во-первых, на теоретический характер исследования, а во-вторых, на совокупность признаков, раскрытие которых позволит сформировать представление о судебном примирении как о правовом феномене.

Следует обратить внимание на то, что в юридической литературе и судебной практике термин «правовая природа» довольно часто встречается. Правовую природу ученые пытаются определять у различных правовых феноменов: у давно известных и только по-

явившихся; у распространенных и уникальных; существующих в правовой доктрине и законодательно закрепленных; у российских, зарубежных, международных институтов и процессов. Очень часто исследователи видят необходимость в выявлении правовой природы у тех явлений, которые изначально не были правовыми, но после их закрепления в законодательстве приобрели правовой смысл и значение [15, с. 198].

Таким образом, видим, что термин «правовая природа» является часто употребляемым и имеет востребованность в юридическом лексиконе. Однако его содержание нельзя считать до конца сформированным, а сущность – до конца познанной; ученым только предстоит встроить его в систему терминов и понятий юридической науки [16, с. 159].

Выявить правовую природу явления – значит охарактеризовать явление определенным образом. А вот каким? Какие аспекты, признаки, характеристики необходимо раскрыть, чтобы познать правовую природу явления? Этот вопрос является камнем преткновения, порождающим «разночтения» среди ученых по набору признаков, характеризующих правовую природу, и пределам ее исследования.

В большинстве работ, посвященных изучению термина «правовая природа», авторы зачастую отождествляют понятие «правовая природа» с различными категориями, например с сущностью, содержанием, правовым режимом, правовой оценкой и прочим, что обедняет содержание рассматриваемого термина или вовсе лишает смысла его существования. Ряд авторов раскрытие правовой природы связывают с уяснением сущности и «правового корня» исследуемого вопроса» [17, с. 27]; другие определяют правовую природу как «набор постоянных существенных характеристик юридического объекта, проявляющихся в процессе его познания, позволяющих определить смысловое значение правового явления, а также установить принадлежность юридического факта гипотезе нормы права или иного объекта, связанного с правом, соответствующей юридической категории» [18, с. 48]. Во всем этом многоголосье позиций и мнений ясно одно, что термин «правовая природа» имеет теоретическое и методологическое значение и на этом основании должен занять свое полноправное место в юридической терминосистеме [19].

Полагаем, что синтетический характер термина «правовая природа» позволяет в целостном, обобщенном виде представить ха-

рактическую характеристику того или иного правового явления или социального феномена, имеющего правовой смысл (аспект), взаимоувязать и логично сочетать весь набор его характеристик и тем самым очертить видимый предел объектно-предметной области познания.

Убеждены, что правовая природа складывается из различных признаков явления, взятых в единстве и раскрытых в логической последовательности. В этой связи особенно важно обратить внимание на то, что изучение природы феномена задает «принципиальную схему понимания и объяснения того или иного конкретного предмета изучения», что позволяет «рассматривать объект познания во всех его связях и отношениях» [20, с. 229]. Следовательно, раскрытие правовой природы явления позволяет провести комплексную характеристику предмета, что в методологическом плане дает более высокий уровень научной абстракции, научного обобщения его существенных, содержательных и прочих признаков, позволяет широко и всесторонне охарактеризовать явление, определить его место в системе правовых категорий, институтов и пр. Это важно, поскольку «познание любого правового явления должно исходить из того, что это явление – составная часть, компонент, элемент целостной системы, которая определяет его свойства, особенности, социальное назначение, характер функционирования» [21, с. 209].

Таким образом, правовая природа – это не узкая характеристика явления, ограниченная уяснением лишь его сущности или существенных признаков, а, напротив, широкая по объему комплексная категория, в содержание которой входит совокупность различных признаков явления: существенных, содержательных, структурных, функциональных, факультативных (дополнительных) и других, раскрывающихся в определенной логической (диалектической) последовательности, характеризующих явление в качестве объекта научного познания, а также позволяющих установить его взаимосвязь с другими явлениями и определить его место в системе. Полагаем, что охарактеризовать правовую природу явления означает уяснить его существенные, содержательные, структурные, функциональные и прочие признаки, что позволяет в итоге определить его место в правовой системе и понятийном логическом ряду в системе правовых категорий. Чем полнее будут охарактеризованы признаки явления, тем точнее будет раскрыта его правовая природа.

Теоретико-эмпирический анализ

Итак, обратимся к познанию правовой природы судебного примирения.

Как уже было отмечено ранее, исследовательский интерес к институту судебного примирения сохраняется на высоком уровне, что обеспечило раскрытие сущности и содержания судебного примирения, его связи с судебной медиацией. Анализ законодательства и теоретических разработок ученых, посвященных исследованию судебного примирения, свидетельствует о его сложной природе, сочетающей неюрисдикционные (альтернативные, материальные) и юрисдикционные (судебные) признаки. Следовательно, ее можно охарактеризовать как дуалистичную.

Рассмотрим неюрисдикционную составляющую судебного примирения, которая открыто проявляется и фиксируется в законодательстве. Возможность использования примирительной процедуры – судебное примирение с участием судебного примирителя, закрепления для сторон гражданского, арбитражного, административного судопроизводства, причем нормы, образующие содержание рассматриваемого института, практически идентичны во всех трех процессуальных кодексах: Гражданском процессуальном [22], Арбитражном процессуальном [23] кодексах и Кодексе административного судопроизводства [24]. Порядок судебного примирения, права и обязанности сторон и судебного примирителя, возможные варианты итоговых решений закреплены в Регламенте судебного примирения (далее – Регламент) [25] и отражают неюрисдикционный характер данной процедуры, к которой стороны могут обратиться на основании общей договоренности на любой стадии судебного процесса.

Вообще, нужно отметить, что в общетеоретической науке вопрос соотношения «процесса» и «процедуры» не имеет однозначного решения. Не вдаваясь в развернутый анализ существующей дискуссии, обратим внимание лишь на характер связей рассматриваемых категорий. С точки зрения узкого подхода процесс и процедура соотносятся как часть и целое, причем одни авторы отстаивают мнение, что процедура является частью процесса, а другие, наоборот, полагают, что процедура – родовое понятие, включающее в себя различные процессы. С точки зрения широкого подхода процесс и процедура отождествляются. Безусловно, обозначенная проблематика имеет важное теоретическое значение и должна получить дальнейшее развитие в трудах теоретиков права.

Для нашего исследования принципиально то, что представители обоих подходов рассматривают процесс и процедуру как однородные категории, т. е. не противопоставляют их. Это обстоятельство говорит о том, что у категории процесса и процедуры есть общие признаки, поэтому позволим себе экстраполировать понятие и признаки неюрисдикционного процесса на неюрисдикционную процедуру. Для нас такое решение является оправданным в свете того, что в общетеоретической науке определение понятия «неюрисдикционная процедура» отсутствует. Но есть определение понятия «юрисдикционный процесс», под которым понимают обусловленную закономерностями развития окружающей действительности и основанную на требованиях законности самоорганизующуюся правомерную поведенческую модель субъектов права, юридически значимая деятельность которых направлена на защиту, обеспечение прав и законных интересов путем достижения компромисса или соглашения [26, с. 9–10].

С учетом вышесказанного на неюрисдикционный аспект правовой природы судебного примирения будут указывать следующие признаки:

– внесудебный порядок осуществления судебного примирения. Оно «выведено» за границы судопроизводства, которое судья приостанавливает до достижения определенного результата примирения;

– принципы судебного примирения иные, по сравнению с принципами судопроизводства: если судопроизводство проходит гласно, то судебное примирение – конфиденциально, добровольно, на основе равноправия и сотрудничества сторон с высокой степенью самоорганизанности;

– судебное примирение проводится в форме переговоров, для которых устанавливается определенный режим – специальный договорный порядок регулирования общественных отношений, направленных на достижение консенсуса путем согласования законных интересов в границах требований принципа законности. Специфика такого режима выражается в консенсуальном и координационном характере отношений между участниками процесса; отсутствии прямого правового регулирования действий участников неюрисдикционного процесса; разрешении юридических казусов по общему правилу в частной сфере общественных отношений; распространении достигнутых договоренностей на его непосредственных субъектов;

– судебное примирение производится не судом, рассматривающим дело, а судебным примирителем – субъектом, не входящим в круг участников процесса;

– степень саморегуляции судебного примирения высокая: стороны по согласованию между собой и с судебным примирителем самостоятельно определяют набор и порядок этапов его проведения. При этом нормы Регламента, закрепляющие стадии судебного примирения, носят рекомендательный характер.

Важнейшей особенностью судебного примирения как альтернативной процедуры урегулирования спора является то, что его цель состоит не в разрешении дела по существу путем выявления «правого» или «виноватого» (как при осуществлении правосудия), а в примирении сторон с оптимальным правовым результатом для каждой из них, который вырабатывается на основе согласования между ними. Иными словами, главный процессуальный вопрос при осуществлении правосудия о виновности или невиновности стороны оказывается второстепенным в условиях судебного примирения, а первостепенным становится вопрос о взаимовыгодных условиях и последствиях примирения.

Указанная цель судебного примирения говорит о том, что онтологически оно отличается от разрешения дела по существу: перед судебным примирителем стоит задача не определить виновного и степень его вины, а найти способ обеспечить интересы обеих сторон на основе принципов сотрудничества, равенства, добровольности. И в этом смысле возникающие отношения являются неюрисдикционными в силу их диспозитивного характера, высокой степени саморегуляции действий сторон. Причем юрисдикционные механизмы при взаимодействии сторон не действуют: суд только юридически оформляет волю сторон на использование примирительной процедуры, но в проведении самой процедуры не участвует, он лишь фиксирует, оформляет достигнутые договоренности примирения [27, с. 553].

Таким образом, стратегической целью легализации судебного примирения в качестве примирительной процедуры, которая проводится в неюрисдикционном порядке, является обеспечение законного интереса сторон судопроизводства. Основная задача состоит в том, чтобы в неформальных, основанных на взаимном доверии отношениях достичь приемлемого баланса интересов для субъектов права, разрешить или преодолеть правовой конфликт. В этом смысле судебное примирение является

важным (пока только вспомогательным) элементом обеспечения прав и законных интересов субъектов по защите своих прав.

Кроме неюрисдикционных признаков, в содержании судебного примирения проявляются и юрисдикционные черты, носящие более скрытый, завуалированный характер. Проявляются они в правовом статусе судебного примирителя, его роли в судебном примирении, а также во взаимосвязи с судом и судебским сообществом в целом.

Примирение сторон декларируется не просто как одна из задач подготовки дела, а провозглашается целью судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ, п. 6 ст. 2 АПК РФ) и вменяется в обязанность суда (ч. 1 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 1 ст. 138 АПК РФ) [22, 23]. Это означает, что для суда приоритетным исходом дела является примирение сторон, которое осуществляется во внеюрисдикционном (внесудебном) порядке и актуализирует значение судебного примирителя в процессе осуществления правосудия.

Согласно ч. 1 ст. 8 Регламента [25], судебный примиритель – это судья, пребывающий в отставке и включенный в список судебных примирителей, который утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации на основании волеизъявления судьи в отставке. В указанный список судья в отставке включается, если он соответствует требованиям, сформулированным в форме ограничений на осуществление определенной деятельности. Так, судья в отставке может быть судебным примирителем, если он не привлечен к осуществлению правосудия; не занимает никакую государственную или муниципальную должность; не работает в профсоюзных и иных общественных объединениях; не является помощником депутата Государственной Думы или помощником сенатора Совета Федерации Федерального Собрания РФ либо помощником депутата законодательного (представительного) органа субъекта Федерации; не назначен на должность уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (ст. 8 Регламента). Перечисленные ограничения, имеющиеся для судебного примирителя, во многом напоминают антикоррупционный стандарт для государственных служащих, связанный с запретом параллельного занятия должностей и обладанием правовыми статусами в органах публичной власти и общественных объединениях.

Подобно руководящей роли суда в судебном процессе, судебный примиритель выступает активным участником процедуры примирения:

на нем лежит обязанность по организации и координации хода примирения, а также по оценке правового спора. Для этого судебный примиритель уполномочен на совершение разнообразных действий как в отношении сторон, так и в отношении предмета спора. Судебный примиритель проводит индивидуальные беседы с каждой из сторон; дает сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора; способствует сохранению между сторонами деловых отношений; обсуждает условия договора, из которого возник спор, выясняет однозначность понимания сторонами условий договора и иных правоотношений, предлагая правовые варианты примирения, исходя из своего судебного опыта и сложившейся практики разрешения подобного рода дел. Кроме того, в конце процесса примиритель должен удостовериться, что стороны единообразно понимают условия подготовленного соглашения, и проверить документ на предмет его законности, отсутствия нарушения прав иных лиц и возможности утверждения судом [28].

Что касается изучения предмета спора, то для этого судебный примиритель вправе знакомиться с документами и иной информацией, предоставленной сторонами, а также с материалами дела – с согласия суда. Как и судья, судебный примиритель фокусируется на фактах, имеющих юридическое значение, необходимых для разрешения спора по взаимным претензиям сторон. Указанные правомочия позволяют судебному примирителю дать квалифицированную правовую оценку юридических фактов, образующих содержание правового конфликта, чтобы предложить сторонам наиболее оптимальные для них условия примирения. По данному основанию судебное примирение очень близко к правоприменению и может считаться его разновидностью [29].

Хотя судебный примиритель самостоятельно и независимо осуществляет судебное примирение, это, однако, не исключает его взаимодействия с судом, а в некоторых случаях делает его обязательным. Так, двусторонняя связь судебного примирителя и суда выражается в следующем:

– суд может интересоваться ходом переговоров, но не чаще, чем один раз в четырнадцать дней, а судебный примиритель обязан предоставлять эту информацию не позднее следующего дня после получения такого запроса;

– судебным примирителем может знакомиться с материалами дела с согласия суда (ч. 1 ст. 14 Регламента);

– судебный примиритель в письменной форме передает суду результаты переговоров не позднее дня, следующего за днем его достижения (ч. 3 ст. 24 Регламента).

Особенности правового статуса судебного примирителя раскрываются и в таких, на первый взгляд, факультативных, второстепенных факторах, как вопросы, связанные с вознаграждением судебного примирителя и требованием в отношении места проведения судебного примирения.

Стороны не оплачивают судебное примирение и не выплачивают вознаграждение судебному примирителю, что с финансово-экономической точки зрения для них более привлекательно по сравнению, например, с судебной медиацией. Расходы по проведению судебного примирения берет на себя государство. Вознаграждение судебному примирителю выплачивается из федерального бюджета в размере 1/2 должностного оклада судьи, рассматривающего дело, пропорционально числу дней участия судебного примирителя в процедуре судебного примирения (при участии судебного примирителя в местностях с тяжелыми климатическими условиями, в которых установлены надбавки и коэффициенты, они подлежат применению). Время занятости судебного примирителя исчисляется в днях, если за один день примиритель участвовал в нескольких процедурах примирения, вопрос о выплате вознаграждения решается судом за каждое участие в каждой процедуре отдельно.

Подобный механизм оплаты труда судьи в отставке соответствует его высокому статусу, мотивирует его работать качественно и профессионально, а сторонам позволит прибегнуть к дополнительной «опции», которую не придется оплачивать самостоятельно, что должно повысить интерес сторон к данной процедуре.

Что касается места проведения судебного примирения, то в соответствии с Регламентом оно осуществляется в здании суда, в котором судебному примирителю должно быть выделено отдельное помещение.

Сказанное свидетельствует о том, что при получении и последующей реализации статуса судебного примирителя судья в отставке продолжает плотно взаимодействовать с органами судейского сообщества и судебной системой, фактически оставаясь ее частью. Судебный примиритель, с одной стороны, не являясь участником судебного процесса, действует «вне его» в соответствии с Регламентом. Но, с другой стороны, судебный примиритель связан с судом и судебной системой и должен при осуществле-

нии судебного примирения взаимодействовать с судом, информировать суд о его ходе и незамедлительно сообщать о достигнутом результате.

В этой связи в литературе появились разнообразные мнения о роли судебного примирителя в процессе: одни ученые называют судебного примирителя «особо активным медиатором» [30, с. 112], подчеркивая его самостоятельную и независимую роль, другие – подчеркивают его тесную связь с судебной системой, называя судебного примирителя судебным медиатором при судах [31, с. 113] или вообще – «помощником судьи», а само судебное примирение – разновидностью судебной деятельности, проходящей в здании суда [32, с. 141], и наиболее близкое к производству в государственных судах [31, с. 104]; наконец, есть и те, кто прямо заявляет, что благодаря фигуре судебного примирителя, тесно связанной с судом, судебное примирение в перспективе должно быть интегрировано в судопроизводство и стать его частью, т.е., по сути, связывают перспективу развития данного института с его огосударствлением и приданием ему определенной процессуальной роли – дополнительной стадии судопроизводства.

Представленные позиции, в которых по-разному раскрываются функциональные роли судебного примирителя во взаимосвязи с судом, лишь отражают двойственную природу судебного примирения и дуализм правового статуса судебного примирителя. Действительно, судебный примиритель тесно связан с судом, поскольку он относится к судейскому сообществу, взаимодействует с судом непосредственно в процессе примирения сторон, наконец, уполномочен давать правовые оценки конфликту между сторонами и предлагать правовые пути его мирного урегулирования, в отличие, например, от медиатора, который выступает всего лишь «третьей» организующей стороной, налаживающей «партнерские» отношения между сторонам преимущественно с помощью психологических методов коммуникации. Это свидетельствует о том, что судебное примирение не является сугубо частной процедурой: оно возможно только после возбуждения дела, а достигнутые договоренности между сторонами с помощью судьи-примирителя имеют юридическое значение только после их принятия и утверждения судьей, ведущим дело.

Вместе с тем судебный примиритель действует в соответствии с Регламентом, а не с процессуальными кодексами, самостоятельно и независимо, он является субъектом договорного процесса, который инициирован волей конфликтующих сторон и проходит на основе

согласования между ними всех действий и этапов. Судебный примиритель при этом не разрешает правовой спор по существу (как это делает суд), устанавливая степень вины лица и определяя виновных, а его задача в поиске оптимального решения для каждой из сторон для урегулирования правового спора.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что осуществление судебного примирения порождает сложные многоуровневые отношения между сторонами, другими лицами, участвующими в деле (если они привлечены для участия в судебном примирении), и судебным примирителем; между судом, рассматривающим дело, и судебным примирителем; между судебным примирителем и судебским сообществом.

Взаимодействие судебного примирителя и сторон осуществляется за пределами полномочий официальной юрисдикции, но в границах законного интереса, требований и принципов законности, юридически значимой деятельности и юридического факта. Судебный примиритель целенаправленно действует в интересах сторон для достижения оптимального взаимовыгодного правового результата для каждой из них на основе саморегулирования и консенсуальности, что сближают судебное примирение с неюрисдикционными (альтернативными) процедурами разрешения спора.

Процессуальный закон обращает внимание на то, что судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не может совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса. Несмотря на это, судебный примиритель взаимодействует с судом: он может обращаться к суду с ходатайством об ознакомлении с материалами дела, а суд вправе запросить информацию о ходе примирительной процедуры. Кроме того, судебный примиритель должен информировать суд об итогах судебного примирения не позднее дня, следующего за днем его окончания. При этом формы взаимодействия суда и судебного примирителя не регламентированы, равно и вопрос о содержании запроса суда к примирителю о ходе примирения. В этой связи взаимодействие суда и примирителя может выходить за границы лишь формального взаимодействия.

Далеко не формальным является взаимодействие судебного примирителя и судебского сообщества. Судебный примиритель является судьей в отставке и получает свой статус в результате утверждения Верховным Судом РФ,

вознаграждение он получает от государства. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что судебный примиритель является частью судебского сообщества и частью судебной системы.

Нам представляется, что дуализм в правовом статусе судебного примирителя не случаен. С одной стороны, законодатель намеренно связал судебного примирителя с судебной системой. Это было важно сделать на фоне провала медиации, которая как способ защиты прав не смогла конкурировать с судебной защитой, а тем более заменить или вытеснить ее [33, с. 49–50]. Кроме того, закрепив взаимосвязь судебного примирителя с судом, законодатель стремился повысить «рейтинги» и солидность судебного примирения в системе примирительных процедур и придать судебному примирению качественно новое профессиональное содержание по сравнению, например, с судебной медиацией.

С другой стороны, самостоятельность сторон в процессе, которые действуют на основе согласования и договоренностей между собой, уже способствует их взаимодействию, а поиск обоюдного решения, которое предлагает судебный примиритель, окончательно может привести к мировому соглашению между ними. Важным положительным аспектом для сторон является безвозмездный характер судебного примирения, что повышает его привлекательность для сторон.

Хотя мы не ставили своей исследовательской задачей оценку последствий внедрения судебного примирения в правозащитный механизм, но не можем обойти вниманием позиции экспертов по этому вопросу. Так, одни исследователи высказывают оптимистичные прогнозы о том, что судебное примирение приживется в нашей юридической практике, поскольку привлечение судей в отставку позволит приостановить рост судебского корпуса, повысить материальные гарантии судьям в отставке; разгрузить суды и снизить транзакционные издержки для сторон.

Многие эксперты скептически относятся к будущему судебного примирения в правовой системе России, во всяком случае в свете того правового регулирования судебного примирения, механизм которого сформирован в действующем законодательстве. В частности, они обращают внимание на «сырость» и несовершенство его правового регулирования, в частности, в связи с отсутствием механизмов контроля за деятельностью судебного примирителя, критериев оценки результатов судебного примирения, а также мер ответственности судебного при-

мирителя. Многие специалисты высказывают опасение по поводу того, что судебное примирение станет обязательной процедурой, предшествующей судебной защите (как, например, претензионный порядок по ряду категорий дел), что может ограничить доступ граждан к правосудию и еще больше затруднит реализацию права человека на судебную защиту [3, с. 65].

Результаты

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что судебное примирение – это нетипичный институт российского права, объективное появление которого стало реакцией правовой системы на те конвергенционные процессы, которые интенсивно, а порой и агрессивно протекают в ней в последнее двадцатилетие. Очевидно, что познание правовой природы судебного примирения находится на начальной стадии, но уже сейчас понятно, что она имеет двойственные проявления, сочетая неюрисдикционные и юрисдикционные признаки, что является отражением тенденций по модернизации судебной власти в контексте проведения судебной реформы.

Внедрение института судебного примирения и других подобных практик (например, судебная медиация) в ближайшей перспективе усилят диспозитивность процессуального права. В плане правового регулирования законодатель действительно сделал все возможное, чтобы судебное примирение приобрело видимые черты неюрисдикционного процесса, прежде всего при осуществлении судебного примирения в процессе взаимодействия примирителя со сторонами. Однако особенности статуса судебного примирителя указывают на его тесную, крепкую связь с судебной системой настолько, что судебный примиритель остается ее частью. Для успешного внедрения судебного примирения в правовую систему России важно понять на практике, насколько органично законодателю удалось сочетать неюрисдикционные и юрисдикционные признаки в одном институте.

Полагаем, что неюрисдикционные механизмы в защите субъективных прав граждан будут только наращиваться в правовой системе России, поскольку правовые конфликты требуют более бюджетного, оперативного разрешения при отсутствии обременительных формальностей и бюрократических процедур, присущих судебной защите. В этой связи для эффективного правового регулирования и успешного встраивания судебного примирения и подобных нетипичных способов разрешения

правовых конфликтов в юридическую практику необходимо раскрытие их правовой природы в правозащитном механизме.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 июля.
2. Крымский Д. И. Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
3. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Последствия конвергенции частного и публичного права в сфере защиты субъективных прав // Государство и право. 2020. № 4. С. 58–67. <https://doi.org/10.31857/S013207690009235-0>
4. Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2020. № 3. С. 7–23. <https://doi.org/10.31857/S102694520014034-8>
5. Лисюткин А. Б., Архипова Е. Ю. Нормативные основания легализации неюрисдикционного процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 338–346. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-3-338-346>
6. Об итогах обобщения предложений по оптимизации судебной нагрузки : постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 25.02.2016 № 489. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Борисова Е. А. Снижение судебной нагрузки ставится во главе преобразований процессуального законодательства. URL: <https://www.garant.ru/interview/1144157/> (дата обращения: 10.10.2022)
8. Амосов С. М. К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 136–140. <https://doi.org/10.31857/S102694520012239-3>
9. Балаишов А. Н. Роль суда в примирении сторон в административном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2019. № 2. С. 174–181.
10. Шеменева О. Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. 2016. № 10. С. 37–40.
11. Дураев Т. А. Медиация и судебное примирение: особенности процессуальной формы и порядка осуществления // Медиация: правовые, психологические и коммуникативные аспекты / под ред. Е. Н. Тогузаевой. М. : Русайнс, 2022. С. 129–138.
12. Тюменева Н. В. Законодательные новеллы судебного примирения // Медиация: правовые, психологические и коммуникативные аспекты / под ред. Е. Н. Тогузаевой. М. : Русайнс, 2022. С. 138–156.
13. Трезубов Е. С., Исакова Е. Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики

- современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 1. С. 88–94. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-1-88-94>
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. Т. 30. Июль 1916 – февраль 1917. М. : Госполитиздат, 1962 562 с.
15. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. М. : Проспект, 2019. 768 с.
16. Петров К. В. Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4. С. 156–161. <https://doi.org/10.31857/S013076900093-1972>
17. Комиссарова Е. Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 2 (16). С. 23–27.
18. Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. 2016. № 3 (108). С. 46–58.
19. Асланян Н. П., Новикова Т. В. Прологомены к интерпретации термина «правовая природа» // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 4. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).28](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).28)
20. Диалектический и исторический материализм / под ред. А. Г. Мысливченко, А. П. Шептулина. М. : Политиздат, 1988. 446 с.
21. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М. : Мысль, 1986. 330 с.
22. Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 (ред. от 07.10.2022 г.) // Российская газета. 2002. 20 нояб. ; 2022. 11 окт.
23. Арбитражный процессуальный кодекс от 24.07.2022 (ред. от 07.10.2022 г.) // Российская газета. 2002. 27 июля ; 2022. 22 окт.
24. Кодекс административного судопроизводства от 08.03.2015 (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 2015. 11 марта ; 2022. 21 июля.
25. Регламент проведения судебного примирения : утв. Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2019. URL: <https://rg.ru/documents/2019/11/12/reglament-dok.html> (дата обращения: 10.10.2022).
26. Архипова Е. Ю. Неюрисдикционный процесс как объект теоретико-правового исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 200 с.
27. Юдин А. В. Последствия нарушения процессуальных норм о примирительных процедурах в гражданском судопроизводстве (к принятию Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 12. С. 549–557. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-12-549-557>
28. Солохин А. Гибко, эффективно, бесплатно: нюансы и подводные камни судебного примирения. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/gibko-effektivno-besplatno-nyuansy-i-podvodnye-kamni-sudebnogo-primireniya> (дата обращения: 10.10.2022).
29. Об утверждении Правил оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей : постановления Правительства РФ от 14.04.2020 № 504. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004160018> (дата обращения: 03.10.2022).
30. Сенен Ф. К. Судебное примирение и медиация как механизмы мирного урегулирования споров в современном гражданском процессе: общие и отличительные черты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2017. № 2. С. 109–114.
31. Долова М. О., Багрянская П. Д. Судебное примирение по гражданским делам // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 104–119. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.059>
32. Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Основные положения Концепции об институте примирения сторон в гражданском судопроизводстве (часть вторая) // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. С. 140–155.
33. Соловьев А. А. О некоторых процедурах разрешения спора мирным путем (опыт Французской республики) // Вестник Арбитражного суда Московской области. 2019. № 1. С. 49–60.

References

1. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. Federal Law 197-FZ of 26.07.2019. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2019, July 31 (in Russian).
2. Krymsky D. I. *Simplified Proceedings in the Civil Process of Foreign Countries*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2011. 26 p. (in Russian).
3. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Consequences of convergence of the private sector and public law in the field of protection of subjective rights. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 4, pp. 58–67 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S013207690009235-0>
4. Kleandrov M. I. On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 3, pp. 7–23 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520014034-8>
5. Lisyutkin A. B., Arhipova E. Yu. The normative bases of legalization of non jurisdictional process. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 338–346 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-3-338-346>
6. On the results of summarizing proposals for optimizing the judicial burden. Resolution of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation no. 489 of 25.02.2016. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
7. Borisova E. A. *Snizhenie sudebnoy nagruzki stavitsya vo glave preobrazovaniy protsessual'nogo zakonodatel'stva* (Reducing the judicial burden is made a priority of the transformation of procedural legislation). Available at: <https://www.garant.ru/interview/1144157> (accessed 10 October 2022) (in Russian).

8. Amosov S. M. On the issue of free justice. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 10, pp. 136–140 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520012239-3>
9. Balashov A. N. The court's role in reconciliation of the parties in administrative proceedings. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Right*, 2019, no. 2, pp. 174–181 (in Russian).
10. Shemeneva O. N. Conciliation agreement in the administrative judicial procedure: principal admissibility and correlation with amicable agreement in the civil proceedings. *Iurist* [Lawyer], 2016, no. 10, pp. 37–40 (in Russian).
11. Duraev T. A. Mediation and judicial reconciliation: features of the procedural form and procedure of implementation. In: Toguzueva E. N. (ed.) *Mediatsiya: pravovye, psikhologicheskie i kommunikativnye aspekty* [Mediation: legal, psychological and communicative aspects]. Moscow, Rusains Publ., 2022. pp. 129–138 (in Russian).
12. Tyumeneva N. V. Legislative novelties of judicial reconciliation. In: Toguzueva E. N. (ed.) *Mediatsiya: pravovye, psikhologicheskie i kommunikativnye aspekty* [Mediation: legal, Psychological and Communicative Aspects]. Moscow, Rusains Publ., 2022, pp. 138–156 (in Russian).
13. Trezubov E. S., Isakova E. G. Mediation Innovations in the Context of the Judicial Policy of Modern Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 88–94 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-1-88-94>
14. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 30. Iyul' 1916 – fevral' 1917* [Complete collection of works. 5th ed. Vol. 30. July 1916 – February 1917]. Moscow, Gospolitizdat, 1962. 562 p. (in Russian).
15. Ebzeev B. S. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow, Prospect Publ., 2019. 768 p (in Russian).
16. Petrov K. V. Concepts “legal reform” and “reform” in legal science. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 4, pp. 156–161 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S013076900093-1972>
17. Komissarova E. G. Formal logical aspects of “The legal nature” conception. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, iss. 2 (16), pp. 23–27 (in Russian).
18. Malyugin S. V. A category of legal nature in jurisprudence: The notion, determinants, key features, and approaches to understanding. *Russian Juridical Journal*, 2016, no. 3 (108), pp. 46–58 (in Russian).
19. Aslanyan N. P., Novikova T. V. Prolegomena to the interpretation of the term “legal nature”. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).28](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).28)
20. Myslivchenko A. G., Sheptulina A. P. (eds.) *Dialekticheskiy i istoricheskiy materializm* [Dialectical and Historical Materialism]. Moscow, Politizdat, 1988. 446 p. (in Russian).
21. Kerimov D. A. *Filosofskie osnovaniya politiko-pravovykh issledovaniy* [Philosophical Foundations of Political and Legal Research]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 330 p (in Russian).
22. The Civil Procedure Code of 14.11.2002 (an edition of 07.10.2022). *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2002, November 20; 2022. October 11 (in Russian).
23. The Arbitration Procedural Code of 24.07.2022 (an edition of 07.10.2022). *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2002, July 27; 2022, October 22 (in Russian).
24. The Code of Administrative Procedure of 08.03.2015 (an edition of 14.07.2022). *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2015, March 11; 2022, July 21 (in Russian).
25. *The Rules of judicial reconciliation: approved Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 31.10.2019*. Available at: <https://rg.ru/documents/2019/11/12/reglament-dok.html> (accessed 10 October 2022) (in Russian).
26. Arkhipova E. Yu. *Non-jurisdictional Process as an Object of Theoretical and Legal Research*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2017. 200 p. (in Russian).
27. Yudin A. V. Consequences of procedural rules violation on conciliation procedures in civil proceedings (to the adoption of the Federal Law 197-FZ of July 26, 2019 “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Current Issues of the State and Law], 2019, vol. 3, no. 12, pp. 549–557 (in Russian). <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-12-549-557>
28. Solokhin A. *Gibko, effektivno, besplatno: nyuansy i podvodnyye kamni sudebnogo primireniya* (Flexibly, effectively, free of charge: Nuances and pitfalls of judicial reconciliation). Available at: <https://legalacademy.ru/sphere/post/gibko-effektivno-besplatno-nyuansy-i-podvodnye-kamni-sudebnogo-primireniya> (accessed 10 October 2022) (in Russian).
29. *On the approval of the Rules of Remuneration of retired judges who perform the functions of judicial conciliators. Decree of the Government of the Russian Federation no. 504 of 14.04.2020*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004160018> (accessed 3 October 2022) (in Russian).
30. Senen F. K. Judicial reconciliation and mediation as mechanisms of peaceful settlement of disputes in modern civil process: Common and distinctive features. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2017, no. 2, pp. 109–114 (in Russian).
31. Dolova M. O., Bagryanskaya P. D. Judicial conciliation in civil cases. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 104–119 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.059>
32. Nosyreva E. I., Fil'chenko D. G. Main provisions of the Concept on the institution of a reconciliation of the parties in civil proceedings (Second part). *Herald of Civil Procedure*, 2015, no. 2, pp. 140–155 (in Russian).
33. Solov'ev A. A. On some procedures for resolving a dispute peacefully (experience of the French Republic). *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskoi oblasti* [Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow Region], 2019, no. 1, pp. 49–60 (in Russian).

Поступила в редакцию 16.10.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
 The article was submitted 16.10.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 96–105

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 96–105

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-96-105>, EDN: AMWGFU

Научная статья

УДК 342.951

Управленческие правоотношения в структуре механизма административно-правового регулирувания в сфере высшего образования

С. М. Рукавишников

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов, 410056, ул. Вольская, д. 1

Рукавишников Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, докторант кафедры административного и муниципального права, privet085@gmail.com, AuthorID: 1170418

Аннотация. Введение. В условиях реформирования высшей школы, развития общественных отношений и расширения рынка образовательных услуг соответствующие управленческие отношения приобретают все более сложный, комплексный характер, что требует всестороннего анализа деятельности как органов исполнительной власти, так и образовательных организаций в их взаимодействии.

Теоретический анализ. Широкое многообразие встречающихся в юридической литературе подходов к пониманию управленческих отношений в сфере высшего образования и образовательных правоотношений в вузе, а также особенностей взаимодействия их участников позволяет провести ряд аналогий со служебными отношениями. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что дисциплинарные правоотношения позитивного типа в сфере высшего образования связаны преимущественно со сферой стипендиального обеспечения, и соответствующие социальные связи обуславливают повышение эффективности государственного управления в сфере высшего образования. **Результаты.** Разнообразие административных правоотношений в сфере высшего образования обуславливает терминологическую неопределенность в отдельных вопросах реализации образовательных программ высшего образования, содержание которых в настоящее время законодательно не определено как предоставление государственных услуг. Также требует пересмотра сложившийся подход к нормативному регулированию контрольно-надзорных отношений в соответствующей сфере.

Ключевые слова: управленческие правоотношения, высшее образование, механизм административно-правового регулирования, сфера высшего образования

Для цитирования: Рукавишников С. М. Управленческие правоотношения в структуре механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 96–105. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-96-105>, EDN: AMWGFU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Governing relations in the structure of the mechanism of administrative legal regulation in the sphere of higher education

S. M. Rukavishnikov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Sergey M. Rukavishnikov, privet085@gmail.com

Abstract. Introduction. In conditions of reforming higher school, developing public relations and extending the market of educating services, the relevant governing relations acquire more complex nature, which requires the comprehensive analysis of the activity of both the bodies of executive power and education institutions in their cooperation. **Theoretical analysis.** The broad diversity of the theoretical approaches to the understanding of the governing relations in the sphere of higher education and legal relations at universities, and specific features of cooperation between the participants of such relations enables the author to make a number of analogies with service relations. **Empirical analysis.** The author revealed that the disciplinary legal relations of positive type in the sphere of higher education determine the enhancement of efficiency of the public administration in the sphere of higher education. **Results.** The multiplicity of administrative legal relations in the sphere of higher education causes the terminological ambiguity in certain issues of the realization of the education programs of higher education. The content of these programs are currently not determined legislatively as providing state services. The existing approach to the legal regulation of control and supervisory relations in the relevant sphere has to be reviewed.

Keywords: governing relations, higher education, mechanism of administrative legal regulation, sphere of higher education

For citation: Rukavishnikov S. M. Governing relations in the structure of the mechanism of administrative legal regulation in the sphere of higher education. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 96–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-96-105>, EDN: AMWGFU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Управленческий характер правоотношений, входящих в структуру механизма административно-правового регулирования, определяется спецификой административного права как отрасли, для которой облечение в нормы права правил организации и осуществления государственно-управленческой деятельности является ключевым атрибутивным признаком. Нормы административного права устанавливают саму возможность осуществления государственно-управленческих действий, определяют соответствующих властных субъектов, порядок и пределы их организующего воздействия на подвластные субъекты административного права. Изложенный тезис указывает на то, что органы исполнительной власти и их должностные лица, будучи субъектами административных правоотношений, наделены властными полномочиями. Вместе с тем это не означает их однозначного доминирования во взаимоотношениях с гражданами и организациями [1, с. 53]. В частности, это касается физических лиц, реализующих свои конституционные права в сфере высшего образования, для которых государство в лице уполномоченных органов исполнительной власти должно создать все необходимые условия, обеспечивающие возможность поступления в вуз, получения образования и прохождения государственной итоговой аттестации. Поэтому административные правоотношения могут характеризоваться не только наличием иерархических начал власти и подчинения, но и равенством их участников [2, с. 91].

Теоретический анализ

Специфика управленческих отношений в сфере высшего образования состоит в том, что они урегулированы не только административно-правовыми нормами. Процесс государственного управления в данной сфере, отношения, возникающие при поступлении в образовательные организации высшего образования, при реализации соответствующих образовательных программ, при проведении государственной итоговой аттестации и выдаче документов государственного образца о высшем образовании, контрольно-надзорные отношения в сфере высшего образования относятся к предмету административно-правового регулирования.

Одновременно существуют и иные организационно-управленческие отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в рамках внутриаппаратной деятельности администрации вуза, которая принимает локальные нормативные

акты и иным образом воздействует на педагогический коллектив. Общественные отношения в области управления трудом и организации труда, социального партнерства, а также связанные с участием профессорско-преподавательского состава в профессиональных союзах, в установлении условий труда относятся к предмету регулирования норм трудового права [3, с. 155–156]. Указанные социальные связи обуславливают надлежащую организацию труда в образовательной организации высшего образования.

Не следует отождествлять управленческие отношения в сфере высшего образования и образовательные правоотношения в вузе. Последние возникают в связи с реализацией обучающимися своего конституционного права на высшее образование. Они являются обязательными участниками таких правоотношений, посещая учебные занятия и выполняя требования профессорско-преподавательского состава, администрации вуза в соответствии с образовательной программой и правилами локальных нормативных актов. При отсутствии такого субъекта, как обучающийся, образовательное правоотношение возникнуть не может. Надлежащее функционирование вуза обеспечивается наличием и реализацией интереса у абитуриентов, а затем и обучающихся в приобретении соответствующих знаний. Вступая в образовательные правоотношения, обучающийся способствует поддержанию и развитию учебного процесса в конкретном вузе, целями которого являются реализация права граждан на получение высшего образования, достижение государственных и общественных интересов [4]. В научной литературе представлена мысль, что образовательные правоотношения возникают только между обучающимся и педагогическим работником [5, с. 223]. Однако с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться, поскольку обучающийся в рамках взаимодействия с административно-управленческим персоналом образовательных организаций также реализует свои права, исполняет обязанности в сфере образования. Неисполнение требований по освоению образовательной программы может повлечь дисциплинарную ответственность, что также является прерогативой администрации вуза. В то же время недостаточно убедительной выглядит предельно широкая трактовка образовательных правоотношений, которые, помимо названных случаев, возникают между вышестоящими и нижестоящими органами управления образованием, органами управления образованием и образовательными организациями высшего образования [6, с. 19]. Эти отношения не могут

рассматриваться как образовательные. Они связаны с общей организацией образовательного процесса, но непосредственно не обусловлены реализацией образовательных прав и исполнением обязанностей конкретными обучающимися.

В последние десятилетия в научных трудах развивается идея о том, что образовательные правоотношения составляют предмет отдельной отрасли права – образовательного права. В. М. Сырых обосновывает это массовидностью, устойчивостью этих отношений и их способностью обеспечивать удовлетворение жизненно важных интересов общества, государства и личности, а также ее социализацию [7, с. 206–207]. И. М. Бестаева полагает, что у образовательного права имеется свой собственный уникальный предмет, который отличает его от гражданского, трудового и административного права; соответствующие отношения неповторимы, имея отличительный по наполнению состав в части субъекта, объекта и содержания [8, с. 76]. Представляется все же, что образовательные правоотношения не характеризуются какой-либо уникальностью. По своей природе они делятся на публично-управленческие, трудовые, гражданско-правовые, и эти их сегменты входят в предметы соответствующих отраслей права. Образование в целом, включая высшее, является отраслью государственного управления, и нормы, регулирующие возникающие в связи с этим отношения, образуют институт Особенной части административного права. Образовательное же право должно рассматриваться не более чем как отрасль законодательства, комплексно регулирующая образовательные и иные отношения, обеспечивающие образовательную деятельность и процесс обучения.

Управленческие отношения в сфере высшего образования как элемент структуры механизма административно-правового регулирования включают в себя не только социальные связи, возникающие собственно при передаче знаний, но и организационный компонент, обеспечивающий саму возможность осуществления образовательной деятельности по реализации программ высшего образования, отбор для поступления в вуз, надлежащее качество образования, получение документов, подтверждающих достижение выпускниками соответствующего уровня высшего образования.

Указанные отношения, прежде всего, следует рассматривать через приму специфики предмета административно-правового регулирования, т. е. совокупности организационных отношений в сфере осуществления государственно-управленческой деятельности. Основной

его элемент – организационно-управленческие отношения, возникающие в процессе реализации исполнительной власти. Возникновение данных социальных связей обусловлено необходимостью организации функционирования системы высшего образования, проявляясь в том числе в иерархических отношениях между Правительством Российской Федерации и органами управления высшим образованием (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки), направленной на координацию и контроль деятельности последних. Указанные органы, в свою очередь, оказывают управленческое воздействие на образовательные организации в рамках своей компетенции. Минобрнауки России организует функционирование подведомственных ему вузов, а Рособрнадзор выдает лицензии на осуществление образовательной деятельности, участвует в контрольно-надзорных и аккредитационных отношениях с любыми образовательными организациями, реализующими программы высшего образования.

Особенность внешнеуправленческих отношений в сфере высшего образования состоит в том, что участие в них граждан может быть завершено на стадии прохождения отбора без дальнейшей реализации в отношении них образовательных программ высшего образования. Соответствующий сегмент социальных связей предвещает возникновение тех отношений, которые связаны с реализацией указанных программ. Данные отношения именуются экзаменационно-конкурсными и в настоящее время в связи с реализацией правил о едином государственном экзамене имеют двойственную природу. С одной стороны, они завершают образовательный процесс в рамках среднего общего образования, поскольку единый государственный экзамен является формой государственной итоговой аттестации. С другой стороны, вступление гражданина в экзаменационно-конкурсные отношения с успешным прохождением конкурсного отбора является условием реализации им конституционного права на бесплатное получение высшего образования на конкурсной основе.

Сущность экзаменационно-конкурсных правоотношений в административном праве заключается в принятии уполномоченным субъектом государственного управления у лица, которое претендует на приобретение определенного правового статуса или индивидуального права, специального (квалификационного) экзамена или проведении в отношении него другого испытания, организации его участия в специальном

конкурсном отборе, по результатам чего констатируется факт выполнения или невыполнения лицом установленных критериев конкурсного отбора, влияющий на возникновение имеющего публичное значение правового статуса [9, с. 169–170]. Применительно к рассматриваемым правоотношениям непосредственно орган исполнительной власти принимать единый государственный экзамен не может, однако реализует организационные функции, обеспечивающие возможность его приема. Это проявляется в том, что Рособрнадзор утверждает председателей государственных экзаменационных комиссий и их заместителей, согласует кандидатуры председателей предметных комиссий по учебным предметам, организует централизованную проверку экзаменационных работ участников единого государственного экзамена [10].

Одной из ключевых внешнеуправленческих функций является оказание физическим и юридическим лицам государственных услуг. В этом отношении правила, определяющие компетенцию Минобрнауки России в части оказания государственных услуг в сфере высшего образования и организации деятельности, осуществляемой подведомственными организациями, не являются в достаточной степени конкретными. Если нормотворческая функция подкрепляется исчерпывающим перечнем полномочий по принятию тех или иных нормативных правовых актов, то перечень государственных услуг в сфере высшего образования не установлен. По крайней мере, перечисленные в положении о Минобрнауки России [11] виды осуществляемой в отношении физических и юридических лиц деятельности не обозначены как «предоставление государственных услуг в сфере высшего образования». Такие виды деятельности, как признание иностранных ученых званий и ученых степеней, присвоение ученых званий, выдача разрешений вузам и научным организациям на открытие диссертационных советов, рассматриваются в качестве государственных услуг, но сфера, в которой они предоставляются, не является сферой высшего образования. Это научная сфера, имеющая собственное законодательное регулирование. Соответственно, возникает вопрос об отнесении образовательной деятельности по реализации программ высшего образования к государственным услугам.

Законодательно термин «государственные услуги в сфере образования» изменениями от 14 июля 2022 г. [12] исключен из текста статей Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [13], регулирующих вопросы финанси-

рования образования. Пояснительная записка к соответствующему законопроекту обосновывает этот шаг необходимостью устранения неоднозначности в толковании законодательства РФ в части использования понятия «государственная и муниципальная услуга в сфере образования», а также построения гармоничных образовательных правоотношений между их участниками с учетом роли педагогов в осуществлении ими важнейшей социально значимой функции по обучению и воспитанию нового поколения граждан. По мнению разработчиков законопроекта, реализация образовательных программ является не предоставлением государственных услуг, а конституционно предусмотренной государственной гарантией [14].

В остальных положениях указанного Закона полномочия по предоставлению отдельных государственных услуг отнесены к компетенции других органов (Рособрнадзор, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации). Однако Минобрнауки России согласно положению о нем по-прежнему является органом, уполномоченным на оказание государственных услуг в сфере высшего образования. Безусловно, в перспективе возможна корректировка положения о Минобрнауки России, поскольку любые подзаконные изменения отделены от законодательных временным интервалом, нередко значительным. В то же время для федеральных органов исполнительной власти понятие «оказание государственных услуг» является одним из системообразующих, поскольку на выделении функций построена типология указанных органов сообразно направлениям их деятельности [15]. Эти функции являются стандартными (выработка государственной политики, нормативно-правовое регулирование, контроль и надзор, управление государственным имуществом и оказание государственных услуг); различается их наполнение применительно к конкретным отраслям и сферам государственного управления.

Оказание государственных услуг является функцией федеральных агентств, а в случае их упразднения (отсутствия) она передается, как правило, федеральному министерству, уполномоченному в соответствующей отрасли или сфере государственного управления, что характерно и для Минобрнауки России. Таким образом, несмотря на исключение из законодательства об образовании термина «предоставление государственных услуг в сфере образования», отказ от него на подзаконном уровне применительно к данному министерству выглядит проблематичным, поскольку соответствующая деятельность должна охватываться той или иной функцией.

Если абстрагироваться от характеристики реализации образовательных программ как конституционной гарантии и выявить сущность данной деятельности, то она так или иначе выражается через услугу. Разные словари дают примерно одинаковое толкование услуги: она рассматривается как приносящее пользу или помощь другому действию [16, с. 839], а также как выполняемая для удовлетворения чьих-либо потребностей, нужд, при обслуживании кого-либо работа [17, с. 1399]. Содержащееся в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [18] определение понятия «государственная услуга» в целом соответствует словарному пониманию, за исключением уточнения о необходимости запроса заявителя для оказания такой услуги. Реализация образовательной программы высшего образования предусматривает действия профессорско-преподавательского состава вуза, приносящие пользу обучающимся в аспекте приобретения ими новых знаний и навыков. Таким образом, конституционная гарантированность высшего образования в государственных вузах не исключает такой формы содействия обучающимся, которую можно охарактеризовать как государственную услугу. В том же ключе рассуждает и И. В. Глазунова, утверждая, что через образовательные организации органы публичного управления оказывают публичные услуги в сфере образования [19, с. 67].

На важность правоотношений в сфере оказания государственных услуг в системе административно-правового регулирования указывает направленность законодательства и подзаконных нормативных правовых актов на детализацию порядка реализации прав и законных интересов граждан и организаций во всех отраслях и сферах государственного правления. В. М. Манохин в своих поздних работах пришел к идее о необходимости переосмысления предмета административного права через выделение отдельной группы общественных отношений, урегулированных нормами административного права, а именно в сфере предоставления государственных услуг [20, с. 17].

В связи с изложенным представляется неоправданным отказ законодателя от использования данной терминологии в отношении реализации образовательных программ высшего образования. По сути, государственные вузы, реализуя их, предоставляют обучающимся государственную образовательную услугу, а Минобрнауки России и иные федеральные органы исполнительной власти, в ведении которых

имеются свои вузы, организуют предоставление соответствующих услуг, что приводит к возникновению административных правоотношений.

В сфере высшего образования указанные правоотношения носят довольно сложный характер, что проявляется в отсутствии их сугубо «аппаратного» содержания, т. е. они могут возникать, изменяться и прекращаться в отсутствие непосредственного участия органа исполнительной власти или его должностного лица. Властвующим субъектом в них могут быть и иные исполнительные структуры – администрации государственных организаций [21, с. 41], в том числе вузов. Эти отношения более вариативны, нежели многие другие административные правоотношения. В сфере высшего образования назначение и сущность государственно-управленческой деятельности как формы практической реализации исполнительной власти обеспечивают достижение публичного интереса. Аппарат государственного управления обеспечивает повседневное функционирование нижестоящих звеньев, подведомственных организаций и иных организаций, чья деятельность охватывается государственными интересами. Подобный интерес обнаруживается в отношении обучающихся образовательных организаций высшего образования, от чьей дисциплинированности зависит надлежащая подготовка кадров для всех отраслей и сфер государственного управления и дальнейшее развитие страны. В связи с этим законодательством урегулированы отношения по применению позитивных и негативных санкций к обучающимся. Относимость дисциплинарных правоотношений, связанных с применением к обучающимся (аспирантам, студентам и др.) негативных санкций, к предмету административно-правового регулирования обстоятельно изложена в трудах Д. Н. Бахраха [22].

Что касается дисциплинарных отношений позитивного характера, то государством санкционировано применение к обучающимся вузов различных материальных и нематериальных поощрений. Государственно-управленческая природа таких правоотношений отчетливо видна по наличию публичного интереса, выраженного в нормативных правовых актах органов исполнительной власти, которые предписывают администрации вуза при наличии необходимых фактических оснований оказывать поощрительное воздействие на обучающихся. В данном случае внешнеуправленческое воздействие органов исполнительной власти, направленное на повышение эффективности образовательного процесса, трансформируется в принятие внутриорганизационных мер в рам-

ках конкретной образовательной организации. Фиксация администрацией вуза достижений обучающихся порождает отношения, схожие с внутриорганизационными правоотношениями поощрительного свойства, которые возникают в деятельности государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности внутри аппарата государственных органов.

Эмпирический анализ

Среди распространенных дисциплинарных правоотношений позитивного типа в сфере высшего образования можно выделить социальные отношения, связанные:

1) с назначением государственной академической стипендии студентам, если по итогам промежуточной аттестации у них отсутствуют академическая задолженность и удовлетворительные оценки [23];

2) с переводом с платного обучения на бесплатное, фактическими основаниями применения которого являются отсутствие дисциплинарных взысканий, академической задолженности, задолженности по оплате обучения, если за два семестра обучения, предшествующих подаче заявления, все экзамены были сданы на отличные или хорошие оценки [24, п. 6];

3) с присуждением именных стипендий. В частности, они могут быть назначены слушателям и курсантам федеральных казенных образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний, которые добились значимых результатов в научно-исследовательской работе и профессиональном обучении (по отдельным дисциплинам и по курсу обучения в целом) [25].

Названные социальные связи, возникающие в связи с позитивным воздействием на обучающихся, обуславливают повышение эффективности государственного управления и административно-правового регулирования в сфере высшего образования, стимулируя возникновение потребности у обучающихся в повышении уровня знаний и освоении образовательных программ [26, с. 169].

Публичный интерес очевиден также в отношениях, возникающих в процессе государственной итоговой аттестации обучающихся, по результатам которой выдается документ установленной государством формы, подтверждающий получение ими высшего образования соответствующего уровня. По сути, его выдача является юридическим фактом, прекращающим образовательные правоотношения. Несмотря на отсутствие непосредственного участия го-

сударства, его органов и должностных лиц (за исключением возможного представительства работодателей – государственных органов) в данной процедуре, формируется «государственная экзаменационная комиссия», председатель которой, как правило, утверждается Минобрнауки России или иным федеральным органом исполнительной власти в случае наличия у него подведомственных вузов. Для ее функционирования характерны черты административно-правонадательной деятельности, поскольку ее решение констатирует освоение обучающимся образовательной программы и достижение образовательного уровня, а получивший документ об образовании выпускник приобретает возможность трудоустройства по определенной профессии (должности).

Образовательные организации высшего образования являются объектами государственного управления, в связи с чем на них оказывается властно-организующее воздействие со стороны субъектов – органов исполнительной власти. При этом не имеют значения форма собственности организации (государственная, муниципальная, частная) и ведомственная принадлежность. Такое воздействие осуществляется в рамках так называемой государственной регламентации образовательной деятельности, предусмотренной ст. 90 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [13]. Само по себе законодательное понимание регламентации не вызывает сомнений, предполагая установление требований в области осуществления образовательной деятельности и процедур проверки их выполнения. Однако ее структурное наполнение не выглядит корректным, поскольку включает в себя не нормативно-правовое регулирование, составляющее суть регламентации, а конкретные виды государственно-управленческого воздействия на подвластные субъекты – лицензирование, аккредитацию и контрольно-надзорную деятельность. Возникающие при этом правоотношения могут быть охарактеризованы как контрольно-надзорные.

Правоотношения в сфере лицензирования традиционно обособляются законодателем ввиду особой важности отдельных видов деятельности с точки зрения обеспечения безопасности личности, общества и государства от исходящих от них угроз. Вместе с тем лицензирование осуществляется контрольно-надзорными органами, в том числе Рособrnнадзором, и включается в содержание контроля и надзора в соответствии с пп. «б» п. 2 Указа Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполни-

тельной власти» [15]. С точки зрения теории административного права лицензионные правоотношения также возникают в рамках осуществления контрольно-надзорной деятельности как особого организационно-правового способа обеспечения законности и дисциплины в сфере реализации исполнительной власти, состоящего в осуществлении субъектами государственного управления специфических узкоспециализированных исполнительных, регулирующих, разрешительных, контрольных и иных функций в той или иной отрасли или сфере [27, с. 187–188].

В научной литературе верно подмечено, что правоотношения в сфере государственной аккредитации образовательной деятельности также по своей сути являются социальными связями контрольно-надзорного типа [28, с. 132]. Содержание законодательства об образовании подтверждает этот тезис. Во-первых, цель аккредитации состоит в подтверждении аккредитационным органом соответствия качества образования в образовательной организации. Предметом же аккредитации является подтверждение соответствия качества образования в образовательной аккредитации по заявленным для государственной аккредитации образовательным программам, установленным аккредитационным показателям [13]. Во-вторых, предписание об устранении выявленного нарушения, выдаваемое по результатам осуществления контрольно-надзорных мероприятий, направлено в том числе на приведение образовательной деятельности к соответствию установленным аккредитационным показателям.

Если обобщить урегулированные нормами административного права правоотношения в сфере высшего образования, то они могут быть классифицированы по разным основаниям. В зависимости от субъектов, между которыми они возникают, могут быть выделены отношения между: 1) различными звеньями системы исполнительной власти; 2) органом исполнительной власти и образовательными организациями высшего образования; 3) администрацией образовательной организации и обучающимися (абитуриентами); 4) профессорско-преподавательским составом и обучающимися.

В системе органов исполнительной власти управленческие отношения могут иметь как иерархическую основу (между Правительством РФ и находящимися в его ведении органами – Минобрнауки России и Рособrnадзором), так и горизонтальную. Надлежащая организация образовательной деятельности и повышение ее эффективности в ведомственных вузах опреде-

ляется взаимодействием Минобрнауки России и федеральных органов исполнительной власти, в ведении которых они находятся. В частности, подготовка кадров для отрасли здравоохранения не может обходиться без взаимодействия Минобрнауки России и Минздрава России [29]. В отношениях между органом исполнительной власти и вузом характер управленческого воздействия также может различаться. Между органами исполнительной власти и подведомственными им вузами возникают отношения управления государственным имуществом, организации и обеспечения образовательной деятельности. В большей степени публично-властный характер воздействия выражен в деятельности Рособrnадзора, реализующего контрольно-надзорные функции в отношении любых образовательных организаций высшего образования.

В зависимости от обусловленности образовательным процессом исследуемые правоотношения подразделяются на: 1) обусловленные образовательным процессом по реализации программ высшего образования и 2) не обусловленные. Вторые относятся к числу образовательных отношений, в которых обязательным субъектом является обучающийся, реализующий свои права и выполняющий обязанности в сфере высшего образования при взаимодействии с администрацией вуза и профессорско-преподавательским составом. Отношения, не обусловленные образовательным процессом по реализации программ высшего образования, возникают без участия студентов и обеспечивают либо создание условий для надлежащей организации деятельности вузов, либо осуществление конституционного права граждан на поступление в них.

Результаты

Таким образом, административные правоотношения в сфере высшего образования отличаются довольно сложным характером, возникая как внутри системы органов исполнительной власти, так и в рамках функционирования администрации вузов и деятельности профессорско-преподавательского состава. С их разнообразием связана и недостаточно четкая терминологическая определенность ряда отношений, в первую очередь, обусловленных реализацией образовательных программ высшего образования, содержание которых законодатель отказался определять как оказание государственных услуг. Кроме того, очевидна узость законодательного понимания контрольно-надзорных отношений, не соответствующих теоретическим воззрениям о контрольно-надзорной деятельности.

Список литературы

1. Серков П. П. Административные правоотношения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6. С. 49–64. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.58.6.049-064>
2. Административное право. Административный процесс : учебник / под ред. М. А. Лапиной, Г. Ф. Ручкиной. М. : Юстиция, 2022. 578 с.
3. Слюсарев Д. С. Актуальные проблемы организационно-управленческих правоотношений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 155–157.
4. Спаская В. В. Образовательное правоотношение как система: структура и взаимодействие элементов // Современное право. 2006. № 8. С. 72–75.
5. Тыцкая Я. А. Образовательные правоотношения – ключевые отношения в системе образования // Наука. Общество. Государство : Электронный научный журнал. 2013. № 1 (1). С. 219–226.
6. Бельский К. С. Управление педагогическим процессом в юридическом вузе // Государство и право. 2009. № 8. С. 14–23.
7. Сырых В. М. Введение в теорию образовательного права. М. : Готика, 2002. 340 с.
8. Бестаева И. М. Правовые аспекты формирования образовательного права как самостоятельной правовой отрасли России // Бизнес в законе. 2011. № 4. С. 75–78.
9. Стахов А. И., Кононов П. И. Исполнительное административно-процессуальное право : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2022. 373 с.
10. Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования, утв. Приказом Минпросвещения России № 190, Рособрнадзора № 1512 от 7 ноября 2018 г. (с изм. от 16 марта 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2022).
11. Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 (ред. от 01.04.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 26, ст. 3851 ; 2022. № 15, ст. 2481.
12. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : федер. закон от 14.07.2022 № 295-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5262.
13. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5262.
14. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 105337-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» // Государственная Дума ФС РФ : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/105337-8> (дата обращения: 01.09.2022).
15. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 20.11.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11, ст. 945 ; 2020. № 47, ст. 7508.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
18. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4179; 2022. № 1 (ч. I), ст. 18.
19. Глазунова И. В. Формирование методов правового регулирования в процессе административных реформ // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 65–74. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-2-65-74>
20. Манохин В. М. Административное право России : учебник. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2010. 266 с.
21. Россинский Б. В. Современное понимание предмета административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № S3.1. С. 37–43. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-3-37-43>
22. Бахрах Д. Н. Особенности дисциплинарной ответственности как вида юридической ответственности // Современное право. 2008. № 10. С. 40–41.
23. Об установлении требований к студентам, обучающимся по очной форме обучения за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов, которым назначается государственная академическая стипендия : приказ Министерства образования и науки РФ от 25.02.2014 № 139 // Российская газета. 2014. 14 марта.
24. Об утверждении Порядка и случаев перехода лиц, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования, с платного обучения на бесплатное : приказ Министерства образования и науки РФ от 06.06.2013 № 443 (ред. от 07.04.2017) // Российская газета. 2013. 25 июля. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2022).
25. Об учреждении именных стипендий для курсантов и слушателей федеральных казенных образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний : приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 23.06.2014 № 328 // Российская газета. 2014. 20 авг.
26. Поощрительные санкции в праве: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2016. 400 с.
27. Конин Н. М. Административное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2010. 448 с.
28. Дергунов А. А. Аккредитационная деятельность как направление государственного контроля и надзора в

сфере образования // Публичная власть: реальность и перспективы : сб. науч. тр. по материалам III Саратовских административно-правовых чтений (Международ. науч.-практ. конф.) (г. Саратов, 28-29 сентября 2017 г.) / под ред. А. Ю. Соколова. Саратов : ИП Коваль Ю. В., 2017. С. 129–132.

29. В Минздраве России обсудили подготовку кадров и проведение научных исследований в области медицины // Министерство образования и науки РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/41790/> (дата обращения: 07.09.2022).

References

1. Serkov P. P. Administrative Legal Relations. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 6, pp. 49–64 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.58.6.049-064>
2. Lapina M. A., Ruchkina G. F. (eds.) *Administrativnoe pravo. Administrativnyi protsess* [Administrative Law. Administrative Process]. Moscow, Yustitsiya Publ., 2022. 578 p. (in Russian).
3. Slyusarev D. S. Actual problems of organizational and managerial legal relations. *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*, 2018, no. 4, pp. 155–157 (in Russian).
4. Spasskaya V. V. Educational relationship as a system: Structure and interaction of elements. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2006, no. 8, pp. 72–75 (in Russian).
5. Tytskaya Ya. A. Educational legal relations as key relations in the system of education. *Nauka. Society. State: Electronic Scientific Journal*, 2013, no. 1 (1), pp. 219–226 (in Russian).
6. Belsky K. S. Management of the pedagogical process in a law school. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2009, no. 8, pp. 14–23 (in Russian).
7. Syrykh V. M. *Vvedeniye v teoriyu obrazovatel'nogo prava* [Introduction to the Theory of Educational Law]. Moscow, Gotika Publ., 2002. 340 p. (in Russian).
8. Bestaeva I. M. Legal aspects of formation of the educational right as independent legal branch of Russia. *Business in Law*, 2011, iss. 4, pp. 75–78 (in Russian).
9. Stakhov A. I., Kononov P. I. *Iсполnitel'noye administrativno-protsessual'noye pravo* [Executive Administrative Procedural Law]. Moscow, Yurayt Publ., 2022. 373 p. (in Russian).
10. The procedure for conducting state final certification for educational programs of secondary general education, approved. Order of the Ministry of Education of Russia no. 190, Rosobrnadzor no. 1512 November 7, 2018 (an edition of March 16, 2021). *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoy informatsii* (Official Internet portal of legal information). Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 12 September 2022) (in Russian).
11. On the approval of the Regulations on the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation No. 682 of 15.06.2018 (an edition of 1.04.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2018, no. 26, art. 3851; 2022, no. 15, art. 2481 (in Russian).
12. On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation”. Federal Law 295-FZ of 14.07.2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2022, no. 29 (pt. III), art. 5262 (in Russian).
13. On Education in the Russian Federation. Federal Law 273-FZ of 29.12.2012 (an edition of 5.12.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 53 (pt. I), art. 7598; 2022, no. 29 (pt. III), art. 5262 (in Russian).
14. Explanatory note to the draft Federal Law 105337-8 “On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation”. *State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. Site. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/105337-8> (accessed 1 September 2022) (in Russian).
15. On the system and structure of federal executive bodies. Decree of the President of the Russian Federation no. 314 of 9.03.2004 (an edition of 20.11.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2004, no. 11, art. 945; 2020, no. 47, art. 7508 (in Russian).
16. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed., supplemented. Moscow, LLC “A TEMP”, 2006. 944 p. (in Russian).
17. Kuznetsova S. A. (ed.) *Bol'shoy tolkoviy slovar' russkogo yazyka* [Large Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
18. On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law 210-FZ of 27.07.2010 (an edition of 30.12.2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 31, art. 4179; 2022, no. 1 (pt. I), art. 18 (in Russian).
19. Glazunova I. V. Formation of methods of legal regulation in the process of administrative reforms. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2022, no. 2, pp. 65–74 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-2-65-74>
20. Manokhin V. M. *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Saratov, IP Er Media, 2010. 266 p. (in Russian).
21. Rossinsky B. V. Modern understanding of the subject administrative law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2021, no. S3.1, pp. 37–43 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-3-37-43>
22. Bakhrakh D. N. Peculiarities of disciplinary liability as a type of legal liability. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2008, no. 10, pp. 40–41.
23. On establishing requirements for students studying full-time at the expense of budget allocations from the budgets of the constituent entities of the Russian Federa-

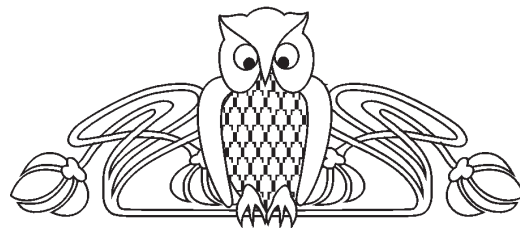
- tion and local budgets, who are assigned a state academic scholarship. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. 139 of 25.02.2014. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2014, March 14 (in Russian).
24. On approval of the Procedure and cases of transition of persons studying in educational programs of secondary vocational and higher education from paid education to free education. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. 443 of 06.06.2013 (an edition of 07.04.2017). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2013, July 25; Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 12 September 2022) (in Russian).
25. On the establishment of nominal scholarships for cadets and students of federal state educational organizations of higher education of the Federal Penitentiary Service. Order of the Federal Penitentiary Service no. 328 of 23.06.2014. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2014, August 20 (in Russian).
26. Matuzov N. I., Malko A. V. (eds.) *Pooshchritel'nye sanktsii v prave: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekt* [Incentive Sanctions in Law: General Theoretical and Branch Aspects]. Moscow, Yurlitinform, 2016. 400 p. (in Russian).
27. Konin N. M. *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 448 p. (in Russian).
28. Dergunov A. A. Accreditation Activity as a Direction of State Control and Supervision in the Field of Education In: Sokolov A. Yu. (ed.) *Publichnaya vlast': real'nost' i perspektivy* [Public Authority: Reality and Prospects. Proceedings of the III Saratov Administrative and Legal Readings (International Scientific and Practical Conf.) (Saratov, September 28–29, 2017). Saratov, IP Koval Yu.V., 2017, pp. 129–132 (in Russian).
29. Training of personnel and scientific research in the field of medicine discussed at the Ministry of Health of Russia. *Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/41790/> (accessed 7 September 2022) (in Russian).

Поступила в редакцию 22.10.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 22.10.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

Научная статья
УДК 340

Прецедент в римском праве: основные термины и их содержание

Д. Г. Татарников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Татарников Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права, demetriost@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Аннотация. Введение. До сегодняшнего дня господствует мнение о том, что прецедент не играл значимой роли в правовой системе Рима. Однако ряд источников свидетельствуют об обратном, в частности, фиксирующие провинциальную правовую практику папирусные протоколы судебных процессов римского Египта I–III вв. О значимой роли прецедента в правовой системе Рима свидетельствуют также тексты М. Туллия Цицерона, М. Фабия Квинтилиана, Псевдо-Асония, Г. Юлия Виктора. **Теоретический анализ.** Исследование этих текстов позволяет понять, какие термины использовали сами римляне для обозначения авторитетного судебного решения, какое смысловое содержание они в них вкладывали и насколько это содержание близко современному представлению о судебном прецеденте. Для обозначения судебного решения, которое становится образцом и на которое будут ориентироваться судьи, разбирая другие дела со схожими обстоятельствами, римские ораторы используют термины *res iudicata*, *praeiudicium* и *exemplum*. Прецедент, в классическом его понимании, содержит в себе принципиальные правовые положения, сформулированные судьей применительно к конкретному делу, которые принято обозначать термином *ratio dicendi*. Возникает вопрос о том, могло ли решение суда в Риме устанавливать эти правовые положения, которым следовали другие судьи. **Эмпирический анализ.** Ответ на этот вопрос можно получить из рассмотрения дела о так называемом Фульциниевом поместье. Будучи в этом деле представителем Цецины, Цицерон предостерегает рекуператоров от принятия аргументации своего противника Пизона, исходя из правовых последствий их возможного решения. То есть в этом деле судьи могли вынести решение, содержащее новый правовой принцип – сформулировать обобщенное правовое положение применительно к данному делу. **Результаты.** Судебные решения в правовой системе Рима обладали силой авторитета. Они обладали им не просто так, а в силу обобщенной правовой аргументации или правовых принципов, сформулированных судьями применительно к разбираемой ситуации. Именно поэтому они становились прецедентами. Таких судебных решений в Риме было множество, они обладали достаточным авторитетом и содержали в себе определенные правовые принципы, которые судьи применяли при рассмотрении дел со сходными обстоятельствами.

Ключевые слова: прецедент, *res iudicata*, *praeiudicium*, *exemplum*, правовые принципы, обобщенная юридическая аргументация, тяжба о Фульциниевом поместье, авторитет судебного решения

Для цитирования: Татарников Д. Г. Прецедент в римском праве: основные термины и их содержание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 106–111. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-106-111>, EDN: CUQJKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Precedent in Roman law: Basic terms and their semantic content

D. G. Tatarnikov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitriy G. Tatarnikov, demetriost@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Abstract. Introduction. Until today, the prevailing opinion is that precedent did not play a significant role in the legal system of Rome. However, a number of sources, in particular the papyrus entries of judgement which record the provincial legal practice in Roman Egypt in the period from the 1st to the 3rd centuries, say otherwise. The significant role of precedent in the legal system of Rome is also evidenced with the texts of M. Tullius Cicero, M. Fabius Quintilian, Pseudo-Asconius, G. Julius Victor. **Theoretical analysis.** The study of these texts makes it possible to understand what terms the Romans used to denote an authoritative judicial decision, what semantic content they put into them, and how close this content is to the modern idea of a judicial precedent. To designate a court decision that becomes a model, and which judges will be guided by when considering other cases with similar circumstances, Roman talkers use the terms *res iudicata*, *praeiudicium*, and *exemplum*. The precedent, in its classical sense, contains the fundamental legal provisions formulated by the judge in relation to this case, which are usually denoted by the term *ratio dicendi*. The question arises whether the decision of the court in Rome could

establish these legal principles followed by other judges. **Empirical analysis.** The answer to this question can be obtained by considering the case of the so-called Fulcinian Estate. Being the representative of Caecina in this case, Cicero warns the recuperators against accepting the arguments of his opponent, Piso, based on the legal consequences of their possible decision. Thus, in this case, the judges could issue a decision containing a new legal principle, formulate a generalized legal position in relation to this case. **Results.** Court decisions in the legal system of Rome had the power of authority. They possessed it for a reason, due to the generalized legal reasoning or legal principles formulated by the judges in relation to the situation under consideration. That is why they became precedents. There were many such court decisions in Rome, they had sufficient authority and contained certain legal principles that judges applied when considering cases with similar circumstances.

Keywords: precedent, *res iudicata*, *praeiudicium*, *exemplum*, legal principles, generalized legal reasoning, litigation about the Fulcinian Estate, the authority of the court decision

For citation: Tatarnikov D. G. Precedent in Roman law: Basic terms and their semantic content. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 106–111 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-106-111>, EDN: CUQJKD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня распространено мнение о том, что судебный прецедент исторически возник и развивался в условиях английской правовой системы [1, с. 258]. Однако еще в 1912 г. Э. Вайс, изучая папирусные протоколы судебных процессов римского Египта I–III вв. [2, р. 833–841], отметил, что их участники чаще ссылаются на вынесенные ранее судебные решения, чем на эдикты или рескрипты [3]. Г. Ф. Йолович, изучая эти протоколы, писал, что в римском Египте «существовала устойчивая практика цитировать судебные прецеденты как аргумент в судебных разбирательствах; прецедент часто выступал в качестве главного основания для вынесения вердикта; причем такая практика облегчалась использованием официальных журналов и сборников, составленных из протоколов, которые были скопированы из этих журналов» [4, р. 12].

Количество ссылок на прецеденты достаточно велико: папирологические источники состоят из 23 судебных протоколов, 12 прошений и 18 документальных досье. Каждая из этих групп содержит ссылки на 30, 12 и 44 прецедента соответственно [5, с. 87].

Вместе с тем большинство исследователей полагают, что судебная практика Рима отличалась от провинциальной судебной практики, поэтому прецедент в Риме значимой роли не играл. Считается, что о прецеденте упоминают, главным образом, риторы, а использование прецедента в судебном процессе – это прием, который можно отнести скорее к средствам риторики, чем к юридической аргументации.

Единственный юридический текст, в котором авторитетному судебному решению в сходных случаях придается сила закона, – рескрипт Септимия Севера: “*Nam imperator noster Severus rescripit in ambiguitatibus quae ex legibus proficiscuntur consuetudinem aut rerum perpetuo similiter iudicatarum auctoritatem vim legis optinere debere*” («Ведь император наш Север предписал,

что в случае сомнений, которые возникают из законов, должен иметь силу закона обычай или авторитет дел, постоянно решаемых судами сходным образом») [6, Callist., 1 quaest. D. 1.3.38]. Согласно общепринятой точке зрения, этот рескрипт можно отнести скорее к провинциальной судебной практике, а поскольку она отличалась от судебной практики Рима, то «прецедент не играл значимую роль в правовой системе Рима» [7, с. 124].

Теоретический анализ

Как кажется, юридическую терминологию нашего времени и ее смысловое наполнение не стоит безоговорочно накладывать на правовую систему Рима. Ни сам термин «прецедент», ни его современное содержание не были знакомы ни римским юристам, ни римским ораторам. Вернее было бы разобраться в том, какие термины использовали сами римляне для обозначения авторитетного судебного решения, какое смысловое содержание в них вкладывали и в какой степени это содержание близко современному представлению о судебном прецеденте.

Обратимся к текстам ораторов, в которых говорится о значимости судебных решений.

1. Цицерон («Топика»): “*Ut si quis ius civile dicat quod esse quod in legibus, senatus consultis, rebus iudicatis, iuris peritorum auctoritate, edictis magistratuum, more, aequitate consistat*” («Как если кто-либо скажет, что гражданское право – это то, что заключается в законах, постановлениях сената, судебных решениях (*rebus iudicatis*), авторитете знатоков права, эдиктах магистратов, обычае, справедливости») [8, Cic. Top. 5.28].

2. Цицерон («Об ораторе»): “*Ad probandum autem duplex est oratori subiecta materies: una rerum earum, quae non excogitantur ab oratore, sed in re positae ratione tractantur, ut tabulae, testimonia, pacta, conventa, quaestiones, leges, senatus consulta, res iudicatae, decreta, responsa, reliqua si quae sunt*” («Для доказательства оратор располагает

средствами двоякого рода. Первое состоит не в том, что придумывает оратор, а в том, что он планомерно извлекает из самого дела; это – документы (*tabulae*), свидетельства (*testimonia*), договоры (*pacta*), соглашения (*conventa*), показания (*quaestiones*), законы (*leges*), постановления сената (*senatus consulta*), судебные решения (*res iudicatae*), указы (*decreta*), заключения правоведов (*responsa*) и все остальное» [9, Cic. De orat. II.116].

3. Квинтилиан («Риторические наставления»): “*Ex illo priore genere sunt praeiudicia, rumores, tormenta, tabulae, ius iurandum, testes, in quibus pars maxima contentionum forensium consistit*” («Из этого к первому роду доказательств относятся преюдициальные решения (*praeiudicia*), слухи, показания под пытками, письменные доказательства, сакральная присяга, свидетели, им принадлежит наибольшее значение в судебных делах») [10, Quint. Inst. orat. V.1.2].

4. Квинтилиан («Риторические наставления»): “*Iam praeiudiciorum vis omnis tribus in generibus versatur: rebus quae aliquando ex paribus causis sunt iudicatae, quae exempla rectius dicuntur, ut de rescissis patrum testamentis vel contra filios confirmatis: iudiciis ad ipsam causam pertinentibus, unde etiam nomen ductum est, qualia in Oppianicum facta dicuntur et a senatu adversus Milonem; aut cum de eadem causa pronuntiatum est, ut in reis deportatis et adsertione secunda et partibus centumviralium quae in duas hastas divisae sunt. Confirmantur praecipue duobus: auctoritate eorum, qui pronuntiaverunt, et similitudine rerum, de quibus quaeritur; refelluntur autem raro per contumeliam iudicum, nisi forte manifesta in iis culpa erit. Vult enim cognoscentium quisque firmam esse alterius sententiam, et ipse pronuntiaturus, nec libenter exemplum, quod in se fortasse reccidat, facit*” («Ныне вся сила преюдициальных решений заключается в трех разновидностях: в делах, по которым когда-нибудь уже были вынесены судебные решения, исходя из подобных случаев, которые вернее называть образцами/прецедентами (*exempla*), как, например, дела об отцовских завещаниях, признанных недействительными или утвержденных против интересов детей; в судебных решениях, относящихся к самому делу, откуда они свое название и получили, таковыми были, как говорят рассмотренные сенатом дела против Оппианика и Милона; или когда по тому же самому делу было сделано заявление; как то бывает с преступниками, осужденными в ссылку, и при вторичном заявлении перед судом, а также при судебных процессах центумвиров, разделенных на две части. Они [преюдициальные решения] утверждаются, главным образом, по двум причинам: благодаря авторитету тех лиц, которые

вынесли такие решения, и из-за сходства дел, по которым ведется разбирательство. Из-за угрозы бесчестья судьей они редко отвергаются, разве что в них [в этих делах] откроется, явна вина [судей]. Ведь каждый судья склонен подтверждать приговор другого [судьи]: поскольку он сам в будущем может подвергнуться осуждению, то неохотно создает образец судебного решения / прецедент того, что может обратиться против него самого) [10, Quint. Inst. orat. V.2.1–2].

5. Псевдо-Асконий («Дивинация против Цецилия»): “*Praeiudicium dicitur res, quae, cum statute fuerit, affert iudicaturis exemplum, quod sequantur; iudicium autem res, quae causam litemque determinat*” («Преюдицей называется дело, которое, после того как было установлено, подает образец/прецедент будущим судебным решениям, которые [за ним] последуют; судом же дело, которое определяет характер и причину спора») [11, Ps.-Ascon. Div. in Caec. 9.12].

6. Г. Юлий Виктор («Искусство красноречия»): “*Praeiudiciorum vis omnis tribus in generibus maxime versatur: rebus, quae aliquando ex aliis causis sunt iudicatae, quae exempla rectius dicuntur, veluti de rescissis partum testamentis vel contra filios confirmatis: item iudiciis ad ipsam causam pertinentibus, unde etiam nomen hoc dictum est, qualia in Oppianicum facta dicuntur et a senatu adversus Milonem: item cum de eadem causa pronuntiatum est... constet oratio. Confirmatur autem praecipue duobus, auctoritate eorum, qui pronuntiaverunt, et similitudine rerum, de quibus quaeritur*” («Вся сила преюдициальных решений заключается, главным образом, в трех разновидностях: в делах, по которым когда-либо были вынесены судебные решения, исходя из других тяжб, которые вернее называть образцами/прецедентами, такие как [дела] о признанных недействительными отцовских завещаниях или утвержденных против интересов сыновей. Также в судебных решениях, относящихся к самому делу, откуда произошло это название, таковыми были, как говорят рассмотренные сенатом дела против Оппианика и Милона. Также в устном утверждении, когда по этому же делу сделано заявление. Они [преюдициальные решения] утверждаются, главным образом, по двум причинам: авторитетом тех, кто вынесли решение, и сходством дел, по которым ведется расследование») [11, Iul. Victor. Ars rhet. 6. De praeiudiciis].

Таким образом, в представленных выше фрагментах для обозначения судебного решения, которое становится образцом и на которое будут ориентироваться судьи, разбирая другие дела со схожими обстоятельствами, используются термины *res iudicata*, *praeiudicium* и *exemplum*.

Что касается термина *res iudicata* («судебное дело, тяжба»), то его можно отнести к любому делу; об обозначении этим термином судебного прецедента можно говорить, только исходя из контекста. Синонимом *res iudicata* является *iudicium*.

Пожалуй, самое широкое значение имеет термин *praeiudicium*, его содержание подробно рассмотрено Л. Л. Кофановым. Исследователь констатирует, что римское *praeiudicium* включало в себя, во-первых, любые судебные решения по другим судебным делам, используемым в качестве примеров, т. е. судебных прецедентов; во-вторых, это те предварительные досудебные определения, которые выносились до начала судебного процесса; в-третьих, термином *praeiudicium* обозначалось всякое досудебное и даже внесудебное заявление или, точнее, мнение авторитетного, т. е. обладающего определенными, основанными на авторитете должности или частного гражданина полномочиями отдельного лица, магистра, или группы лиц, или даже всего римского народа [12, с. 9].

Начиная с Квинтилиана, закрепляется мнение, что для обозначения авторитетного судебного решения вернее использовать термин *exemplum*. При вынесении судебного решения судьи в Риме опирались на уже вынесенное ранее решение, если их дело имело с предыдущим схожие обстоятельства. Оратор отмечает, что «каждый судья склонен подтверждать приговор другого судьи» [10, Quint. Inst. orat. V.2.2]. Квинтилиан даже указывает области права, в которых значение судебного прецедента очевидно – «дела об отцовских завещаниях, признанных недействительными или утвержденных против интересов детей» [10, Quint. Inst. orat. V.2.2].

Итак, судебное решение в Риме имело значительный авторитет, подтвержденный развитием судебной практики, хотя, конечно, это и не обязательная связующая сила прецедента, выраженная в англосаксонском праве через принцип *stare decisis*. Прецедент в классическом его понимании обладает не только связующей силой, но и содержит в себе принципиальные правовые положения, сформулированные судьей применительно к данному делу, которые принято обозначать термином *ratio dicendi* [13, с. 97].

Возникает вопрос о том, могло ли решение суда в Риме устанавливать эти правовые принципы – содержать обобщенную правовую аргументацию по конкретному делу, которую потом могли использовать другие судьи?

Эмпирический анализ

Ответ на этот вопрос можно получить из рассмотрения дела о так называемом Фульциниевом поместье [14, Cic. Pro Caec.]. Обстоятельства дела следующие. Цезения после смерти своего первого мужа – М. Фульциния, вышла замуж за А. Цецину. По завещанию первого мужа она являлась *узифруктарией* Фульциниева поместья, а когда это поместье было выставлено на продажу, его купил некто Эбуций, ходатай по делам Цезении. Однако осталось неясным, кто стал собственником поместья: Эбуций или Цезения?

После смерти Цезения оставила трех наследников: Цецину (69/72 долей наследства), отпущенника первого мужа, Фульциния (2/72 доли) и, наконец, Эбуция (1/72 доля). Таким образом, Цецина стал собственником всех имений (в размере 23/24), собственницей которых была его жена. После того как он был утвержден претором во владении завещанными имениями, он хотел уделить Эбуцию его долю. Однако это привело к пререканиям со стороны Эбуция сначала относительно всего наследства, затем он предложил Цецине решить вопрос о принадлежности Фульциниева поместья. В итоге дело кончилось тем, что Эбуций занял поместье вооруженными людьми, а когда Цецина попытался туда проникнуть, его оттуда прогнали.

По факту грубого самоуправства Цецина затребовал у претора восстановительный интердикт *de vi armata*. Эбуций заявил, что данный интердикт к нему не применим; между сторонами состоялась взаимная *спонсия*, на основании которой претор назначил суд рекуператоров. Представителем истца стал Цицерон, представителем ответчика – Пизон.

Цицерон указывал на сам факт вооруженного самоуправства, которого было достаточно для восстановления во владении поместьем. Суть защиты Пизона состояла в следующем. Слово *deiectus* (part. perf. pass. от глагола *deicio*; букв. «прогнанный») применимо только к владельцу поместья. Цецина во владение поместья не вступал и там не находился, т. е. не владел поместьем ни *corpore*, ни *animo*, ему просто не дали войти на территорию поместья (*obstitit*), поэтому интердикт *de vi armata* к данному случаю не относится.

Весьма интересным является то, что Цицерон предостерегает рекуператоров от принятия аргументации Пизона, исходя из правовых последствий их возможного решения. Цицерон утверждает: “...populi Romani causa, civitatis ius, bona, fortunae possessionesque omnium in dubium incertumque revocantur. Vestra auctoritate hoc

constituetur, hoc praescribetur: quicum tu posthac de possessione contendes, eum si ingressum modo in praedium deieceris, restituas oportebit; sin autem ingredienti cum armata multitudine obvius fueris et ita venientem reppuleris, fugaris, averteris, non restitues. Iuris si haec vox est, esse vim non in caede solum sed etiam in animo, libidinis, nisi cruor appareat, vim non esse factam; iuris, deiectum esse qui prohibitus sit, libidinis, nisi ex eo loco ubi vestigium impresserit deieci neminem posse» («...общее дело римского народа, гражданское право, имущества и владения всех граждан потеряют почву под собой. Всем весом вашего авторитета будет установлено на будущее, предписано людям следующе: «Если ты человека, с которым ты ведешь спор из-за владения землей, прогонишь тотчас после того как он вошел в спорное поместье – ты должен водворить его обратно; но если ты, когда он будет приближаться, выйдешь ему навстречу с вооруженными людьми и его отгонишь, обратишь в бегство, заставишь удалиться – ты обратно водворить его не обязан») [14, Cic. Pro Caec. XXVII.76].

Результаты

Дело о Фульциниевом поместье демонстрирует, что определенное судебное решение могло обладать силой авторитета в Риме, поскольку содержало в себе обобщенную юридическую аргументацию или правовые принципы применительно к разбираемой ситуации, которые, однако, могли также использоваться при рассмотрении дел со сходными обстоятельствами. Именно поэтому они становились прецедентами.

Видимо, таких решений в судебной практике Рима было много. К примеру, в «деле воина» правовой принцип определялся ответом на вопрос – может ли сын считаться устранимым от отцовского наследства, если отец не поименовал его в завещании ни как наследника, ни как лишённого наследства [9, Cic. De orat. I.175]. К этой же категории дел относятся: спор об изгнаннике [9, Cic. De orat. I.177]; дело Г. Сергия Ораты [9, Cic. De orat. I.178]; тяжба Мания Курия и М. Капония [9, Cic. De orat. I.180], в которой Красс и Кв. Сцевола, будучи представителями сторон, также ссылались на примеры сходных случаев; наконец, дело об отце семейства, прибывшем из Испании в Рим [9, Cic. De orat. I.177].

Итак, судебные решения в Риме обладали достаточным авторитетом и содержали в себе определенные правовые принципы, которые судьи применяли при рассмотрении дел со сходными обстоятельствами. Это позволяет согласиться с

мнением Г. Ф. Йоловича о том, что «существуют основания думать, что в своем отношении к судебному вердикту римляне первых трех веков нашей эры не столь сильно отличались от англичан, как это принято считать» [4, р. 12].

Список литературы

1. Муцалов Ш. Ш., Динаев И. З. И еще раз к вопросу о судебной практике как источнике российского права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5. С. 257–261.
2. Katzoff R. Sources of Law in Roman Egypt. The Role of the Prefect // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1980. Teil. II. Bd. 13. S. 807–844.
3. Weiß E. Recitatio und Responsum im römischen Provincialproceß. Ein Beitrag zum Gerichtsgebrauch // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte; Romanistische Abteilung. 1912. Bd. 33. S. 225–232.
4. Jolowicz H. F. Case Law in Roman Egypt // The Journal of the Society of Public Teachers of Law. 1937. Vol. 14. P. 1–16.
5. Браткин Д. А. Судебный прецедент в римском Египте I–III вв. // Вестник древней истории. 2008. № 3 (266). С. 81–93.
6. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1 : кн. 1–4. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2008. 583 с.
7. Дождев Д. В. Римское частное право. М. : Норма, 2008. 783 с.
8. M. Tulli Ciceronis. Rhetorica / recogn. brevique adnot. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 2. Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1911. 276 p.
9. M. Tulli Ciceronis. Rhetorica / recogn. brevique adnot. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 1. Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1902. 270 p.
10. Quintilian; with an English translation / ed. by H. E. Butler. Vol. 2. Cambridge, Mass. ; London : Harvard University Press ; William Heinemann, Ltd., 1921. 532 p.
11. Halm C. Rhetores Latini minores. Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, 1863. 658 p.
12. Кофанов Л. Л. К интерпретации понятия *praeiudicium* в римском праве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Право. 2012. Т. 8, вып. 1. С. 5–14.
13. Максимов А. А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. 1995. № 2. С. 97–102.
14. M. Tulli Ciceronis. Orationes / recogn. brevique adnot. critica instruxit A. C. Clark. Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1909. 495 p.

References

1. Mutsalov Sh. Sh., Dinaev I. Z. And once again to a question of jurisprudence as a source of Russian law. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2014, no. 5, pp. 257–261 (in Russian).

2. Katzoff R. Sources of Law in Roman Egypt. The Role of the Prefect. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 1980, pt. II, vol. 13, pp. 807–844.
3. Weiss E. Recitatio and responsum in the Roman provincial process. A contribution to court usage. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte; Romanistische Abteilung*, 1912, vol. 33, pp. 225–232 (in German).
4. Jolowicz H. F. Case Law in Roman Egypt. *The Journal of the Society of Public Teachers of Law*, 1937, vol. 14, pp. 1–16.
5. Bratkin D. A. Precedent in Roman Egypt (1st to 3rd Centuries AD). *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2008, no. 3 (266), pp. 81–93 (in Russian).
6. *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian / transl. from Latin; ans. ed. L. L. Kofanov. Vol. 1, book 1–4. 2nd ed.]. Moscow, Statut Publ., 2008. 583 p. (in Russian).
7. Dozhdev D. V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, Norma Publ., 2008. 783 p. (in Russian).
8. M. Tulli Ciceronis. *Rhetorica* / recogn. brevique adnotat. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 2. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1911. 276 p. (in Latin).
9. M. Tulli Ciceronis. *Rhetorica* / recogn. brevique adnotat. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 1. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1902. 270 p. (in Latin).
10. Butler H. E. (ed.). *Quintilian : with an English translation*. Vol. 2. Cambridge, Mass., London, Harvard Univ. Press, William Heinemann, Ltd., 1921. 532 p.
11. Halm C. *Rhetores Latini minores*. Lipsiae, In aedibus B. G. Teubneri, 1863. 658 p. (in Latin).
12. Kofanov L. L. About the Interpretation of ‘praeiudicium’ concept in Roman law. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Pravo* [Vestnik NSU. Series: Law], 2012, vol. 8, iss. 1, pp. 5–14 (in Russian).
13. Maksimov A. A. Precedent as one of the sources of English law. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1995, no. 2, pp. 97–102 (in Russian).
14. M. Tulli Ciceronis. *Orationes* / recogn. brevique adnotat. critica instruxit A. C. Clark. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1909. 495 p. (Latin).

Поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

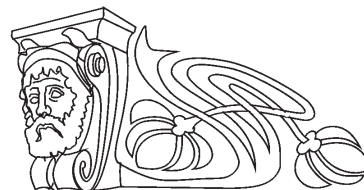
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 112–117

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 112–117

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-112-117>, EDN: CURWXA

Научная статья
УДК 342.9

Электронная коммерция с использованием блокчейн-технологий

В. В. Храмушин

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36

Храмушин Виталий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, xvitali@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6461-7796>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу практики использования в Российской Федерации блокчейн-технологий для коммерческой деятельности. В настоящее время в Российской Федерации можно выделить два основных направления такой коммерции: заключение и исполнение смарт-контрактов; осуществление сделок с криптовалютами. **Теоретический анализ.** Российское законодательство в настоящее время практически не регулирует заключение смарт-контрактов. Однако это не препятствует в практической деятельности предпринимателей использовать некоторые общие положения Гражданского кодекса РФ. Что же касается криптовалют (цифровых валют), то они не являются валютами в буквальном смысле, и количество сделок с ними существенно ограничено законодателем. **Эмпирический анализ.** Пробелы в отечественном законодательстве в настоящее время в определенной степени восполняются судебной практикой, прежде всего арбитражной. В частности, суды однозначно квалифицируют деятельность по майнингу криптовалют в качестве предпринимательской. Что же касается вложения финансовых средств в криптовалюты, то оно рассматривается в качестве разновидности доверительного управления. **Результаты.** Необходимым на современном этапе является признание цифровых валют имуществом не только для определенных целей, но и для более широкого круга отношений. Что же касается смарт-контракта, то здесь важной является проблема понимания его смысла и содержания всеми его сторонами. Для решения этой проблемы представляется необходимым закрепить в отечественном гражданском законодательстве норму, согласно которой при заключении смарт-контракта к нему должен прилагаться текст, отражающий все его условия на русском языке (либо на ином языке, устраивающем обе стороны).

Ключевые слова: электронная коммерция, смарт-контракты, криптовалюты, цифровые валюты, предпринимательская деятельность

Для цитирования: Храмушин В. В. Электронная коммерция с использованием блокчейн-технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 112–117. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-112-117>, EDN: CURWXA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

E-commerce using blockchain technologies

V. V. Khramushin

Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanni Lane, Moscow 117997, Russia

Vitaliy V. Khramushin, xvitali@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6461-7796>

Abstract. Introduction. The article analyzes the practice of using blockchain technologies for commercial activities in the Russian Federation. Currently, in the Russian Federation, two main directions of such commerce can be distinguished: conclusion and execution of smart contracts; implementation of transactions with cryptocurrencies. **Theoretical analysis.** Nowadays, the Russian legislation hardly regulates the conclusion of smart contracts. However, this does not prevent entrepreneurs from using some general provisions of the Civil Code in their practical activities. As for cryptocurrencies (digital currencies), they are not currencies in the literal sense and the number of transactions with them is significantly limited by the legislator. **Empirical analysis.** Gaps in domestic legislation are currently being filled to some extent by court practice, primarily arbitration. In particular, the courts clearly qualify the cryptocurrency mining activity as entrepreneurial. As for investing financial resources in cryptocurrencies, it is regarded as a form of fiduciary management. **Results.** At this stage, it is necessary to recognise digital currencies as assets not only for certain purposes, but for a wider range of relationships. As far as smart contracts are concerned, an important problem is the problem of understanding its meaning and content by all its parties. To solve this problem, it is necessary to introduce a rule in the national civil legislation according to which a smart contract should have a text with all its terms in Russian (or in any other language acceptable to both parties).

Keywords: e-commerce, smart contracts, cryptocurrencies, digital currencies, business activities

For citation: Khramushin V. V. E-commerce using blockchain technologies. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 112–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-112-117>, EDN: CURWXA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Электронная коммерция может быть определена как направленная на получение прибыли деятельность (коммерческая деятельность), осуществляемая исключительно или преимущественно посредством использования информационно-коммуникационных технологий (в том числе сети «Интернет»). Блокчейн-технологии предоставляют широкие возможности для коммерческой деятельности. Для этих целей используются заключение смарт-контрактов, а также различного рода сделки с криптовалютами (цифровыми валютами).

Теоретический анализ

Практическое использование смарт-контрактов в настоящее время характеризуется достаточно широким спектром вариантов:

- первичное размещение токенов;
- финансирование цепочек поставок;
- осуществление межбанковских расчетов;
- ипотечное кредитование;
- кредитование малого бизнеса;
- оптимизация страховых бизнес-процессов;
- распоряжение результатами интеллектуальной деятельности;
- другие.

При этом чаще всего смарт-контракты применяются в отношении нематериальных объектов (финансов, объектов интеллектуальной деятельности, токенов и т.п.). Существуют попытки использовать смарт-контракты и при заключении сделок по поводу материальных товаров. Здесь главной сложностью является проблема передачи информации о движении товара из реального мира в виртуальность (в конкретную информационную систему на базе блокчейн). Для решения данной проблемы используются так называемые оракулы – технические устройств, передающие необходимую информацию в сеть «Интернет» [1, с. 202].

Пример такой сделки: заключен договор купли-продажи товара (например, станков) с поставкой из г. Нью-Йорка (США) в г. Брест (Франция). Товар помещается в опечатываемые контейнеры в Нью-Йорке, на каждый из них ставится маячок-оракул. При загрузке на судно контейнеры проходят через специальную арку, которая принимает сигнал от маячка и передает его в Интернет. В Бресте контейнеры проходят через такую же арку на входе на склад заказчика. В результате информация о том, что определенное количество контейнеров с необходимым товаром поступило на склад, передается через Интернет в соответствующую блокчейн-плат-

форму, что влечет за собой автоматическое исполнение финансового обязательства заказчика (необходимая сумма в виде криптовалюты перечисляется поставщику).

Российское законодательство в настоящее время практически не регулирует заключение смарт-контрактов. Однако это не препятствует в практической деятельности предпринимателей использовать некоторые общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Прежде всего, к смарт-контрактам полностью применимы основные положения о заключении договора (ст. 432 ГК РФ):

«1. Договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

2. Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной», а также о форме договора (ст. 434) ГК РФ:

Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными.

Указанные положения гражданского законодательства позволяют заключать смарт-контракт путем составления его текста (электронного документа), в котором определены его существенные условия, указанные в ч. 1 ст. 432 ГК РФ.

Что касается исполнения смарт-контрактов, то отечественное гражданское законодательство содержит, по крайней мере, одну специальную норму на эту тему, введенную Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»: условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки (ст. 309 ГК РФ).

В случае смарт-контракта контроль и обеспечение исполнения реализует соответствующая цифровая технология (программа для ЭВМ). В частности, технология самостоятельно устанавливает факты исполнения и нарушения условий договора и дает команды об исполнении и завершении сделки (например, зачислении денег на счет получателя, выдаче товара, списании неустоек, блокировке счета и др.). Таким образом, как верно отмечает Н. Ю. Чельшева, поведение сторон договорного отношения, идентифицированных технологией смарт-контракт, не просто подконтрольно, а подчинено алгоритму работы технологии. Каждый из участников договора (покупатель, заказчик, продавец, перевозчик) получает причитающееся ему благо автоматически при наступлении указанных в договоре юридических фактов. Таким образом, по мнению исследователя, в процессе заключения договора с применением технологии смарт-контракт у участников практически сливаются воедино воля на заключение договора и воля на его исполнение [3, с. 33].

Будучи программой, реализуемой в рамках блокчейн-платформы, находящейся в открытом доступе в сети «Интернет» (в случае если смарт-контракт реализуется на публичном блокчейне), смарт-контракты могут подвергнуться вмешательству со стороны с целью внесения в них несанкционированных изменений (еще до этапа заключения). Хотя в принципе блокчейн-технологии по самой своей природе достаточно хорошо защищены, в том числе и от хакерских атак, такая возможность все же сохраняется. Для небольших по вычислительной мощности блокчейнов также существует риск «атаки 51%» (завладение более чем 50% мощностями блокчейна, что позволяет полностью его контролировать) [4, с. 20]. С практической точки зрения в подобных случаях возникает вопрос: кто должен нести риск, связанный с исполнением смарт-контракта, подвергнутого несанкционированным изменениям? Здесь применима ч. 3 ст. 401 ГК РФ, согласно которой «3. Если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов

должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств».

Судебная арбитражная практика также свидетельствует о том, что риски хакерских атак лежат на предпринимателях-владельцах сайтов (Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2011 г. № А70-3415/2011; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2013 г. № 08АП-10404/12).

Использование цифровой валюты для осуществления электронной коммерческой деятельности регулируется, прежде всего, Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Данный Закон определяет, что под организацией обращения (включая обмен) в Российской Федерации цифровой валюты понимается деятельность по оказанию услуг, направленных на обеспечение совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций, влекущих за собой переход цифровой валюты или прав на них от одного обладателя к другому с использованием объектов российской информационной инфраструктуры, в частности, организация и проведение купли-продажи, обмена цифровых валют друг на друга и (или) на законные платежные средства. Операции между частными лицами за собственные средства и в свою пользу не подлежат дополнительному регулированию.

При этом, согласно тому же Закону, в Российской Федерации запрещается распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

Таким образом, цифровая валюта на территории Российской Федерации не только не является законным средством платежа, но и в принципе не может рассматриваться в качестве средства платежа. Это подтверждает тот факт, что сам термин «валюта» применительно к цифровой валюте является условным, она не является валютой в традиционном значении этого слова, а выступает лишь определенной ценностью.

Исходя из приведенных выше норм Закона, можно выделить следующие возможные операции с цифровой валютой, направленные на ее использование в коммерческой деятельности:

- купля-продажа цифровых валют;
- эмиссия цифровых валют (майнинг);
- приобретение информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них;
- получение и выдача займов;
- обеспечение по кредитам;
- внесение цифровой валюты в уставный капитал [6, с. 110].

Что касается эмиссии цифровых валют, то под выпуском цифровой валюты в Российской Федерации понимаются действия с использованием объектов российской информационной инфраструктуры и (или) пользовательского оборудования, размещенного на территории РФ, направленные на предоставление возможностей использования цифровой валюты третьими лицами.

Эмпирический анализ

Надо сказать, что в судебной практике уже в целом сложилась позиция по поводу того, что эмиссия цифровых валют (майнинг) является разновидностью предпринимательской деятельности. В качестве примера здесь можно привести Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 по делу № 88-19776/2020.

В данном случае Л. заказал на официальном сайте ООО «СВГА СТОР» в Интернете компьютерное оборудование майнер ZIG Z1 PRO 13GH, которое оказалось неисправным. Обратившись в суд, он просил взыскать с продавца не только стоимость оборудования, но и неустойку, а также компенсацию морального вреда и штраф в соответствии с законом о защите прав потребителей.

Суд отказал истцу в части требований, касающихся применения к спорным правоотношениям законодательства о защите прав потребителей. При этом он указал, что целенаправленная деятельность покупателя по добыче криптовалюты (майнинг) посредством использования компьютерного оборудования, приобретенного у продавца, направлена на систематическое извлечение прибыли в виде конвертируемых и платежеспособных (ликвидных) криптовалют. Учитывая функциональное назначение и свойства спорного оборудования, которые исключают его приобретение в целях удовлетворения личных (бытовых), семейных нужд, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что на возникшие между сторонами правоотношения не распространяются положения законодательства о защите прав потребителей.

Можно отметить, что в настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе находится проект Федерального закона № 127303-8 «О майнинге в Российской Федерации».

Под майнингом (выпуском, генерацией, деятельностью по майнингу) цифровой валюты в Российской Федерации понимается деятельность с использованием объектов российской информационной инфраструктуры (а именно: доменных имен и сетевых адресов, находящихся в российской национальной доменной зоне, и (или) информационных систем, технические средства которых размещены на территории Российской Федерации, и (или) комплексов программно-аппаратных средств, размещенных на территории РФ) и (или) пользовательского оборудования, размещенного на территории Российской Федерации, результатом которой становится создание цифровой валюты, в частности, поддержание распределенного реестра и генерация цифровых валют и их блоков, валидация операций в реестре.

Под оператором майнинга в проекте названного закона понимается коммерческая организация, в том числе с иностранными инвестициями, зарегистрированная на территории Российской Федерации, осуществляющая майнинг в качестве основной деятельности.

Проект также устанавливает следующее:

- физические лица вправе заниматься майнингом при условии регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого лица, если потребляемая ими электроэнергия превышает лимиты, установленные Правительством Российской Федерации;
- оператор майнинга ведет учет генерируемых цифровых валют, их видов, договоров с пользователями (при их наличии), договоров с операторами обмена цифровых валют или платежными системами и банками, обменными сервисами, которые осуществляют обмен цифровых валют и их покупку.

Таким образом, проект предполагает значительное расширение прав майнеров по сравнению с действующим в настоящее время законодательством.

Что касается других коммерческих операций с криптовалютами (цифровыми валютами), то на практике здесь чаще всего используется купля-продажа различных валют с целью получения прибыли (игра на разнице курсов). Высокая волатильность абсолютно всех криптовалют делает эту деятельность, с одной стороны, способной приносить достаточно высокую прибыль, с другой – крайне высокорисковой.

Распространение на практике также получают операции, связанные с привлечением чужих денежных средств для вложения их в криптовалюты, с целью опять-таки возможного получения прибыли. Следует иметь в виду, что данная деятельность не может рассматриваться как отношения займа, а является разновидностью инвестирования либо доверительного управления.

В качестве примера можно привести Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2022 по делу № 3359 -4714/2022.

В данном случае, согласно позиции истца, между сторонами был заключен договор займа. Целью предоставления займа являлось приобретение цифровой валюты – биткойна. С самого начала договорных отношений ответчик принятые на себя обязательства надлежащим образом не исполнял – причитающиеся проценты в оговоренные сроки и в полном объеме не выплачивал, достигнутых договоренностей не придерживался. Согласно позиции ответчика, договор займа между сторонами не заключался, фактически между сторонами была достигнута иная договоренность, схожая с доверительным управлением, целью которой было получение истцом прибыли.

Суды всех инстанций, включая и Московский городской суд, встали на сторону ответчика. При этом, отклоняя доводы истца о возникновении между сторонами отношений по договору займа, суд отметил, что расписка в получении займа между сторонами не составлялась, содержание представленной переписки сторон свидетельствует о том, что Ш. понимала и осознавала, что передает денежные средства В. И. не на условиях займа, а ответчик понимал и осознавал, что денежные средства передаются ему не в долг, и на ином основании.

Результаты

В связи со сказанным выше представляется необходимым сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие в российском законодательстве комплексного регулирования сделок с криптовалютами (цифровыми валютами) и порядка заключения смарт-контрактов, имеет место достаточно активное развитие электронной коммерции в данной сфере. При этом достаточно большую роль здесь играет арбитражная практика, которая позволяет восполнить пробелы законодательства.

В то же время, безусловно, развитие нормативного регулирования электронной коммерции также является необходимым. В первую очередь,

отечественному законодателю следует наконец-то определить правовой режим цифровых валют, которые в настоящее время не относятся ни к одному из объектов гражданских прав, что затрудняет защиту прав их обладателей [7, с. 14]. Представляется, что целесообразным является признание цифровые валюты имуществом не только для определенных целей (как это имеет место в настоящее время), а для более широкого круга отношений.

Что же касается смарт-контракта, то здесь важным является понимание его смысла и содержания всеми сторонами данного соглашения. Для решения этой проблемы представляется необходимым закрепить в отечественном гражданском законодательстве норму, согласно которой при заключении смарт-контракта к нему должен прилагаться текст, отражающий все его условия на русском языке (либо на ином языке, устраивающем обе стороны).

Список литературы

1. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 200–204. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-200-204>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
3. Чельшева Н. Ю. Концепция правового регулирования смарт-контракта в гражданском праве // Право и экономика. 2022. № 7. С. 32–36.
4. Арсланов К. М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. № 6. С. 18–23.
5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации ; федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.
6. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 11. С. 103–113. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113>
7. Чаннов С. Е. Защита прав обладателей цифровых валют в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Законодательство. 2022. № 11. С. 14–20.

References

1. Amelin R. V., Channov S. E. Transformation of law under the influence of digital technology: New requirements for the training of lawyers. *Izvestiya of Saratov*

- University. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 200–204 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-200-204>
2. Civil Code of the Russian Federation (Part one) 51-FZ of 30.11.1994 (an edition of 16.04.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301 (in Russian).
 3. Chelysheva N. Yu. The concept of legal regulation of a smart contract in civil law. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2022, no. 7, pp. 32–36 (in Russian).
 4. Arslanov K.M. Smart contract: A type of the classical contract, a computer program (code) or an electronic form of the contract? *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2021, no. 6, pp. 18–23 (in Russian).
 5. On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law 259-FZ of 31.07.2020 (an edition of 14.07.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5018 (in Russian).
 6. Sitnik A. A. Digital currencies: Problems of legal regulation. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 11, pp. 103–113 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113>
 7. Channov S. E. Protection of digital currency holders' rights in the Russian Federation: Problems and prospects. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2022, no. 11, pp. 14–20 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 118–122

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 118–122

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-118-122>, EDN: CKERCU

Научная статья

УДК 342.71

К вопросу о свободном выборе в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией соотечественников за рубежом

Н. А. Кондукторова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кондукторова Надежда Александровна, ассистент кафедры теории государства и права, grishchenko.kz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2606-9044>

Аннотация. Введение. Действующее понятие «соотечественник за рубежом» дополнено условием о свободном выборе в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией. Целью работы является исследование данного условия в контексте обозначенного понятия. **Теоретический анализ.** Выявлено, что свободный выбор – это совершенное лицом действие, свидетельствующее о желании возникновения правоотношений, базирующихся на духовной, культурной и правовой связи с государством в целях признания соотечественником за рубежом. Признание соотечественником за рубежом базируется на свободном выборе как акте самоидентификации, выраженном в различных видах деятельности лица в России и за ее пределами. **Эмпирический анализ.** Обозначены две ключевые проблемы, возникающие в процессе признания лица соотечественником за рубежом: невозможность реализации в полной мере правового статуса соотечественника в иностранных государствах и злоупотребление возможностью получения данного статуса в Российской Федерации. **Результаты.** Появление в законодательстве о правовом статусе соотечественников за рубежом конструкции «свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией» оценивается положительно, однако требует дополнения обязательным условием о владении русским языком.

Ключевые слова: соотечественник, соотечественник за рубежом, свободный выбор, духовная, культурная и правовая связь

Для цитирования: Кондукторова Н. А. К вопросу о свободном выборе в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией соотечественников за рубежом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 118–122. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-118-122>, EDN: CKERCU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The issue of free choice in favor of spiritual, cultural and legal ties of compatriots abroad with the Russian Federation

N. A. Konduktorova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nadezhda A. Konduktorova, grishchenko.kz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2606-9044>

Abstract. Introduction. The current concept of “compatriot abroad” is supplemented by the condition of free choice in favor of spiritual, cultural and legal ties with the Russian Federation. The purpose of the work is to study this condition in the context of the designated concept. **Theoretical analysis.** The author has revealed that free choice is an action committed by a person, indicating the desire for the emergence of legal relations based on spiritual, cultural and legal ties with the state in order to be recognized as a compatriot abroad. Recognition of compatriots abroad is based on free choice as an act of self-identification, expressed in various types of activities of a person in Russia and abroad. **Empirical analysis.** The author identifies two key problems that arise in the process of recognition of a person as a compatriot abroad: the impossibility of fully realizing the legal status of a compatriot in foreign countries and the abuse of the possibility of obtaining this status in the Russian Federation. **Results.** The appearance of the construction of “free choice in favor of spiritual, cultural and legal ties with the Russian Federation” in the legislation on the legal status of compatriots abroad is evaluated positively. However, it requires an addition of a mandatory condition of proficiency in the Russian language.

Keywords: compatriot, compatriot abroad, free choice, spiritual, cultural and legal connection

For citation: Konduktorova N. A. The issue of free choice in favor of spiritual, cultural and legal ties of compatriots abroad with the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 118–122 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-118-122>, EDN: CKERCU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» был принят 24 мая 1999 г. [1]. С того момента он претерпел некоторые изменения, которые выразились не только в образовании новых органов, институтов и создании государственных программ, но и в изменении самого содержания понятия «соотечественник за рубежом». Наиболее любопытным с теоретической точки зрения стало введение в конструкцию указанного понятия условия самоидентификации данного субъекта путем осуществления свободного выбора в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией. Приходится признать, что подобный выбор не является стандартным и широко распространенным в конституционно-правовых отношениях.

В связи с изложенным целью настоящей работы выступает исследование понятия «соотечественник за рубежом», его нормативной модификации и значения в рассматриваемой правовой конструкции свободного выбора в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией.

Теоретический анализ

В самых ранних редакциях вышеупомянутого Закона в понятие «соотечественник за рубежом» вкладывался только признак гражданской принадлежности. Речь шла о признании соотечественниками тех, кто имеет российское гражданство и проживает за рубежом; тех, кто стал гражданином иностранного государства в результате распада Советского Союза; и тех, кто когда-то состоял в гражданстве Российского государства, российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, но приобрел гражданство в другом государстве или стал лицом без гражданства; а также потомков лиц из вышеуказанных категорий [1].

Однако Федеральным законом от 23.07.2010 № 179-ФЗ было изменено содержание понятия «соотечественник за рубежом» [2]. В пояснительной записке отмечалось, что цель внесения изменений – отражение современных подходов Российского государства к взаимодействию с соотечественниками, выраженному в переходе от гуманитарной помощи к партнерству и сотрудничеству. Инициаторами законопроекта о внесении поправок предлагалось уточнить исследуемое понятие для исключения возможности отнесения к соотечественникам всех лиц, являющихся гражданами бывших союзных республик [3]. В новой редакции ст. 1 Федерального закона от

24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» появились следующие формулировки: соотечественниками признаются лица, «...относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации...» и «...сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией...» [1].

Вопрос о принадлежности лица к определенному народу является дискуссионным, в особенности в сравнении с принадлежностью к какой-либо национальности. Однако в контексте данного нормативного акта законодатель сделал акцент на принадлежности к определенной народности (традиционно проживающей на территории РФ), что, безусловно, в первую очередь определяется историческими и культурными аспектами происхождения человека, на которые он влиять не в силах.

Однако термин «свободный выбор», исходя из буквального толкования, предполагает наличие осознанной воли в определении того или иного варианта действия. В контексте понятия «соотечественник за рубежом» свободный выбор представляет собой совершенное лицом действие, свидетельствующее о желании возникновения правоотношений, базирующихся на духовной, культурной и правовой связи с государством.

С точки зрения юридической техники наличие союза «и» между словами «духовной», «культурной» и «правовой» предполагает одновременное использование всех трех компонентов при реализации исследуемой нормы.

Таким образом, законодатель хотел подчеркнуть важность не только соответствия установленным формальным критериям (национальная и гражданская принадлежность), которые от самого лица не зависят, но и подкрепленное действиями желание быть частью русского мира.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что представляет собой в контексте признания соотечественником за рубежом духовная, культурная и правовая связь?

Эмпирический анализ

Законом разъясняется, что признание соотечественниками по указанным выше основаниям является актом их самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию русской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской

Федерацией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите их прав, либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Российской Федерацией [1].

В этом случае речь идет о различных видах деятельности соотечественников, связанных с развитием и распространением русской культуры за рубежом. В иностранных государствах, несмотря на все трудности, по-прежнему функционируют русскоязычные школы, где изучаются русские литература и история (в конце октября 2022 г. в Мадриде прошел I Международный конгресс «Русская школа в условиях современных вызовов» [4]). Соотечественники за пределами Российской Федерации чтят историческую память, ежегодно принимая участие в акции «Бессмертный полк» (в 2022 г. акция состоялась на Кубе, в Ливане, Сербии, Венесуэле, Китае и многих других государствах по всему миру [5]). Несмотря на декларируемую отмену русской культуры за рубежом, за пределами России все еще ждут выступлений отечественных исполнителей с классическими концертными программами [6].

Правовая же связь соотечественников с Российской Федерацией базируется на действующем законодательстве. В частности, в 2020 г. в Конституции Российской Федерации в ч. 3 ст. 69 появилась важная норма. Она устанавливает, что Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности [7]. Также в нормативную базу по данному вопросу входят Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [8], ранее упомянутый Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [1] и иные документы. Однако что представляет собой по содержанию правовая связь соотечественников с Россией?

Устойчивая правовая связь лица с государством уже обозначена в российском законодательстве единым термином – гражданство [9]. Ученые определяют гражданство как двустороннюю связь лица с государством, содержание которой составляют не взаимные права и обязанности как таковые, а лишь определенное их сочетание, характеризующееся особыми качествами [10, с. 22–23] (в связи с этим в федеральном законодательстве используется термин «устойчивая связь»).

Правовой статус соотечественников неотждественен правовому статусу гражданина Российской Федерации. Однако по аналогии мы можем определить правовую связь лица с государством как совокупность их взаимных прав и обязанностей.

В соответствии с законодательством соотечественники имеют право на получение поддержки со стороны России в экономической, социальной и культурной сферах, на участие в государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [11] и получение льгот в связи с этим, участие в общественных объединениях и т.д. Согласно принципу единства прав и обязанностей Российская Федерация гарантирует и обеспечивает вышеуказанные права. Но есть ли у соотечественников перед Российским государством какие-либо обязанности? На наш взгляд, исходя из всего вышеизложенного, существует группа обязанностей, присущих соотечественникам, основу которых составляет владение русским языком и вытекающие из этого: распространение русского языка, использование его в повседневной жизни, укрепление и развитие русской культуры, уважение исторической памяти.

Однако при реализации вышеуказанных норм возникают некоторые проблемы.

1. Правовой статус соотечественника за рубежом напрямую связан с его статусом как гражданина иностранного государства. В связи с этим воплощение в реальности идеи свободного выбора, особенно в аспекте распространения русского языка и культуры, является затруднительным для соотечественников из ряда государств. В частности, мы можем говорить о препятствовании использованию в повседневной жизни русского языка, дискриминации в трудовой сфере по национальному признаку, закрытии русскоязычных школ, запрете на исполнение за рубежом произведений отечественных композиторов и т.д. И до тех пор, пока лицо имеет подданство иностранного государства, проявить себя в полной мере как соотечественник по отношению к России для некоторых граждан является почти невозможным.

2. Следующая проблема вытекает из факта злоупотребления иностранными гражданами возможностями, предоставляемыми Россией для своих соотечественников. В соответствии с ч. 7 ст. 14 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» иностранные граждане и лица без гражданства, которые являются участниками государственной программы по оказанию содей-

ствия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, могут обратиться с заявлением о принятии в гражданство РФ в упрощенном порядке. В отношении них не действуют нормы о пяти годах непрерывного проживания на территории России с момента получения вида на жительство, о подтверждении владения русским языком, о наличии законного источника средств к существованию [9]. Так как факт свободного выбора (в контексте Закона) трудно подтвердить какими-либо документами, всегда будет иметь место пренебрежение данным правилом. В результате практически любое лицо, желающее получить гражданство в упрощенном порядке, может воспользоваться положением о свободном выборе и признать себя соотечественником, не имея на самом деле стремления стать частью русского мира. Как итог, предоставление Российской Федерацией права признания себя соотечественником становится не способом борьбы с последствиями распада Советского Союза, а лишь этапом миграционного процесса отдельно взятого иностранного гражданина или лица без гражданства.

Обе проблемы показывают недостатки существующего механизма реализации права соотечественников на возвращение в Россию. В первом случае выход из ситуации возможен на международном уровне посредством согласованных действий государств по недопущению нарушения прав соотечественников – граждан этих стран. Однако в современной ситуации подобное видение решения проблемы кажется утопичным. В связи с этим на сегодняшний день мы можем лишь говорить о возможности смещения акцентов в национальной политике России с поддержки соотечественников за рубежом в сторону еще большего объединения соотечественников на своей территории.

Решением проблемы злоупотребления правом на возвращение является возобновление обязательной процедуры признания носителем русского языка. Свободное знание русского языка и использование его в бытовой жизни должно быть ключевым критерием для признания лица соотечественником. Именно язык является базой духовной, культурной и правовой связи с государством, в пользу которой соотечественники совершают свой выбор в стремлении стать частью русского мира.

Результаты

Подводя итог изложенному, следует заключить, что включение в понятие «соотечественник за рубежом» критерия свободного выбора в

пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией является обоснованным. Данный критерий позволяет признать таковыми не всех лиц, подходящих по признаку гражданской и национальной принадлежности, а только тех из них, кто актом самоидентификации может подтвердить свое намерение стать частью русского мира. Однако для недопущения злоупотребления данной возможностью, предоставляемой Российской Федерацией, необходимо включить требование о знании русского языка в число обязательных условий признания лица соотечественником за рубежом.

Список литературы

1. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федер. закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 22, ст. 2670 ; 2013. № 30 (ч. I), ст. 4036.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» : федер. закон от 23.07.2010 № 179-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 30, ст. 4010.
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/346064-5> (дата обращения: 01.12.2022).
4. Русские школы за рубежом в условиях отмены «русской культуры» // Россия и соотечественники. URL: <http://www.russkie.org/articles/russkie-shkoly-zarubezhom-v-usloviyakh-otmeny-russkoj-kultury/> (дата обращения: 01.12.2022).
5. Как акция «Бессмертный полк» прошла по всему миру // Фонтанка.ру : [сайт]. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/05/09/71318480/> (дата обращения: 01.12.2022).
6. «Посольство мастерства»: музыканты Сергей Ролдугин и Мирослав Култышев выступили в Минске // Известия.78 [сайт]. URL: <https://78.ru/articles/2022-10-26/roldugin> (дата обращения: 01.12.2022).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
8. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012

- № 1666 (ред. от 06.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477 ; 2018. № 50, ст. 7739.
9. О гражданстве Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. 24.09.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031 ; 2022. № 39, ст. 6540.
10. Черниченко С. В. Международно-правовые вопросы гражданства. М. : Международные отношения, 1968. 160 с.
11. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 (ред. от 12.08.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26, ст. 2820 ; 2022. № 33, ст. 5893.
5. How the Immortal Regiment campaign was held around the world. *Fontanka.ru*. Site. Available at: <https://www.fontanka.ru/2022/05/09/71318480/> (accessed 1 December 2022) (in Russian).
6. “Embassy of Excellence”: musicians Sergey Roldugin and Miroslav Kultyshev performed in Minsk. *Izvestia.78*. Site. Available at: <https://78.ru/articles/2022-10-26/roldugin> (accessed 1 December 2022) (in Russian).
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
8. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the President of the Russian Federation no. 1666 of 19.12.2012 (an edition of 06.12.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 52, art. 7477; 2018, no. 20, art. 7739 (in Russian).
9. On the citizenship of the Russian Federation. Federal Law 62-FZ of 31.05.2002 (an edition of 24.09.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 22, art. 2031; 2022, no. 39, art. 6540 (in Russian).
10. Chernichenko S. V. *Mezhdunarodno-pravovye voprosy grazhdanstva* [International Legal Issues of Citizenship]. Moscow, Internastional'nye otnosheniya Publ., 1968. 160 p. (in Russian).
11. On measures to facilitate the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad. Decree of the President of the Russian Federation no. 637 of 22.06.2006 (an edition of 12.08.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 26, art. 2820; 2022, no. 33, art. 5893 (in Russian).

References

Поступила в редакцию 02.12.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 02.12.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

ISSN 1994-2540

23001

9 771994 254007

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Том 23, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право**

